

**2026
N 2 (76)**

**ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА
LEGAL SCIENCE AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE
YURIDICHESKAYA NAUKA I PRAVOOKHRANITEL'NAYA PRAKTIKA**

16+

Научно-практический журнал.
Учрежден Тюменским институтом повышения
квалификации сотрудников МВД России.
Издается с 2006 г. Выходит ежеквартально

Scientific and Practical Journal. Established
by Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation.
Published since 2006. Issued quarterly

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Председатель

Chairman

КОКОРИН Д.Л.,
кандидат юридических наук, доцент,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

KOKORIN D.L.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Главный редактор

Chief Editor

ЧЕРНОВА С.С.,
кандидат юридических наук,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

CHERNOVA S.S.,
Candidate of Legal Sciences,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Ответственный редактор

Executive Editor

ЛЕТАЕВА Е.А.,
кандидат юридических наук, доцент,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

LETAEVA E.A.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Члены редакционной коллегии:

Members of the editorial board:

БАРАНОВ В.М.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации, почетный работник
высшего профессионального образования
Российской Федерации,
Нижегородская академия МВД России

BARANOV V.M.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honoured Scientist of the Russian Federation,
Honorary Worker of Higher Professional
Education of the Russian Federation
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БЕЗРУКОВ А.В.,
доктор юридических наук, доцент,
Сибирский федеральный университет

BEZRUKOV A.V.,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,
Siberian Federal University

ГЕРАСИМЕНКО Ю.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
Уполномоченный по защите прав
предпринимателей в Омской области

GERASIMENKO Yu.V.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honoured Lawyer of the Russian Federation,
Business Rights Commissioner
in the Omsk region

ГРЕЧКИНА О.В.,
доктор юридических наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации

GRECHKINA O.V.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and
Public Administration

ГРИШКО А.Я.,
доктор юридических наук, профессор,
Рязанский государственный
университет им. С.А. Есенина

GRISHKO A.Ya.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Ryazan State University named after
S.A. Yesenin

ИЛЬЯШЕНКО А.Н.,
доктор юридических наук, профессор,
Кубанский государственный университет

IL'YASHENKO A.N.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Kuban State University

КОМИССАРОВА Е.Г.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет

KOMISSAROVA E.G.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honoured Worker of Higher School
of the Russian Federation,
Perm State National
Research University

ЛИПИНСКИЙ Д.А.,
доктор юридических наук, профессор,
Тольяттинский государственный университет

LIPINSKIY D.A.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Togliatti State University

МАЙОРОВ В.И.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников
МВД России

MAYOROV V.I.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

МАЛЬКО А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Поволжский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России) в г. Саратове

MAL'KO A.V.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honoured Scientist of the Russian Federation,
Volga Region Institute (branch) of the All-Russian
State University of Justice
(Russian Law Academy of the
Ministry of Justice of Russia)
in Saratov

НЕЗНАМОВА З.А.,
доктор юридических наук, профессор,
Уральский государственный
юридический университет
имени В.Ф. Яковлева

NEZNAMOVA Z.A.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Ural State Law University
named after V.F. Yakovlev

СЕРГЕЕВ А.Б.,
доктор юридических наук, профессор,
Челябинский государственный университет

SERGEEV A.B.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Chelyabinsk State University

СУМАЧЕВ А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

SUMACHEV A.V.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation

ШАРАПОВ Р.Д.,
доктор юридических наук, профессор,
Санкт-Петербургская академия
Следственного комитета
Российской Федерации

SHARAPOV R.D.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
St. Petersburg Academy
of the Investigative Committee
of the Russian Federation

ШРУБ М.П.,
кандидат юридических наук, доцент,
Институт повышения квалификации
и переподготовки Следственного комитета
Республики Беларусь

SHRUB M.P.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Advanced training and retraining Institute
of the Investigating Committee
of the Republic of Belarus (Belarus)

ЮЗИХАНОВА Э.Г.,
доктор юридических наук, профессор,
Санкт-Петербургский
университет МВД России

YUZIKHANOVA E.G.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
St. Petersburg University of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

**Ответственность за содержание
материалов несут авторы статей.**

**Мнение редакции журнала может
не совпадать с точкой зрения авторов
публикаций.**

**Журнал включен в Перечень российских
рецензируемых научных журналов
и изданий (категория 2 (K2)
по научным специальностям:**

**5.1.1. Теоретико-исторические правовые
науки; 5.1.2. Публично-правовые
(государственно-правовые) науки;
5.1.4. Уголовно-правовые науки**

Партнеры:

Международная ассоциация
содействия правосудию;
Российская криминологическая ассоциация

Partners:

International Union of Assistance to Justice;
Russian Association for Criminology

Адрес редакции, издателя и типографии:

625049, г. Тюмень, Тюменская область,
ул. Амурская, 75.

**Address of the Editorial Board, Publisher
and Printing House:**

Amurskaya str. 75, Tyumen,
Tyumen region, 625049, Russia.

<http://www.naukatipk.ru>; +7 3452 598 484; naukatui@mail.ru

ISSN 1998-6963

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ N ФС77-79556 от 07.12.2020 г.

Редактор Е.В. Карнаухова.

Технический редактор Е.В. Карнаухова.

Перевод на английский язык: Ю.А. Никонова.

Подписано в печать 26.06.2026. Дата выхода в свет 30.06.2026.

Формат 60x84/8. Усл. п. л. 12. Уч.-изд. л. 11,4.

Тираж 300 экз. Заказ N 005. Цена свободная.

© ФГКУ ДПО «ТИПК МВД России», 2026.



СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

ВАЛЕЕВА Г.А. О методологии
исследования процессуальной
ответственности

6

СИТНИКОВ К.А. Взаимосвязь
охранительной и мемориальной
функций права

17

Раздел 2. Уголовный закон

ИВАНОВА Л.В. Признаки
организованной группы
в условиях развития цифровизации

25

Раздел 3. Криминологическая наука

МАЙОРОВ В.И. Деятельность полиции
по противодействию преступлениям
в области безопасности
дорожного движения

33

ГУРКОВА А.Э., СТАНКЕВИЧ К.К.
Криминологическая характеристика
современной женской преступности

42

Раздел 4. Совершенствование правоохранительной практики

МАКОВИЧ Г.В. Лингвистическая
адресация в цифровой коммуникации
правоохранительных органов: влияние
на восприятие норм права
и правовые последствия

51

ГЛУХОВА Е.В. Принципы
организации и деятельности прокуратуры
в условиях цифровой трансформации

59

ШАРОВ К.В. Актуальные направления
противодействия незаконному
хранению огнестрельного оружия
в Российской Федерации

67

Section 1. Methodology of law enforcement activities

VALEEVA G.A. On the methodology
of studying procedural
responsibility

SITNIKOV K.A. Interrelation
of the protective and memorial
functions of law

Section 2. Criminal law

IVANOVA L.V. Signs
of an organized group
in the context of digitalization

Section 3. Criminology

MAYOROV V.I. Police activities
in countering road traffic crimes

GURKOVA A.E., STANKEVICH K.K.
Criminological characteristics
of contemporary female criminality

Section 4. Improving law enforcement practice

MAKOVICH G.V. Linguistic addressing
in digital communication of law
enforcement agencies: influence
on perception of legal norms
and legal consequences

GLUKHOVA E.V. Principles of organization
and activities of the procuracy in the
context of digital transformation

SHAROV K.V. Current directions
in countering the illegal
possession of firearms
in the Russian Federation

Раздел 5. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

СОН Э.В. Иностранцы граждане как объект криминологического исследования

74

ТЕПЛЕНКО А.Н. Институт представительства иностранных граждан в досудебном уголовном судопроизводстве: постановка проблем и определение путей их решения (на основе проводимого диссертационного исследования)

82

ОБЕРНИХИНА О.В. Зарубежный опыт правового регулирования обратной силы уголовного закона

90

Раздел 6. Обзоры, рецензии, критика

ШЕСТАКОВА Л.А. Отзыв на диссертацию О.А. Фарафоновой «Производство вербальных следственных действий посредством видео-конференц-связи»

97

Section 5. The problems of legal science and law enforcement practice: young researchers' view

SON E.V. Foreign nationals as an object of criminological research

TEPLENKO A.N. Institute of representation of foreign citizens in pre-trial criminal proceedings: identifying the problems and its solutions (based on the results of the dissertation research)

OBERNIKHINA O.V. Foreign experience in legal regulation of the retroactive effect of criminal law

Section 6. Reviews, critiques

SHESTAKOVA L.A. Review of the dissertation by O.A. Farafonova "Conduction of verbal investigative actions via video-conferencing"

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

Научная специальность: 5.1.1

О методологии исследования процессуальной ответственности

Гузель Анваровна Валеева,

кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия, gavaleeva55@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7895-8134>

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы использования диалектического метода научного познания при исследовании процессуальной ответственности. Особый акцент сделан на диалектической логике и алгоритме, посредством которых определяются парные юридические категории. Показывается, как с помощью алгоритма могут быть исследованы позитивная и негативная ответственность, процессуальная и материально-правовая ответственность. Уделяется внимание формальной логике, методам структурного анализа и их значению в исследовании процессуальной ответственности. Аргументируется, что синергетический метод может быть использован только в качестве дополнительного (вспомогательного). Делается вывод о том, что наряду с классическим формально-юридическим методом в исследованиях процессуальной ответственности и в настоящее время остается актуальной реализация диалектического метода. Кроме того, обосновывается, что в юридической науке не используется в должной степени потенциал парных юридических категорий, позволяющий получить новые знания, в том числе и о процессуальной ответственности.

Ключевые слова: процессуальная ответственность, методология, диалектический метод, парные юридические категории, материально-правовая ответственность, формальная логика

Для цитирования: Валеева Г.А. О методологии исследования процессуальной ответственности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2026. N 2 (76). С. 6-16.

On the methodology of studying procedural responsibility

Guzel A. Valeeva,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia, gavaleeva55@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7895-8134>

Abstract. The article discusses the problems of using the dialectical method of scientific cognition in the study of procedural responsibility. The author especially focuses on the dialectical logic and the algorithm by which paired legal categories are determined. It is shown how positive and negative responsibility, as well as procedural and substantive responsibility can be studied using the algorithm. Attention is paid to formal logic, methods of structural analysis and their importance in the study of procedural responsibility. It is argued that the synergetic method can only be used as an additional (auxiliary) method. It is concluded that the implementation of the dialectical method in the study of procedural responsibility remains relevant alongside the classical formal legal method. It is substantiated that the potential of paired legal categories, allowing to acquire new knowledge, in particular about procedural responsibility, is not used properly in the legal science.

Keywords: procedural responsibility, methodology, dialectical method, paired legal categories, substantive responsibility, formal logic

For citation: Valeeva G.A. On the methodology of studying procedural responsibility // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2026. No. 2 (76). P. 6-16.

Введение

Для любого исследователя вопросы методологии имеют важное значение, предопределяя тем самым направление научного поиска. Очевидно, что в юридической науке десятилетиями используется апробированный набор методов, приемов, способов и подходов, но для получения разных результатов нецелесообразно выбирать один и тот же метод. Кроме того, возможно сочетание методов для проверки достоверности полученного результата. Научные выводы становятся более весомыми и выходят на новый уровень достоверности в случае, если они получены при помощи различных методов исследования.

Автор настоящей статьи не стремится описать все без исключения методы, приемы и способы, при помощи которых можно исследовать процессуальную ответственность, а акцентирует внимание только на некоторых из них, имеющих особое значение. В частности, необходимо определить значение диалектики в целом и ее составной части — диалектической логики в исследовании процессуальной ответственности; методы, при помощи которых наиболее целесообразно исследовать понятие процессуальной ответственности, ее структуру, наличие возможной парности между позитивной и негативной процессуальной ответственностью, материально-правовой и процессуальной ответственностью.

Необходимость верного определения методологии исследования процессуальной ответственности обусловлена еще несколькими аспектами.

Во-первых, в последние годы имеет место критика диалектического материализма, который, по мнению отдельных ученых, должен быть заменен методом синергетики как наиболее прогрессивным и актуальным, позаимствованным в западной науке. Кроме того, «вместо попыток критического переосмысления этой теории предлагают возвратиться к социальному и экономическому либерализму XIX века или его модификации XX века в духе Хайека» [1, с. 5].

Во-вторых, в исследованиях, посвященных юридической ответственности, часто указывается, что при определении

ее понятия исходят из методологической установки о том, что она может быть только за правонарушение, а все иные мнения — это методологическая ошибка [2, с. 67]. При этом авторы, как правило, не принимают во внимание, что методология — это учение о методах, и, сделав громкое заявление об ошибке, подкрепив его словосочетаниями типа «методологический подход», «исходное положение исследования», так и не указывают, в реализации какого метода была допущена ошибка или почему не является верным тот или иной метод исследования юридической ответственности.

Можно предварительно заключить, что в юридической литературе допускается достаточно вольное обращение с понятием «методология». Например, И.А. Кузьмин отмечает: «выделение позитивной юридической ответственности в качестве самостоятельной правовой категории считаем методологической ошибкой» [3, с. 120]. При этом автор не указывает, каким именно методам исследования или концептуальным подходам (которые также основываются на совокупности тех или иных методов) не соответствует выделение позитивной юридической ответственности. Вместе с тем И.А. Кузьмин сам использует аргументацию против концепции позитивной юридической ответственности, не основанную на каких-либо научных методах. Например, применяется усиление речевого оборота: «негативная, по-настоящему правовая, ответственность» или в качестве аргумента ссылается на мнение известного ученого. Однако и известные ученые могут ошибаться [3, с. 120].

В работе, посвященной методологии юридической ответственности, И.А. Кузьмин отмечает: «в качестве основных положений теории юридической ответственности, которые определяют и направляют методологический арсенал правоведения, мы называем следующие» [2, с. 67]. Далее автор фактически перечисляет различные признаки юридической ответственности [2, с. 68], при этом явно переставляются местами причина и следствие. Не отправные признаки юридической ответственности определяют методы, а при помощи тех или иных методов эти признаки выявляются учеными.

В-третьих, направление юридического поиска в сфере правовой ответственности зависит также от типа правопонимания, которого придерживается тот или иной ученый. Например, А.У. Бейсенова видит истоки позитивной правовой ответственности в либертарно-юридической концепции права [4, с. 172]. С таким утверждением трудно согласиться, так как сторонники концепции позитивной юридической ответственности не выступают за разграничение права и закона, правовых и неправовых законов, минимизацию роли государства в регулировании отношений, им чужды рассуждения об абстрактной свободе. Существующая концепция позитивной юридической ответственности основана на современном нормативном понимании права с некоторыми элементами социологического правопонимания. И именно они, а не либертарно-юридическая концепция находятся в основе юридической ответственности во всех ее проявлениях.

Такой вывод следует из того, что ученые не только не воспринимают при разработке юридической ответственности основные постулаты либертарной теории, но и выстраивают конструкцию юридической ответственности на вполне ясных и понятных категориях, таких как «норма права», «санкция», «правомерное поведение», «противоправное поведение», «юридическая обязанность», «формальная определенность», «нормативность», и т.д. В качестве одной из отправных точек всегда указывается на принцип законности, который распространяет свое действие на правовую ответственность во всех ее проявлениях. Доводы сторонников позитивной юридической ответственности основываются, в частности, на традиционной морали и нравственных ценностях, а не на антиморали «успешного человека».

Основная часть

Известно, что «методология — это система определенных принципов, способов, методов, правил научной деятельности, применяемых для получения истинных знаний об окружающей действительности. Имеется в виду вся совокупность познавательного инструментария, а также учение об этом инструментарии» [5, с. 12]. Вопросам методологии исследования процессу-

альной ответственности в юридической науке не уделялось внимания, по крайней мере автору настоящей статьи не известны труды, в которых бы специально раскрывалась названная проблематика, а работы, посвященные методологии исследования юридической ответственности, являются единичными [6; 7; 8]. Вместе с тем методологические подходы, используемые при исследовании юридической ответственности, вполне применимы и при изучении процессуальной ответственности.

После принятия Конституции Российской Федерации юристов-исследователей охватила некая эйфория деидеологизации, обусловленная отказом от марксизма, а вместе с ним и от диалектики, однако, думается, антинаучно ставить под сомнение классическую триаду законов диалектики — единство и борьбу противоположностей, отрицание отрицания, переход количественных изменений в качественные. Исследование юридической ответственности без применения категорий диалектики в принципе невозможно. Более того, в конечном счете это может привести к весьма сомнительным научным результатам.

Составной частью диалектики выступает диалектическая логика, которая после периода деидеологизации российской юридической науки возвращается в юридические исследования [9], так как отвергать все методы по причине их активного использования в советский период необоснованно. На протяжении последних двух десятилетий с помощью приемов и способов, характерных для диалектической логики, исследуются наказание и поощрение, ответственность и безответственность, имущественные и неимущественные санкции, альтернативные и безальтернативные санкции, а также другие правовые категории [10, с. 104].

Диалектическая логика в юридических исследованиях позволяет определить как единство, так и противоречия явлений правовой жизни, показать их динамику, взаимосвязи друг с другом и явлениями более высокого уровня обобщения, а также с иными категориями, которые являются парными. Кроме того, использование подобного рода методологии способствует выявлению системных признаков, взаим-

ных переходов и пограничных явлений, которые нельзя определить как абсолютные две полярности.

Позитивная и негативная процессуальная ответственность, объединяемые общим явлением процессуальной ответственности, с позиции диалектической логики образуют пару. С одной стороны, они представляют собой единство, а с другой — являются противоположностями, образуя две самостоятельные юридические пары. Им присущи определенные взаимосвязи и некоторые зависимости. В частности, позитивная процессуальная ответственность — это одно из проявлений правовой культуры, а негативная процессуальная ответственность — следствие правонарушения и антикультуры. Таким образом, здесь продемонстрирована взаимосвязь с другой юридической парой — процессуальной культурой и процессуальной антикультурой.

Позитивная процессуальная ответственность связана с правомерным поведением, а негативная — с процессуальным правонарушением, и это еще одна юридическая пара. Следует признать, что такая дифференциация носит несколько упрощенный характер вследствие существования переходных правовых форм, которые сложно однозначно отнести к позитивной или негативной процессуальной ответственности. Например, позитивная процессуальная ответственность в виде социально активного процессуально-правомерного поведения характеризуется положительным внутренним отношением к социальным ценностям, закрепленным в процессуальных нормах; законоуважением, а не законопослушанием. При этом для процессуального правонарушения, выступающего основанием негативной процессуальной ответственности, характерно наличие вины, в которой проявляется отрицательное отношение субъекта к правам и свободам человека, интересам государства и иным социальным ценностям. Однако в процессе исполнения процессуального наказания субъект может изменить свое отношение к содеянному и вести себя правомерно в соответствии с требованиями процессуальных норм, что выступает уже проявлением позитивной процессуальной ответственности в ходе

несения негативной процессуальной ответственности. Позитивная и негативная процессуальная ответственность диалектически взаимосвязаны, и одно правовое состояние может переходить в другое.

С позиции диалектической логики можно исследовать две юридические пары: позитивную процессуальную ответственность и безответственность субъектов. Если обратиться к признакам позитивной процессуальной ответственности, то с внешней стороны она характеризуется процессуальной обязанностью и предоставленными правомочиями (что соответствует ее статической стадии), которые в динамике выражаются в различных разновидностях правомерного поведения (социально активном, привычном, конформистском или маргинальном поведении, являющемся пограничным). С внутренней стороны ее связывают с такими составляющими правосознания, как правовой долг, воля, сознание, а также с различными мотивами и целями. Такая постановка проблемы предопределена тем, что в научных исследованиях все разновидности правомерного поведения определяют как позитивное ответственное.

Между тем правомерное поведение разнообразно по своим мотивам, целям и взаимодействию с нормами нравственности. С внутренней стороны оно может характеризоваться мотивами страха перед наказанием или осуждением со стороны окружающих и общества в целом. В этом случае следует констатировать наличие противоречий между внутренней и внешней стороной позитивной процессуальной ответственности. Однако подобного рода проявления деятельности субъекта в объективной реальности еще нельзя назвать безответственностью субъекта. Это своеобразное пограничное состояние, которое может трансформироваться в правонарушение. Рассматриваемый конфликт внешнего и внутреннего показывает взаимосвязь процессуальной ответственности и процессуальной безответственности, а также правовой культуры и антикультуры субъектов вследствие того, что последние две пары также характеризуются не только внешней, но и внутренней стороной. Данный тезис подчеркивает противоречия, существующие

между внешне позитивной процессуальной ответственностью и низкой процессуальной культурой, а также внутренней безответственностью личности.

В связи с этим возникает вопрос о допустимости признания высокой правовой культурой маргинальных действий, а также отнесения их к позитивной правовой жизни субъекта. На данный вопрос следует ответить отрицательно, поскольку не все проявления позитивной процессуальной ответственности можно соотнести с такой категорией, как правовая культура. Указанное выше наглядно показывает, чем характеризуется единство и в чем состоит борьба противоположностей в явлении процессуальной ответственности.

С позиции диалектической логики, используя алгоритмы парных юридических категорий, можно исследовать многие правовые явления и понятия, составляющие основу теории процессуальной ответственности в частности и юридической ответственности в целом, а именно: добросовестное пользование процессуальными правами и злоупотребление ими; процессуально-правомерное поведение и процессуальное правонарушение; охранительное правоотношение и регулятивное правоотношение и т.д. Думается, что особой актуальностью будет отличаться исследование материально-правовой и процессуальной ответственности с позиции парных юридических категорий. При этом парность предполагает и наличие неких переходных форм, характеризующих трансформацию одной правовой субстанции в другую. А.А. Павлушина верно отмечает, что материальность предполагает наличие процессуальности, и наоборот [11, с. 533], в связи с чем материально-правовая ответственность обуславливает и существование процессуальной ответственности.

Акцент на необходимости исследования с позиции парных юридических категорий сделан не случайно, так как юридические явления, которые с внешней стороны представляются парными, могут не быть таковыми. К данному выводу можно прийти при исследовании «юридической пары» с применением особого алгоритма. Однако установление того, что существует «юридическая пара», не является самоцелью, так как главное — полу-

чить с использованием соответствующих приемов и способов новые знания о фактах правовой действительности.

К сожалению, исследовательский потенциал парных юридических категорий юридической наукой в должной мере не использован. В литературе верно указано на некую ограниченность формальной логики, которая, безусловно, должна сочетаться с диалектической логикой [12, с. 24].

В принципе можно согласиться с предложенным А.В. Малько и В.В. Ныrkовым алгоритмом исследования парных юридических категорий: «...во-первых, необходимо осуществить анализ каждого из противоположных явлений; во-вторых, выявить общие признаки и различия между ними; в-третьих, раскрыть единство данных явлений; в-четвертых, определить взаимодействие; в-пятых, надлежит представить раскрытое взаимодействие как источник их самодвижения; в-шестых, необходимо выявить качественно-количественную неравноценность; в-седьмых, следует определить взаимосвязи с парами более высокого уровня» [12, с. 29]. Очевидно, что стадии в указанном выше алгоритме представлены достаточно условно, а в процессе исследования юридических пар они взаимосвязаны, поэтому выделить их можно только теоретически.

Диалектический метод многогранен и не состоит исключительно из приемов и способов, характерных для изучения парных юридических категорий. Он также заключается в исследовании предмета в его движении, развитии и взаимосвязи с другими явлениями социальной действительности.

К одному и тому же научному результату можно приходиться с использованием различных методов, что также будет подтверждать верность того или иного вывода. Например, кроме диалектической логики существует еще и формальная логика, традиционно применяемая в юридических исследованиях в составе формально-юридического и иных методов. Выявление родовых и видовых явлений — это один из классических алгоритмов, входящих в состав формальной логики и формально-юридического метода. Именно при помощи данного метода Д.А. Липинский анализирует родовое понятие

социальной ответственности, выявляет ее признаки, а затем показывает, как они обнаруживаются у видовых явлений, в том числе у юридической ответственности [8, с. 67]. На основе формальной логики им делается вывод о существовании позитивной юридической ответственности. В частности, отмечается: «согласно традиционной логике, признаки, отмеченные у определенного рода явлений в общем понятии, обязательно имеются и у специфических явлений данного класса» [8, с. 67]. Примечательно, что далее автор, применяя диалектическую логику, также делает вывод о существовании позитивной и негативной юридической ответственности [8, с. 65].

Применительно к настоящей статье можно выстроить понятийный логический ряд: социальная ответственность — юридическая ответственность — процессуальная ответственность. Позитивная и негативная составляющие, отмеченные у социальной ответственности, находят свое проявление и у юридической ответственности, а также у ее разновидности — процессуальной ответственности. В связи с этим многие исследования, посвященные юридической ответственности, начинаются с определения понятия социальной ответственности [6, с. 18]. Выявив признаки социальной ответственности, ученые адаптируют и экстраполируют их на юридическую ответственность. В случае отсутствия адаптации будет происходить механический перенос социальных и философских конструкций на правовую материю, что в принципе недопустимо.

Раскрывая вопросы методологии исследования юридической ответственности, важно указать на необходимость осторожного подхода к методам, подобным синергии. При этом, с точки зрения некоторых ученых, «синергетика должна полностью заменить диалектику» (Венгеров А.Б., 1998), а часть исследователей рассматривает этот метод как вспомогательный [2, с. 69]. Многие авторы полагают, что суть синергетики заключается в случайности: «именно случай толкает систему в неожиданном, непредсказуемом направлении» (Венгеров А.Б., 1998). Любая наука имеет дело с закономерностями, а не со случайностями, однако череда случайностей может свидетельствовать о закономерностях,

но это уже проявление диалектики, а не синергии. Между тем и сама диалектика не отрицает необходимости изучения случайностей. Как верно отмечает В.М. Сырых, «синергетика, если она, действительно, несет с собой новые рациональные способы познания случайностей в непосредственной практике, может использоваться лишь на эмпирическом этапе научного познания либо при проведении прогнозных исследований» [13, с. 125]. Иными словами, это дополнительный метод научного познания, не подменяющий иные приемы и способы исследования.

И.А. Кузьмин, обосновывая применение синергетического метода, указывает, что с его помощью «становится возможным рассмотреть юридическую ответственность с точки зрения системы» [2, с. 69]. При этом неясно, чем синергетический метод отличается от системного и почему приоритет отдается именно ему. Более того, раскрывая особенности синергетического метода в исследованиях юридической ответственности, автор, по сути, пишет о диалектике, а далее делает вывод: «методология юридической ответственности дополняется очерченным гармонизирующим и систематизирующим методом, ориентированным на познание системной модели юридической ответственности с позиции ее потенциала к самоорганизации и саморазвитию» [2, с. 70]. Парадокс заключается в том, что не совсем ясно, что понимает автор под «систематизирующим методом», так как любой из методов направлен на упорядочение знаний и выявление новых закономерностей. Если ученый имеет в виду системный метод, то он не должен подменяться неким системообразующим методом.

Кроме того, познание модели юридической ответственности возможно с использованием любого метода, и весьма спорным является утверждение о том, что юридическая ответственность способна к самоорганизации и саморазвитию. Думается, что категории «самоорганизация» и «саморазвитие» неприменимы как таковые к системе юридической ответственности в целом. Система юридической ответственности, как и система права, предопределена существующими общественными отношениями, а также потребностями

ми общества и государства в их развитии, но без воли законодателя их формирование тоже невозможно. Если взять правоприменительный аспект юридической ответственности, то есть реализацию, то и он во многом зависит от воли компетентных органов. В связи с этим утверждение о каком-то «саморазвитии» и «самоорганизации» юридической ответственности не совсем обоснованно.

Необходимо указать, что никто из критиков диалектического материализма так и не обосновал невозможность применения в юриспруденции категорий, характеризующих структуру познания, к которым относятся «субъект» и «объект», «истина», «практика», «свобода» и «необходимость», «конкретное» и «абстрактное». Все они могут использоваться при разработке различных аспектов процессуальной ответственности. Следует согласиться с Н.И. Матузовым в том, что «огольное отрицание всего марксистского теоретического наследия сегодня неактуально и непродуктивно, ибо в этом наследии есть как устаревшие или даже изначально неверные постулаты, так и положения, которые сохраняют свою силу и в настоящее время. Более того, некоторые из них новейшая история лишь подтвердила» [5, с. 13].

Не менее важен для исследования структурный метод. В частности, Д.А. Липинский отмечает: «в основу исследования юридической ответственности должен быть положен структурный метод познания. Наряду с ним необходимо, разумеется, использовать и иные научные методы — диалектический, системно-функциональный, формально-юридический, правового моделирования» [8, с. 66]. Процессуальная ответственность как правовое явление характеризуется определенной структурой. Ей присуща целостность конструкции. Потенциально в правовых нормах, предусматривающих юридическую ответственность, закреплена позитивная и негативная юридическая ответственность. «Установление единой ответственности имеет место до факта правомерного или противоправного поведения» [8, с. 67].

Позитивную и негативную процессуальную ответственность можно рассматривать как элементы общей структуры, находящиеся в состоянии взаимодействия,

а взаимодействие между позитивной и негативной ответственностью необходимо исследовать на основе законов диалектики и диалектической логики. Применение структурного метода возможно также и при анализе элементов, входящих в содержание как позитивной, так и негативной юридической ответственности. Например, в структуру юридической ответственности за правонарушение входит: дополнительная обязанность, осуждение, наказание (в его общетеоретическом значении), состояние наказанности. При этом данные элементы появляются поэтапно после юридического факта правонарушения, и каждый из элементов структуры взаимосвязан с правоотношениями. Названные элементы последовательно взаимодействуют друг с другом. «Здесь обнаруживается, что между ее системообразующими элементами существует строгая иерархическая соподчиненность, отношения субординации и координации» [8, с. 65].

Системное взаимодействие можно обнаружить и у элементов, входящих в структуру позитивной ответственности. В связи с этим представление одного элемента в качестве сложного явления — юридической ответственности в целом и процессуальной ответственности в частности ошибочно. При помощи метода структурного анализа можно исследовать и другие составляющие теории процессуальной ответственности: процессуальное правонарушение, функции и цели процессуальной ответственности и т.д.

Исследуя процессуальную ответственность, необходимо исходить также из того, что она выступает ценностью для личности, общества и государства, охраняя различные виды юридического процесса от нарушения, определяя критерии правомерности и противоправности. При этом важно, чтобы на первом месте находились традиционные ценности, вытекающие из особенностей хода исторического развития, общей и правовой культуры, морали и религии.

Применительно к функциям и целям на первое место выходит аксиологический метод, так как в целях закрепляются прежде всего ценности, которые необходимо достичь, а функции являются одним из средств их воплощения в реальную дей-

ствительность. Вышеизложенное не означает, что с помощью аксиологического метода нельзя исследовать другие составляющие процессуальной ответственности. В частности, используя данный метод, можно анализировать содержание норм процессуальной ответственности, так как они охраняют те или иные ценности, в том числе и ложно понятые, которые на самом деле ценностями не являются, а их появление в некоторой степени было обусловлено заимствованием различных западных правовых конструкций. Например, А.В. Малько и Р.С. Маркунин утверждают: «юридическая аномия обнаруживается и в работе такого правового института, как медиация, который до недавнего времени не был свойственен российской правовой системе» [14, с. 21]. Практика показала неготовность общества к реализации этого института, «правовые институты эффективны не при их гарантированности мерами государственного принуждения, а в случае заинтересованности в них со стороны общества» [14, с. 22]. Иными словами, медиация не являлась ценностью для большей части российского общества, в отличие от западных правовых систем.

Использование аксиологического метода при исследовании целей и функции процессуальной ответственности не исключает применения других приемов и способов научного познания. В частности, те же функции активно исследуют при помощи метода структурного анализа, который позволяет выявлять объекты, субъекты и способы воздействия, разделяя тем самым содержание функций на отдельные составляющие. Метод структурного анализа также вполне применим к целям процессуальной ответственности, которые можно рассматривать как некую систему, состоящую из множества структур (отдельных целей процессуальной ответственности).

В современную юридическую терминологию прочно вошли такие понятия, как «система права», «система юридической ответственности», «система санкций», «правовая система». Кроме того, можно утверждать о наличии системы процессуальной ответственности. При этом приведен далеко не полный перечень различных юридических систем. Например, в рамках правовой ответственности

отмечают наличие системы юридической ответственности органов публичной власти [15]. В настоящее время понятия «система» и «системный метод» приобрели статус общенаучных категорий. Процессуальную ответственность необходимо исследовать с использованием системного метода. Исходя из элементарных представлений о системном методе, прежде всего определяется сам объект, а внутри него выделяются элементы. При этом тот или иной элемент также может подвергаться дальнейшему делению. Например, систему процессуальной ответственности можно рассматривать в виде сложного межотраслевого института, состоящего из отдельных элементов — субинститутов. На ином уровне обобщения субинституты также подлежат делению, но уже на отдельные нормы процессуальной ответственности. В свою очередь, конкретную норму процессуальной ответственности необходимо исследовать как микросистему, состоящую из гипотезы, диспозиции и санкции. Однако в том случае, если санкция является сложной (составной, альтернативной), то и она предстает не в виде некоего хаотичного набора мер правового принуждения, а как микросистема.

А.В. Малько и Р.С. Маркунин по-иному рассматривают исходные элементы системы юридической ответственности. В частности, они отмечают: «структура вышеназванной системы образуется за счет наличия связей между такими элементами, как субъект ответственности, основания, меры и процедуры их реализации» [15, с. 19]. Данный подход имеет право на существование, так как юридическая ответственность — это полиструктурное и многоуровневое образование. Тем не менее, думается, что авторы так представляют не институциональный, а правореализационный уровень системы юридической ответственности.

Системный метод предполагает выявление не только элементов, входящих в единый объект, но и взаимосвязей между ними, проявляющихся в виде координации, субординации, и связей происхождения (генетических взаимосвязей). Без состояния подчинения и (или) координирования, подразумевающего отсутствие противоречий, сложно утверждать об эффективном функционировании системы

процессуальной ответственности. Кроме того, системный анализ предполагает выявление функциональной характеристики как объекта в целом, так и элементов, входящих в систему. Большинство методов исследования взаимосвязаны друг с другом. По этой причине функциональная характеристика системы процессуальной ответственности будет тесно взаимосвязана с ее целями, так как функции служат их достижению, а выявление целевого предназначения во многом основано на аксиологическом и телеологическом методах.

Для полной реализации системного метода недостаточно выявить взаимодействие различных элементов системы, необходимо раскрыть их взаимосвязи с другими системами. Как правило, это системы вышестоящего порядка. Применительно к системе процессуальной ответственности можно определять взаимодействие со следующими системами: юридической ответственностью; процессуальным правом; системой права; правовой системой. Юридическая ответственность уже подвергалась исследованию с целью определения места в правовой системе общества [16]. С таких позиций важно определить взаимодействие процессуальной ответственности с основными компонентами правовой системы — институциональным, правореализационным, духовно-нравственным (последний представлен правосознанием, правовой культурой, а также существующей правовой доктриной). В вопросах системы как процессуальной, так и юридической ответственности важно руководствоваться четкими критериями выделения правовых институтов, чтобы не появились искусственные образования, не имеющие ничего общего с реальной действительностью.

Р.Р. Хаснутдинов представляет систему юридической ответственности в виде некой совокупности отраслевых институтов, а между тем она является многоуровневым образованием [7, с. 45]. На макроуровне юридическая ответственность представлена материальной и процессуальной ответственностью; публично-правовой и частноправовой ответственностью [17, с. 25]. Микроуровень составляют отраслевые и межотраслевые институты, а норма юридической ответственности — это проявление элементарного уровня. Между раз-

личными уровнями системы юридической ответственности существуют горизонтальные и вертикальные связи, подлежащие выявлению, в том числе с использованием системного метода.

Очевидно, что нельзя недооценивать и сугубо правовой — формально-юридический метод исследования процессуальной ответственности. Известно, что прежде всего формально-юридический метод предполагает «...особую совокупность обработки и анализа содержания действующей системы права. Его специфическим свойством является отвлечение от некоторых существенных сторон права. На первый план выдвигаются здесь чисто логические, языковые и иные абстрактные стороны, выражающие структурные закономерности права» [18, с. 57]. На основе формально-юридического метода выявляются логические связи между различными структурными элементами процессуальной ответственности, анализируются законодательные дефиниции. При этом происходит абстрагирование от существующих исторических условий, экономических, духовных, политических и иных отношений.

В юридической литературе формально-юридический метод часто противопоставляют социологическому подходу. Однако формально-юридический метод, как и любой другой, недопустимо возводить в абсолют. При этом неверно полагать, что он свойственен только позитивизму или нормативизму и сводит все исключительно к догме права, его «потенциал более значителен, поскольку право как логическая система обеспечивает соединение частиц правовой материи, их аналитическую и синтетическую проработку, проблемы и перспективы правовой действительности» [19, с. 146].

Важно отметить, что различные приемы и способы толкования правовых норм входят в содержание формально-юридического метода. В связи с этим учеными достаточно часто термин «ответственность», используемый в текстах нормативных правовых актов, подвергается толкованию, в результате чего выявляется его употребление законодателем как в позитивном, так и в негативном значении [20, с. 45]. Очевидно, что при помощи различных приемов и способов толкования происходит интер-

претация не только самого термина «ответственность», но и многих других понятий, составляющих институт юридической ответственности, начиная от наиболее высоких форм абстрагирования, таких как принципы юридической ответственности, и заканчивая конкретными правовыми нормами.

Заключение

Во-первых, наряду с классическим формально-юридическим методом в исследованиях процессуальной ответственности по-прежнему остается актуальным использование диалектического метода и соответствующей логики. Кроме того, применяя не раскрытый до конца в юридической науке потенциал парных юридических категорий, можно получить новые выводы о процессуальной и материально-правовой ответственности; про-

цессуальном и материально-правовом правонарушении; позитивной и негативной процессуальной ответственности.

Во-вторых, системный и структурный методы целесообразнее реализовывать при исследовании системы процессуальной ответственности, а также для выявления ее взаимосвязей и взаимодействия с системами более низкого порядка, а именно: системой юридической ответственности в целом, системой права и правовой системой. Особое значение структурный метод приобретает при анализе взаимодействия различных элементов процессуальной ответственности на уровне правореализации. Кроме того, и иные составляющие процессуальной ответственности могут быть исследованы с применением метода структурного анализа.

Список источников

1. Мартышин О.В. Нравственные основы теории государства и права // Государство и право. 2005. N 7. С. 5-12.
2. Кузьмин И.А. Методологические ориентиры в общетеоретических исследованиях юридической ответственности // Журнал российского права. 2018. N 7. С. 62-72.
3. Кузьмин И.А. О связи юридической ответственности с системой права // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Право. 2020. N 2. С. 117-123.
4. Бейсенова А.У. О методологии исследования юридической ответственности // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2020. N 1. С. 170-176.
5. Матузов Н.И. О методологической ситуации в российском правоведении // Современные методы исследования в правоведении: [монография] / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов: Саратовский юрид. ин-т МВД России, 2007. С. 8-32.
6. Малько А.В., Липинский Д.А., Маркунин Р.С. Позитивная и негативная ответственность как проявление диалектической логики в юридических исследованиях // Государство и право. 2021. N 1. С. 17-25.
7. Хаснудинов Р.Р. Методология системного подхода к юридической ответственности: монография. Самара: Самарский юрид. ин-т ФСИН России, 2014. 170 с.
8. Липинский Д.А. О понятии и методологии исследования юридической ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2009. N 6. С. 62-67.
9. Малько А.В., Липинский Д.А., Маркунин Р.С. Позитивная и негативная ответственность как проявление диалектической логики в юридических исследованиях // Государство и право. 2021. N 1. С. 17-25.
10. Малько А.В. Правовая культура и антикультура как парные юридические категории // Правовая культура. 2021. N 2. С. 104-109.
11. Павлушина А.А. Методология исследования юридического процесса // Современные методы исследования в правоведении: [монография]. Саратов: Саратовский юрид. ин-т МВД России, 2007. С. 520-544.
12. Малько А.В., Ныров В.В. Парные категории общей теории права: методологические основания и перспективы разработки // Правовая политика и правовая жизнь. 2017. N 3. С. 23-31.
13. Сырых В.М. Материалистическая диалектика как метод познания права и современность // Современные методы исследования в правоведении: [монография]. Саратов: Саратовский юрид. ин-т МВД России, 2007. С. 120-141.
14. Малько А.В., Маркунин Р.С. Особенности проявления юридической аномии в институтах частного и публичного права // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2024. N 1. С. 18-26.
15. Малько А.В., Маркунин Р.С. Значение системного подхода в исследовании юридической ответственности органов публичной власти // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. N 2. С. 4-21.
16. Юридическая ответственность в правовой системе России: нормативные и правореализационные проблемы взаимосвязей, взаимодействия и противоречий / Д.А. Липинский, А.В. Малько, А.А. Мусаткина [и др.]; под ред. Д.А. Липинского, А.В. Малько, А.А. Мусаткиной. Москва: РИОР, 2020. 520 с.

17. Липинский Д.А. Макроуровень института юридической ответственности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. N 1. С. 25-44.
18. Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения: [монография]. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2025. 184 с.
19. Алексеев С.С. Право: Азбука. Теория. Философия: Опыт комплексного исследования. Москва: Статут, 1999. 712 с.
20. Хачатуров Р.Л., Ягютян Р.Г. Юридическая ответственность. Тольятти: Акцепт, 1995. 180 с.

References

1. Martyshin O.V. Moral Foundations of the Theory of State and Law. State and Law, 2005, no. 7, pp. 5-12. (In Russ.).
2. Kuz'min I.A. Methodological Guidelines in General Theoretical Studies of Legal Liability. Journal of Russian Law, 2018, no. 7, pp. 62-72. (In Russ.).
3. Kuz'min I.A. On the Relationship between Legal Liability and the Legal System. Bulletin of Tver State University. Series: Law, 2020, no. 2, pp. 117-123. (In Russ.).
4. Beysenova A.U. On the Methodology of Studying Legal Liability. Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan, 2020, no. 1, pp. 170-176. (In Russ.).
5. Matuzov N.I. On the Methodological Situation in Russian Jurisprudence. Modern Research Methods in Jurisprudence. Saratov, Saratov Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2007. Pp. 8-32. (In Russ.).
6. Mal'ko A.V., Lipinskiy D.A., Markunin R.S. Positive and Negative Liability as a Manifestation of Dialectical Logic in Legal Research. State and Law, 2021, no. 1, pp. 17-25. (In Russ.).
7. Khasnutdinov R.R. Methodology of a Systems Approach to Legal Liability. Samara, Samara Legal Institute of the Federal Penitentiary Service, 2014. 170 p. (In Russ.).
8. Lipinsky D.A. On the Concept and Methodology of Studying Legal Liability. Vector of Science of Togliatti State University, 2009, no. 6, pp. 62-67. (In Russ.).
9. Mal'ko A.V., Lipinskiy D.A., Markunin R.S. Positive and Negative Liability as a Manifestation of Dialectical Logic in Legal Research. State and Law, 2021, no. 1, pp. 17-25. (In Russ.).
10. Mal'ko A.V. Legal Culture and Anti-Culture as Paired Legal Categories. Legal Culture, 2021, no. 2, pp. 104-109. (In Russ.).
11. Pavlushina A.A. Methodology of Studying the Legal Process. Modern Research Methods in Jurisprudence. Saratov, Saratov Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2007. Pp. 520-544. (In Russ.).
12. Mal'ko A.V., Nyrkov V.V. Paired Categories of the General Theory of Law: Methodological Foundations and Development Prospects. Legal Policy and Legal Life, 2017, no. 3, pp. 23-31. (In Russ.).
13. Srykh V.M. Materialistic Dialectics as a Method of Understanding Law and Modernity. Modern Research Methods in Jurisprudence. Saratov, Saratov Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2007. Pp. 120-141. (In Russ.).
14. Mal'ko A.V., Markunin R.S. Features of the Manifestation of Legal Anomie in Institutions of Private and Public Law. Legal Science and Law Enforcement Practice, 2024, no. 1, pp. 18-26. (In Russ.).
15. Mal'ko A.V., Markunin R.S. The Importance of a Systems Approach in the Study of Legal Liability of Public Authorities. Law. Journal of the Higher School of Economics, 2019, no. 2, pp. 4-21. (In Russ.).
16. Lipinsky D.A., Mal'ko A.V., Musatkina A.A. [i dr.]. Legal Liability in the Russian Legal System: Normative and Law-Enforcement Problems of Interrelations, Interactions, and Contradictions Moscow, RIOR Publ., 2020. 520 p. (In Russ.).
17. Lipinsky D.A. Macrolevel of the Institute of Legal Liability. Law. Journal of the Higher School of Economics, 2019, no. 1, pp. 25-44. (In Russ.).
18. Lazarev V.V. Gaps in the Law and Ways to Eliminate Them. Moscow, Norma: INFRA-M Publ., 2025. 184 p. (In Russ.).
19. Alekseev S.S. Law: ABC. Theory. Philosophy: An Experience of Comprehensive Research. Moscow, Statut Publ., 1999. 712 p. (In Russ.).
20. Hachaturov R.L., Yagutyan R.G. Legal Liability. Togliatti, Accept Publ., 1995. 180 p. (In Russ.).

Научная специальность: 5.1.1

Взаимосвязь охранительной и мемориальной функций права

Кирилл Алексеевич Ситников,

кандидат юридических наук, Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя; Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия, kirillsa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6247-969X>

Аннотация. В статье на основе социоаксиологического подхода к праву осуществляется исследование системного характера взаимосвязи мемориальной и охранительной функций права. Автором выделяются и обосновываются четыре аспекта взаимодействия указанных функций. Охранительное воздействие обеспечивает целостность коннективной структуры общества, а коллективная память выступает непосредственным объектом правоохраны. Мемориальная функция легитимирует охранительное воздействие, переводя его в ценностно-символическую плоскость. При этом в статье обращено внимание и на то, что усиление правовой охраны памяти (появление запретов, ужесточение санкций) может сигнализировать не о росте мемориальной культуры, а о кризисе коннективной структуры общества.

Ключевые слова: функция права, охранительная функция права, мемориальная функция права, мемориальное право, коллективная память, охрана коммеморации

Для цитирования: Ситников К.А. Взаимосвязь охранительной и мемориальной функций права // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2026. N 2 (76). С. 17-24.

Interrelation of the protective and memorial functions of law

Kirill A. Sitnikov,

Candidate of Legal Sciences, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot; State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia, kirillsa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6247-969X>

Abstract. The article explores the systemic nature of the interrelation of the memorial and protective functions of law basing on the socio-axiological approach to law. Four aspects of this interrelation are identified and justified. It is stated that the protective effect ensures the preservation of the connective structure of society, while collective memory is a direct object of law protection. The memorial function legitimizes the protective effect by transferring it to the value-symbolic level. The article draws attention to the fact that strengthening the law protection of memory (emergence of the prohibitions, as well as tightening of sanctions) could signal not the growth of memorial culture, but the crisis of the connective structure of society.

Keywords: function of law, protective function of law, memorial function of law, memorial law, collective memory, protection of commemoration

For citation: Sitnikov K.A. Interrelation of the protective and memorial functions of law // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2026. No. 2 (76). P. 17-24.

Введение

Т. Гоббс в своей знаменитой работе «Левиафан» пишет, что соглашения без меча — это «лишь слова, которые не в силах защитить человека» [1, с. 163]. Действительно, одного только позитивного установления правил недостаточно, сколь бы рациональны, справедливы и потенциально эффективны для общества они ни были. Требуется

дополнительное воздействие, которое будет обеспечивать реализацию выработанных моделей поведения. Исторический опыт свидетельствует о том, что самих по себе апеллаций к справедливости и милосердию недостаточно — без их подкрепленности принуждением («мечом») нормативная система утрачивает действенность, а человеческая жизнь может превратиться в кошмар.

В современной теории права (с определенной долей условности) таким «мечом» выступает охранительная функция права, обеспечивающая защиту регулируемых общественных отношений от посягательств. Однако согласно идеям, обоснованным Т.Н. Радько, ни одна функция права не существует изолированно от других и не оказывает исключительного воздействия на общественные отношения [2, с. 5-130]. Следовательно, дальнейшее развитие авторской концепции мемориальной функции права [3; 4; 5]* невозможно без системного анализа ее взаимосвязей, в том числе с охранительной функцией**.

Цель настоящей статьи — выявить и концептуально охарактеризовать основные аспекты взаимосвязи охранительной и мемориальной функций права. Ее актуальность обусловлена, в частности, обострившимся современным межцивилизационным противоборством, сопровождающимся попытками различных акторов дестабилизировать российское общество путем посягательств на его коллективную память, выступающую в качестве одной из фундаментальных основ гражданской идентичности. В связи с этим охрана памяти приобретает не только культурное, но и политико-правовое измерение.

Основная часть исследования

Проведенный анализ позволяет выделить четыре ключевых аспекта взаимосвязи рассматриваемых функций права.

* Мемориальная функция права — это воздействие права на индивидуальную и коллективную память, целью которого является формирование общего исторического нарратива, сохранение исторической памяти коллективов различных социально-территориальных уровней, а также ее преобразование с учетом задач, стоящих перед обществом на текущем этапе. В указанных работах представлены базовые положения концепции мемориальной функции права (в частности, дана общая характеристика мемориальной функции права, а также анализируется взаимосвязь памяти с сущностью и природой права).

** При этом необходимо учитывать, что полноценное исследование мемориальной функции должно осуществляться в связи (в системе) со всеми специально-юридическими и социальными функциями права. Настоящая статья представляет собой один из шагов в данном направлении.

1. Охранительное воздействие на общественные отношения обеспечивает сохранность коннективной структуры общества

«Каждая культура образует нечто, что можно назвать ее “коннективной структурой”. Она действует соединяющим, связующим образом, причем в двух измерениях — социальном и временном. Как “символический мир смысла” (Бергер/Лукман) она связывает человека с его современниками, образуя общее пространство опыта, ожиданий и деятельности, чья связующая и обязующая сила устанавливает взаимное доверие и возможность ориентации», — пишет Я. Ассман [6, с. 15]. Коннективная структура позволяет «удерживать» накопленный прошлыми поколениями опыт и воспоминания в рамках функционирования социума на настоящем этапе во благо его будущего (последующего) развития.

С одной стороны, речь в данном случае может идти о воспоминаниях о человеческом общежитии, выступающих в качестве ключевого элемента в поиске ответа на вопрос об уникальности «мы»-группы, благодаря которому формируется идентичность, в том числе в рамках всего политически организованного общества. С другой стороны, это опыт, трансформировавшийся в последующем в конвенционально признанные правила и ценности общества (или отдельной социальной группы) [7].

Однако вполне закономерным представляется вопрос о том, каким образом происходит это «конденсирование» опыта и воспоминаний в нормы, выступающие в качестве «строительного клея» для общества. Ответ на него будет зависеть от того, о какой именно коннективной структуре идет речь. В рамках настоящей статьи, очевидно, интерес представляет право.

Исходя из рассмотренных ранее особенностей сущности и природы права в их взаимосвязи с феноменом коллективной памяти [3; 5], таким механизмом по «конденсированию» опыта и воспоминаний является публичный правовой дискурс [8; 9], в результате которого индивидуальный опыт воспоминания человека насыщается опытом и воспоминаниями других членов его социальной группы или даже всего общества. В связи с этим неудивительно, что Я. Ассман называет право одной

из важнейших и древнейших коннективных структур:

— с одной стороны, право — это и есть «кристаллизованные» человеческий опыт и воспоминания, оно содержит в себе память общества на конкретном культурно-историческом этапе его развития, закодированную правовым языком в ходе публичного правового дискурса;

— с другой стороны, право обеспечивает постоянное «повторение» прошлого, формально выраженного в обязательных правилах поведения.

Именно повторение — базовый принцип существования любой коннективной структуры. «Связывание» или «склеивание» общества осуществляется по той причине, что повторение обеспечивает относительно определенную траекторию дальнейшего функционирования и развития коллектива, наличие узнаваемых паттернов как элементов общей, объединяющей культуры.

При этом право не только задает этот паттерн (в рамках осуществления регулятивной функции), но и обеспечивает его полноценное воплощение в правовой жизни общества, что неразрывно связано уже с охранительной функцией права. Например, В.П. Малахов отмечает, что «право вполне может быть рассмотрено как саморепродуктивная система» [10, с. 177]. Действительно, было бы неверно полагать, что право может способствовать удовлетворению социальных потребностей, влекущему за собой уничтожение самой системы регулирования поведения. В этом контексте решение социальных задач вторично по отношению к самовоспроизводству, в том числе и самозащите права.

Собственно, охранительная функция и направлена на то, чтобы либо не допускать посягательств на право, либо, если ущерб системе все же был нанесен, пресечь посягательство на установленные правила поведения (регулирующие общественные отношения), восстановить прежнее правовое положение и обеспечить недопущение аналогичного в последующем.

2. Память является одним из непосредственных объектов правоохраны

Если в рамках предыдущего аспекта речь шла о самоохране права, которая обеспечивает существование данной кон-

нективной структуры и, как следствие, мемориальный потенциал права, то теперь — о непосредственной охране памяти на индивидуальном и, что более принципиально в рамках цели и задач, решаемых в настоящей статье, коллективном уровне.

Память — одно из важнейших благ, обеспечивающих нормальное функционирование социума, в том числе потому, что она выступает в качестве основы идентичности на индивидуальном и коллективном уровне. С. Холл отмечает, что «идентичности — это имена, которые мы даем различным способам, какими нас позиционируют и какими мы сами позиционируем себя в нарративах о прошлом» [11, с. 33]. Если эти «имена» не будут подлежать охране, то и вся система позиционирования автоматически становится неустойчивой.

Значимость памяти в социальных процессах тяжело переоценить, однако нельзя забывать о ее амбивалентности. Память могущественна и значима настолько, насколько уязвима. «Память всегда проблематична, обычно обманчива, а иногда и коварна... Мы и сами порой осознали, что память — одна из самых хрупких и капризных наших способностей», — отмечает один из зарубежных исследователей проблемы соотношения истории и памяти [12, с. 5].

Все это предопределяет значимость памяти в качестве объекта, охраняемого правом. Именно право восполняет отмеченную хрупкость, ограждая дискурсивно выработанную и конвенционально принятую версию прошлого от посягательств. Память охраняется как общими, так и специальными методами, в том числе имеющими различную отраслевую принадлежность, что обусловлено сложностью и многосоставностью самой охранительной функции [2, с. 183].

В этом контексте охранительная функция выступает в роли негативной гарантии права на память: государство обязуется не только не препятствовать коммеморативным практикам, но и защищать их от посягательств со стороны третьих лиц (в том числе от отрицания исторических событий, осквернения мемориалов, реабилитации нацизма и т.д.). Данный процесс можно охарактеризовать как один из способов intersубъективной конституции памяти: индивидуальные воспоминания

нения имеют значение только в той мере, в какой они признаны и разделены другими; правовая охрана коллективной памяти есть, по сути, охрана условий возможности intersubъективного признания.

Однако признание памяти объектом правоохраны порождает эпистемологическую проблему: правовая охрана всегда имеет дело не с «памятью-как-она-есть», а с ее репрезентацией — нарративом, который был легитимирован посредством публичного правового дискурса. Право не содержит в себе исключительно достоверных исторических сведений, а лишь обращается к конвенционально значимым образам прошлого. Следовательно, и охраняется не онтологически подлинная, а лишь разделяемая (причем культурно-исторически, то есть в определенном обществе и в определенный период времени) версия прошлого, которая необходима для обеспечения коллективной идентичности и предотвращения противоречий. Данное обстоятельство накладывает на правотворцев и правоприменителей особую ответственность: чрезмерная или односторонняя охрана может привести к фетишизации одного нарратива и криминализации альтернативных интерпретаций, что чревато не консолидацией, а углублением мемориальных расколов — мемориальной дисфункцией права.

На основании вышеизложенного следует сделать вывод о том, что посредством реализации охранительной функции права возможны:

- защита ряда образов прошлого (утвержденных правовыми средствами в качестве наиболее значимых) от посягательств [13, с. 54-58];

- табуирование социально опасных воспоминаний под угрозой наказания;

- ограждение социума от лиц, которые могут угрожать коллективной памяти общества и его коммеморации.

Обобщая два приведенных аспекта взаимосвязи мемориальной и охранительной функций права, следует отметить, что с усложнением общественных отношений все более затруднительным предстает обеспечение единства общества, должного состояния его коллективной памяти без устранения правовыми средствами негативных явлений, имеющих место в коммеморации

(с точки зрения как формы, так и содержания), в том числе путем осуществления правоохранительной деятельности.

3. Мемориальная функция права способствует легитимации его охранительного воздействия

Согласно концепции П. Бергера и Т. Лукмана диалектика взаимосвязи общества и составляющих его индивидов может быть охарактеризована через экстернализацию (выражение себя через деятельность), объективацию (приобретение продуктами деятельности человека качества доступности для остальных) и интернализацию (усваивание соответствующих образцов поведения другими) [14]. Поскольку зарождение, развитие и существование социального института исторично, то он объективно нуждается в постоянном поддержании своей «жизнеспособности» в глазах новых поколений, а также в легитимации: «Проблема легитимации неизбежно возникает, когда объективации (теперь исторические) институционального порядка нужно передавать новому поколению. ...самоочевидный характер институтов больше не может поддерживаться благодаря нашей собственной индивидуальной памяти и хабиитуализации» [14, с. 153]. Здесь и обретает свою особую значимость коллективная память.

Образы прошлого, воспринимаемые новым поколением в соответствующем коллективе как собственные (индивидуальные) воспоминания, способствуют объяснению того, почему тот или иной (правовой) порядок является должным. Тем самым обеспечивается не просто длительность, а непрерывность существования в памяти соответствующего института.

Очевидно, что данные утверждения в равной степени справедливы и в отношении явлений правового характера. Особую актуализацию они обретают в контексте охранительного воздействия права. Поскольку последнее объективируется для субъектов социума преимущественно в форме запретов и обязываний, постольку оно неизбежно ассоциируется с рестриктивными мерами, лишениями и дискомфортом — как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. В силу этого охранительная функция права нуждается в постоянной легитимации, причем в еще большей сте-

пени, чем регулятивная: подчинение принуждению требует не просто инструментального, но ценностно-символического обоснования.

Любое институциональное принуждение должно экспонировать себя как выражение универсально значимого порядка, иначе предъявляемые к подвластным субъектам требования будут восприниматься в качестве обычного насилия. В праве эту легитимирующую роль берет на себя мемориальная функция: коллективная память, транслирующая образы прошлого, где установленные запреты уже доказали свою спасительность или историческую оправданность, превращает неудобства и лишения в должное. При этом легитимируется охранительное воздействие как в содержательном, так и в инструментальном плане. Оно может находить «оправдание» тому, (а) какие общественные отношения требуют охраны, (б) что собой представляет правоохрана содержательно в зависимости от транслируемых в обществе воспоминаний. Кроме того, сами принимаемые юридические технологии (в их инструментальном понимании) также могут быть как исторически (мемориально) обоснованы, так и дискредитированы.

4. Охранительное воздействие ярко демонстрирует состояние самой коллективной памяти

Охранительное воздействие права в определенном смысле выступает в качестве информатора для членов общества о том, какие социальные ценности (в том числе собственно правовые ценности) защищаются правом. Особенно отчетливо это прослеживается на примере юридического права, с помощью которого государство охраняет наиболее значимые, критически важные интересы.

Посредством правовых предписаний государство встает и на защиту определенных исторических нарративов, выступающих в качестве наиболее ценных, системообразующих для определенного общества и его политической организации. Например, для стран постсоветского пространства такой безусловной ценностью являются воспоминания о героическом подвиге народов в годы Великой Отечественной войны [15]. Они оказывают интегрирующее воздействие на массовое сознание. Соглас-

но мнению 12 % респондентов, принявших участие в опросе, проведенном Фондом «Общественное мнение», наибольшее положительное влияние на развитие страны в настоящем среди событий или процессов из прошлого российского государства продолжает оказывать именно Великая Отечественная война. Это самый распространенный из полученных ответов*. Различные научные исследования динамики коллективной памяти также подтверждают тот факт, что Великая Победа обладает непреходящим значением для всех групп интересов [16, с. 214].

Однако нельзя игнорировать и фиксируемый учеными спад интереса молодежи к событиям Великой Отечественной войны. Наблюдается нарастающий мемориальный разлом между поколениями, обусловленный и тем, что происходит разрыв образа Победы с историей государства и народа в целом. Такие изменения негативно сказываются на состоянии коллективной памяти и, как следствие, ценностной ориентации населения, его единстве. Следует согласиться с мнением о том, что «политически ангажированное использование “разоблачения мифов [сложившихся в рамках советской историографии] о войне” для воздействия на сознание населения Российской Федерации» достаточно скоро оказало деструктивное влияние на общество [17, с. 14]. Постепенно формируется группа представителей молодого поколения, готовая к пересмотру исторических событий с позиций фальсифицированных воспоминаний [18]. Однако, как отмечают исследователи, формируемая извне с обращением к историческим реминисценциям альтернативная ценностная система (располагающаяся на либерально-индивидуалистическом фундаменте) демонстрирует несостоятельность в условиях нарастающих угроз безопасности личности, государства, общества, а также стабильности всего международного правопорядка [17, с. 14-15].

Поскольку рассматриваемые элементы прошлого, коллективные воспоминания о Великой Отечественной войне все в большей степени приобретают характер

* Историческая память // Фонд «Общественное мнение»: сайт. URL: <https://fom.ru>

экзистенциальной ценности, они требуют особой защиты и внимания со стороны государства [13]. В связи с этим актуализируется взаимодействие охранительной и мемориальной функций права. В частности, в российской правовой системе возник ряд уголовно-правовых запретов, направленных на противодействие фальсификации и искажению исторического нарратива о героическом прошлом советского народа и преступлениях нацистского режима и его сателлитов.

Кроме того, взаимосвязь охранительной и мемориальной функций права выступает в качестве значимого индикатора общего уровня культурного (в том числе мемориального) развития соответствующего политически организованного общества:

- какие элементы культурной памяти сохранились и каким образом они охраняются государством (позволяет оценить сохранность материальных исторических реликтов, отношение к ним (а также связанным с ними эпохам, событиям, личностям) со стороны общества и государства);

- какие средства и механизмы защиты применяются в отношении элементов коллективной памяти (демонстрирует иерархию мемориальных ценностей в зависимости от того, насколько строго осуществляется охрана, а также развитие соответствующих юридических технологий);

- насколько уязвим исторический нарратив или мемориальные реликты (показывает наиболее «хрупкие» составляющие коллективной памяти, а также сопутствующие оберегаемым государством «уязвимым местам» социальные проблемы).

Рассматривая последний из представленных аспектов, следует обратиться к высказыванию Т.Н. Радько о том, что осуществление правом двух его основных юридических функций (регулятивной и охранительной) «определяется различными тенденциями развития общественных отношений» [2, с. 175]. Отсюда вытекает эпистемологический императив: именно охранительная функция (а не регулятивная) выступает наиболее чувствительным индикатором состояния коллективной памяти.

Усиление взаимодействия охранительной и мемориальной функций (появление новых мемориальных запретов, ужесточение санкций, расширение субъектного

состава правонарушителей, увеличение числа правоприменительных актов в данной сфере) может являться симптомом не столько роста мемориальной культуры, сколько кризиса коннективной структуры общества. В кризисном или переходном состоянии происходит «активация» правовой охраны, которая замещает собой утраченную самоочевидность, а запреты и наказания берут на себя функцию интеграции. В стабильном же, гомогенном мемориальном состоянии охранительная функция остается «спящей» (латентной). Это можно подтвердить органической метафорой: если организм здоров, то и хирургических вмешательств или усиленного употребления лекарственных препаратов по общему правилу он не требует. Интенсивная правовая охрана памяти — это мемориальная «фармакология» (одновременно лекарство и яд), которая лечит «расколы» и «болезни», но при этом сама указывает на их наличие и даже может их закреплять.

Выводы

Таким образом, взаимодействие охранительной и мемориальной функций права носит системный и двусторонний характер, раскрывается через четыре основных концептуальных аспекта:

- охранительное воздействие обеспечивает сохранность коннективной структуры общества, выступая механизмом самовоспроизводства и самозащиты права как кристаллизованных воспоминаний и социального опыта;

- коллективная и индивидуальная память предстают в качестве непосредственного объекта правоохраны в связи с их особой социальной значимостью и уязвимостью;

- мемориальная функция права легитимирует охранительное воздействие, переводя неизбежные при осуществлении охраны лишения и рестрикции из плоскости немотивированного принуждения в плоскость ценностно-символически обоснованного накопленным социальным опытом должного порядка;

- охранительная функция выступает чувствительным индикатором состояния коллективной памяти, которая может сигнализировать о кризисе коннективной структуры общества, а также его коллективной памяти.

Список источников

1. Гоббс Т. Левиафан / пер. с англ. А. Гутермана. Москва: АСТ, 2023. 800 с.
2. Радько Т.Н. Теория функций права: монография. Москва: Проспект, 2015. 272 с.
3. Ситников К.А. Взаимосвязь сущности права и памяти: социоаксиологический подход к праву // История государства и права. 2025. N 10. С. 33-39.
4. Ситников К.А. Память и природа права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2025. N 5. С. 85-96.
5. Ситников К.А. Мемориальная функция права: к постановке проблемы // История государства и права. 2025. N 1. С. 32-40.
6. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 363 с.
7. Пископпель А.А. Память и культура через призму понятий «коммуникация» и «трансляции» // Психология и методология образования: сайт. URL: <https://psycho-edu.ru> (дата обращения: 3 апр. 2026 г.).
8. Клименко А.И. Социальная справедливость как справедливость правовая и ее концептуализация в рамках правового дискурса // Правовая коммуникация государства и общества: отечественный и зарубежный опыт: сборник тр. междунар. науч. конф., Воронеж, 11-12 сентября 2020 г. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2020. С. 89-93.
9. Клименко А.И. Социоаксиологический подход к постижению природы и сущности права и его значение для философии права и общеправовой теории // История государства и права. 2022. N 1. С. 7-16.
10. Малахов В.П. Системность как свойство права // Вестник Московского университета МВД России. 2023. N 6. С. 176-180.
11. Meral Z. A Duty to Remember? Politics and Morality of Remembering Past // Atrocities International Political Anthropology. 2012. Vol. 5. N. 1. Pp. 29-50.
12. Yerushalmi Yo. H. Zakhor: Jewish History and Jewish Memory. Seattle: University of Washington Press, 1982. 144 p.
13. Ситников К.А. Мемориальная функция права в сохранении исторической памяти о героическом подвиге народов в годы Великой Отечественной войны // История государства и права. 2025. N 5. С. 52-59.
14. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. Москва: Медиум, 1995. 323 с.
15. Логунов Н.Р. Память о героическом подвиге народов в годы Великой Отечественной войны как основа самосознания граждан Союзного государства // Фальсификация истории Великой Отечественной и Второй мировой войн как угроза национальным интересам и безопасности России: материалы всерос. студенческого круглого стола (к 80-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.), Москва, 16 апреля 2025 г. Москва: Московская акад. Следственного комитета Российской Федерации им. А.Я. Сухарева, 2025. С. 65-69.
16. Емельянова Т.П. Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход. Москва: Институт психологии РАН, 2019. 299 с.
17. Нахимов А.П., Кирнос А.В., Колесников В.А. Органы и войска НКВД СССР на территории Воронежской области в годы Великой Отечественной войны в контексте эволюции отечественной исторической и историко-правовой науки: некоторые аспекты историографии. Часть 3 // Вестник Воронежского института МВД России. 2024. N 4. С. 9-31.
18. Устинкин С.В., Куконков П.И., Широкалова Г.С. Патриотизм в меняющейся системе ценностных ориентаций молодежи // Сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. Неизвестные герои Калининского фронта: сборник материалов науч.-практ. конф. Тверь: Триада, 2022. С. 68-85.

References

1. Gobbs T. Leviathan. Moscow, AST Publ., 2023. 800 p. (In Russ.).
2. Rad'ko T.N. Theory of functions of law: monograph. Moscow, Prospect, 2015. 272 p. (In Russ.).
3. Sitnikov K.A. Interrelation of the essence of law and memory: a socioaxiological approach to law. History of the State and law, 2025, no. 10, pp. 33-39. (In Russ.).
4. Sitnikov K.A. Memory and the nature of law. Bulletin of the Saratov State Law Academy, 2025, no. 5, pp. 85-96. (In Russ.).
5. Sitnikov K.A. Memorial function of law: towards problem statement. History of the state and law, 2025, no. 1, pp. 32-40. (In Russ.).
6. Assman Ya. Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 363 p. (In Russ.).
7. Piskoppel' A.A. Memory and culture through the prism of the concepts of "communication" and "translation". Psychology and the methodology of education. Available at: <https://psycho-edu.ru> (Accessed: 3 April 2026). (In Russ.).

8. Klimenko A.I. Social justice as legal justice and its conceptualization in the framework of legal discourse. Legal communication of the state and society: domestic and foreign experience. Voronezh, NAUKA-UNIPRESS Publ., 2020. Pp. 89-93. (In Russ.).
9. Klimenko A.I. A socioaxiological approach to understanding the nature and essence of law and its significance for the philosophy of law and general legal theory. History of the State and law, 2022, no. 1, pp. 7-16. (In Russ.).
10. Malakhov V.P. Consistency as a property of law. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023, no. 6, pp. 176-180. (In Russ.).
11. Meral Z. A Duty to Remember? Politics and Morality of Remembering Past. Atrocities International Political Anthropology, 2012, vol. 5, no. 1, pp. 29-50.
12. Yerushalmi Yo. H. Zakhor: Jewish History and Jewish Memory. Seattle: University of Washington Press, 1982. 144 p.
13. Sitnikov K.A. The memorial function of law in preserving the historical memory of the heroic deed of nations during the Great Patriotic War. History of the State and law, 2025, no. 5, pp. 52-59. (In Russ.).
14. Berger P., Lukman T. Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge. Moscow, Medium Publ., 1995. 323 p. (In Russ.).
15. Logunov N.R. The memory of the heroic deed of the peoples during the Great Patriotic War as the basis of the self-awareness of the citizens of the Union State. Falsification of the history of the Great Patriotic War and World War II as a threat to the national interests and security of Russia. Moscow, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A.Ya. Sukharev, 2025. Pp. 65-69. (In Russ.).
16. Emel'yanova T.P. Collective memory of the events of national history: a socio-psychological approach. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2019. 299 p. (In Russ.).
17. Nakhimov A.P., Kirnos A.V., Kolesnikov V.A. The organs and troops of the NKVD of the USSR in the Voronezh region during the Great Patriotic War in the context of the evolution of National historical and historical-legal science: some aspects of historiography. Part 3. Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024, no. 4, pp. 9-31. (In Russ.).
18. Ustinkin S.V., Kukonkov P.I., Shirokalova G.S. Patriotism in the changing system of value orientations of youth. Preservation of historical memory of the Great Patriotic War. Unknown heroes of the Kalinin Front. Tver, Triada Publ., 2022. Pp. 68-85. (In Russ.).

Раздел 2. Уголовный закон

Научная специальность: 5.1.4

Признаки организованной группы в условиях развития цифровизации

Лилия Викторовна Иванова,

кандидат юридических наук, доцент, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, ivanova_liliya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5255-3182>

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей организованных групп, действующих в цифровом пространстве. Обращается внимание на расхождения в квалификации содеянного организованной группой или группой лиц по предварительному сговору. Выделяется ряд признаков организованных групп, функционирующих в киберпространстве: территориальная рассредоточенность участников, постоянство форм и методов преступной деятельности в силу совершения преступлений с использованием информационно-коммуникационных технологий, принятие конспиративных мер и, как следствие, анонимность соучастников, бесконтактный способ взаимодействия, единая цель, четкое распределение ролей, наличие лидера и ядра группы. На основе анализа судебной практики автор предлагает рассматривать преступные группы, действующие в цифровом пространстве, в качестве организованных групп.

Ключевые слова: организованная группа, соучастие в преступлении, цифровые технологии, устойчивость организованной группы, киберпреступность

Для цитирования: Иванова Л.В. Признаки организованной группы в условиях развития цифровизации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2026. N 2 (76). С. 25-32.

Signs of an organized group in the context of digitalization

Liliya V. Ivanova,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Tyumen State University, Tyumen, Russia, ivanova_liliya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5255-3182>

Abstract. The article examines the features of organized groups operating in the digital space. Attention is drawn to the divergence in qualifying the offence committed by an organized group or a group of persons in collusion. Such signs of organized groups operating in the digital space as the territorial dispersion of participants, the consistency in forms and methods of criminal activity due to committing crimes with the use of information and communication technologies, as well as the adoption of conspiracy measures, the anonymity of accomplices, also the contactless way of interaction, the common goal, a clear distribution of roles and the existence of a leader and a core of the group are distinguished. Based on the analysis of judicial practice it is proposed to consider the criminal groups operating in the digital space as organized groups.

Keywords: organized group, complicity in a crime, digital technologies, stability of an organized group, cybercrime

For citation: Ivanova L.V. Signs of an organized group in the context of digitalization // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2026. No. 2 (76). P. 25-32.

Введение

Цифровизация практически всех сфер жизнедеятельности общества неизбежно влияет на развитие преступного мира, адаптирующего современные технологии под преступные цели. Циф-

ровые технологии позволяют сохранять анонимность, привлекать большее количество потенциальных жертв и сообщников преступной деятельности, которые могут находиться в разных городах и даже странах.

С 2017 года регистрировался ежегодный рост числа киберпреступлений. Однако в 2025 году по сравнению с предшествующим годом произошло снижение количества таких преступлений на 11,8 %. Вместе с тем по некоторым зарегистрированным киберпреступлениям продолжается рост показателей. Например, незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенный с использованием информационно-коммуникационных технологий, составил 117 505 преступлений, что на 24,2 % выше показателей 2024 года. Кроме этого, начиная с 2017 года стабильно растет число преступлений, совершенных организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией). В частности, в 2025 году было совершено 50 908 таких преступлений, что превышает показатель предыдущего года на 33,7 %. В целом число групповых преступлений увеличилось на 16,4 % по сравнению с 2024 годом*.

Проблемы определения организованности групп, действующих в киберпространстве, все чаще привлекают внимание исследователей [1; 2; 3; 4]. Значительная часть преступных групп перешла в цифровое пространство либо использует достижения цифровых технологий для конспирации своей деятельности, что затрудняет установление участников таких групп и характер взаимосвязи между ними.

Целью настоящей статьи является выяснение содержательного наполнения признака устойчивости как основного признака организованной группы при совершении преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, а также выявление на основе анализа судебных приговоров возможных неточностей в уголовно-правовой оценке содеянного и правоприменительной практики.

Основная часть

Устойчивость как качественный признак организованной преступности отражает постоянство группы в занятии преступной деятельностью, относительную стабильность структуры, функциональных

ролей участников, форм и методов совершения преступлений [2, с. 117]. Однако в условиях развития цифровизации установить указанные выше признаки затруднительно. На практике это приводит к различной квалификации схожих деяний в части установления признаков организованной группы, что будет проанализировано далее.

Кроме того, анонимность и бесконтактный способ взаимодействия соучастников затрудняют установление виновных лиц. В характеристиках преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий, в большинстве случаев присутствует категория «совместно с неустановленным лицом». Например, из 102 изученных приговоров судов общей юрисдикции Тюменской области (Бердюжский, Голышмановский, Ишимский, Исетский, Казанский, Нижнетавдинский, Сладковский, Тобольский, Тюменский, Ялуторовский районные суды, Калининский, Ленинский, Центральный районные суды г. Тюмени, Тюменский областной суд), вынесенных в 2023-2024 годах по преступлениям, совершенным в соучастии, «неустановленное лицо» указывалось в 71 случае, в том числе в 62 случаях — по преступлениям, совершенным с использованием информационных технологий.

Цифровые технологии позволяют сохранять анонимность субъектов преступной деятельности. Однако если определены иные соучастники, характер взаимодействия между ними и обстоятельства содеянного, то наличие неустановленного лица не препятствует привлечению к уголовной ответственности установленных лиц за групповое совершение преступления. Следует отметить, что развитие цифровизации не позволяет строго соблюдать правило о том, что группа есть только при наличии как минимум двух соисполнителей, обладающих признаками субъекта преступления, поскольку неизвестно, являются ли неустановленные лица вменяемыми и достигшими возраста уголовной ответственности.

Иногда в качестве неустановленных в приговоре называются и иные фактические обстоятельства содеянного. Например, в одном из приговоров, помимо неустановленных соучастников, с которыми

* Состояние преступности (архивные данные) // МВД России: официальный сайт. URL: <https://мвд.рф>

вступил в сговор подсудимый, указано на то, что в ходе предварительного следствия не были точно установлены дата, время, место, название аккаунта, используя который, виновный вступил в преступный сговор с неустановленными следствием лицами. Тем не менее содеянное квалифицировано судом как совершенное группой лиц по предварительному сговору*. Подобные выводы все чаще имеют место в современных судебных решениях, что вызывает вопросы с позиции установления истины по делу.

В материалах другого дела также указывается на неустановленных лиц, но при этом содеянное квалифицируется как совершенное организованной группой. В частности, отмечается: «...в соответствии с разработанным неустановленным лицом N 1 планом, обеспечивающим стабильность, постоянство, конспирацию деятельности организованной группы, а следовательно, длительность ее существования и невозможность изобличения ее деятельности сотрудниками правоохранительных органов, предусматривалось исключительно дистанционное общение участников организованной группы между собой и с приобретателями наркотических средств посредством сети “Интернет” с целью исключения непосредственных личных контактов»**. В соответствии с распределенными ролями и обязанностями в данной группе имелись менеджеры, координаторы (операторы), оптовые и розничные курьеры, которые обеспечивали бесперебойную деятельность всей организованной группы.

Интересно отметить, что соучастники (за исключением подсудимой) не были установлены, однако в приговоре подробно описывались обязанности каждого из неустановленных лиц, в том числе взаимодействие между ними. В частности, в обязанности неустановленного лица N 3 входило получение от оптовых

курьеров (закладчиков) сведений о месте нахождения тайников с наркотическими средствами, а также дальнейшая передача указанных сведений другому координатору (оператору) организованной группы — неустановленному лицу N 2. В свою очередь, в обязанности неустановленного лица N 2 входило получение от неустановленного лица N 3 сведений о местонахождении тайников с оптовой партией наркотических средств и последующая передача указанных сведений участникам организованной группы, выполняющим функции розничных курьеров.

Отсутствие личного взаимодействия соучастников, наличие неустановленных лиц (соучастники не знают друг друга и территориально рассредоточены) побуждает некоторых исследователей к утверждению об односторонней субъективной связи при соучастии в преступлении, совершаемом с использованием цифровых технологий, особенно об одностороннем пособничестве и подстрекательстве [5, с. 672-673]. Однако возникает вопрос о возможности трансформации при цифровом соучастии субъективной связи в одностороннюю.

К субъективным признакам соучастия традиционно относится участие в умышленном преступлении и совместность умысла соучастников. Последний характеризуется интеллектуальным и волевым моментами. Интеллектуальный момент означает осознание лицом общественно опасного характера своего деяния и деяния других участников преступной деятельности, а также взаимосвязи своего деяния с планирующимся преступлением, предвидение совместного преступного результата. Волевой момент включает в себя желание участвовать в едином преступлении [6, с. 107]. Осознание взаимной обусловленности действий друг друга свидетельствует о двусторонней субъективной связи между соучастниками [7, с. 349-350]. Двусторонняя связь должна быть между исполнителем и другими соучастниками (организатором, подстрекателем, пособником), при этом в отношениях между самими соучастниками такая двусторонняя осведомленность может отсутствовать [8, с. 89].

Именно взаимовосприятие — одно из важных свойств группового взаимодействия, отсутствие которого исключает

* Приговор Ялуторовского районного суда Тюменской области от 13 окт. 2024 г. по делу N 1-191/2024 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru>

** Приговор Аксайского районного суда Ростовской области от 12 февр. 2025 г. по делу N 1-416/2024 // Там же.

ет и совместность деятельности [9, с. 18]. В преступных группах, совершающих деяния в интернет-пространстве, не всегда прослеживается четкая взаимосвязь и взаимообусловленность действий их участников. Но несмотря на кажущееся отсутствие такого взаимовосприятия у всех членов преступной кибергруппы, особенно у конечных исполнителей по отношению к главному организатору, оно сохраняется у ядра группы. Тесная взаимосвязь в киберпреступных группах может проявляться только между руководителем и активными участниками группы, с рядовыми участниками такая связь отсутствует. В то же время именно руководитель группы нередко является неуставленным лицом, что затрудняет доказывание устойчивости группы.

Вследствие оценочности категории [10, с. 193] признак устойчивости раскрывается в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации* и характеризуется такими свойствами, как наличие в составе организатора (руководителя) и заранее разработанного плана совместной преступной деятельности, распределение функций (ролей), большая продолжительность существования, неоднократность совершения преступлений, техническая оснащенность, длительность подготовки даже одного преступления, иные обстоятельства (например, специальная подготовка участников).

Как отмечалось ранее, особенности цифрового пространства влияют на установление признака устойчивости. В допол-

нение к названным характеристикам применительно к организованным группам, совершающим преступления с использованием цифровых технологий, суды называют такие признаки, как сплоченность, высокий уровень стабильности состава основных участников группы, постоянство форм и методов преступной деятельности, принятие конспиративных мер, общение бесконтактным способом, исключение визуального контакта, единая цель**. При совершении киберпреступлений в силу бесконтактного способа взаимодействия лидер группы избегает привлечения к уголовной ответственности. Соответственно, привлечение к ответственности «нижнего звена» группы не останавливает развитие организованной киберпреступности, так как организатор или создатель такой группы остается неуставленным и может продолжать осуществлять преступную деятельность, собирая новые коллективы для совершения преступлений. Именно то, что руководящее звено не было установлено, способствует дальнейшему существованию и развитию организованной преступности.

Преступные группы, действующие в цифровом пространстве, можно разделить на виды: 1) группы, всецело действующие в сети «Интернет»; 2) группы, в которых лишь общение участников осуществляется бесконтактным способом, а совершение преступлений происходит в реальном мире, то есть группы, деятельность которых носит смешанный характер.

Зарубежными исследователями отмечается, что группы киберпреступников последовательно демонстрируют основные черты организованной преступности: сотрудничество, постоянство, ориентация на прибыль. Классические критерии организованной преступности, такие как монополия, коррупция или насилие, могут отсутствовать в традиционных формах, но сохраняться в адаптированных формах — монополия на вредоносные программы

* См.: О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 дек. 2002 г. N 29; ред. от 15 дек. 2022 г. // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2003. N 2; 2023. N 3; О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февр. 2012 г. N 1; ред. от 3 нояб. 2016 г. // Там же. 2012. N 4; 2017. N 1; О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 окт. 2012 г. N 21; ред. от 15 дек. 2022 г. // Там же. 2012. N 12; 2023. N 3.

** Приговор Аксайского районного суда Ростовской области от 12 февр. 2025 г. по делу N 1-416/2024; Приговор Верховного Суда Республики Бурятия от 19 сент. 2023 г. по делу N 22-1786/2023 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru>

или на рынках программ-вымогателей как услуг, повреждение цифровых систем и разрушительные кибератаки на объекты критически важной инфраструктуры, в связи с чем можно говорить о концепции физико-цифровой организованной преступности. Цифровизация в настоящее время выступает сквозным признаком организованной преступности [11].

Следует согласиться с утверждением Д.А. Бронникова о том, что у современных организованных кибергрупп не всегда присутствуют такие признаки, как единое руководство, стабильность состава, тесная связь [3, с. 131], которые традиционно относятся к характеризующим устойчивость группы. В настоящее время, даже если связь между соучастниками в ходе подготовки либо непосредственного совершения преступления обеспечивается только с использованием цифровых технологий при отсутствии личного знакомства и непосредственного общения, такое взаимодействие все равно необходимо рассматривать как форму соучастия в связи с наличием ядра группы, складывающегося вокруг неустановленного лидера. В социально-психологическом смысле группа появляется тогда, когда есть необходимость в совместной деятельности и каждое лицо, входящее в группу, идентифицирует себя как ее члена, сходство в ценностно-нормативных характеристиках порождает общение между соучастниками [12, с. 65]. Такая общность в организованных кибергруппах имеет место между членами, входящими в ее ядро, формирующееся вокруг лидера группы. Конечные исполнители либо участники, привлекаемые для выполнения отдельных задач группы, но не понимающие истинных масштабов преступной деятельности или конечной преступной деятельности, не обладают такой общностью. Показательный пример — так называемые дропперы, деяния которых до введения в УК РФ соответствующего состава рассматривались либо как пособничество, либо как самостоятельное преступление, либо как неправомерное поведение.

Необходимо отметить, что при уголовно-правовой оценке суды по-разному подходят к установлению той или иной формы соучастия при схожих обстоятельствах содеянного. В частности, М. была

привлечена к ответственности за покушение на незаконный сбыт наркотических средств, совершенный с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») организованной группой в крупном размере. В приговоре при характеристике организованной группы отмечалось наличие распределения ролей, пирамидальной структуры, системы оплаты труда «работников» интернет-магазина посредством криптовалюты, повышения и понижения в «должности»*. При этом установлено, что сначала М. переписывалась в мессенджере «Телеграм» с представителем интернет-магазина (вербовщиком), к которому обратилась по объявлению в сети «Интернет». Вербовщик сообщил М., что она будет выполнять роль закладчика, получая указания о сбыте наркотических средств от куратора. В последующем М. была повышена до оптового закладчика, а затем оштрафована и понижена до закладчика.

Согласно материалам другого дела лица, осуществлявшие деятельность интернет-магазина по незаконному сбыту наркотических средств, рассматривались как преступное сообщество (преступная организация) по причине функционирования на территории разных регионов и более разветвленной структуры с наличием до 12 разнообразных ролей**. Обращает на себя внимание то, что суд, неоднократно указывая в тексте приговора на преступное сообщество, преступную организацию, в итоге называет лишь организованную группу, без дополнительного пояснения об изменении формулировки. Как известно, совершение деяния преступным сообществом (преступной организацией) не отражается в квалифицирующих признаках ни одного состава преступления. Из разъяснений Верховного Суда Российской Федерации следует, что в таком

* Приговор Октябрьского районного суда г. Архангельска от 18 июня 2025 г. по делу N 1-119/2025 // Октябрьский районный суд г. Архангельска: официальный сайт. URL: <https://oktsud--arh.sudrf.ru>

** Приговор Октябрьского районного суда г. Архангельска от 3 окт. 2025 г. по делу N 1-182/2025 // Там же.

случае при квалификации вменяется признак организованной группы. Представляется, что суду при квалификации деяния необходимо отражать это обстоятельство в приговоре, иначе складывается мнение о том, что он рассматривает данные категории как равнозначные и взаимозаменяемые, а это недопустимо.

В некоторых случаях судом была установлена группа лиц по предварительному сговору, несмотря на функционирование, как и в предыдущем примере, интернет-магазина. Например, П. откликнулся в мессенджере «Телеграм» на сообщение о вакансии и был переведен на другой аккаунт, с владельцем которого вел диалог по поводу трудоустройства. Также им была заполнена анкета и предоставлена копия паспорта. После перенаправления на третий аккаунт П. получил подробное описание алгоритма работы. Он забирал из тайников, о местонахождении которых ему сообщал оператор интернет-магазина, наркотические средства и раскладывал их по иным тайникам. Оплата за эти действия производилась биткоинами либо переводом на банковскую карту. Через некоторое время П. предложили «выйти на новый уровень» — фасовать наркотические средства и формировать оптовые закладки*. Приговором суда П. был признан виновным в трех покушениях на незаконный сбыт наркотических средств, совершенный с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») группой лиц по предварительному сговору в крупном размере.

Примечательно, что в данном примере также имел место интернет-магазин (осуществлялось перенаправление лица на разные аккаунты), присутствовали меры конспирации (анонимность) и определенная иерархия членов группы (учитывая, что лицо переходило на формирование оптовых закладок), однако не была установлена организованная группа. Анализ приговоров показал, что организованная группа за аналогичные деяния вменялась в случае большего числа выполняемых

ролей, даже если выявлены не все действовавшие в них лица. В данном же случае было установлено только две роли — оператора, выступающего также в роли куратора, и закладчика. Однако количественный признак в организованных группах не является определяющим. В рассмотренном примере также использовались меры конспирации, имелись длительный период существования группы, руководитель и определенная иерархия, что указывает на устойчивость группы.

Представляется, что с развитием цифровых технологий происходит трансформация характера субъективной связи, особенно в организованных группах, но такая связь не превращается в одностороннюю. Субъективная связь в организованных кибергруппах, оставаясь двусторонней, носит минимальный характер. Цифровое пространство способствует сохранению анонимности членов группы, сменяемости рядовых членов, но при этом должен оставаться стабильным основной состав — ядро группы. В противном случае установить устойчивость группы будет невозможно.

Учитывая, что цифровое пространство создает определенные сложности в установлении признаков устойчивости группы, необходимо закрепить в соответствующем постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации уточнение о том, что преступные группы, действующие в цифровом пространстве, признаются организованными группами, так как создание цифровых сервисов для осуществления преступной деятельности увеличивает масштаб вредоносных последствий деятельности таких групп, от участников которых использование цифровых ресурсов требует определенных навыков. Подобные группы не просто адаптируют цифровые возможности для облегчения своей деятельности во внешней среде, но и создают в цифровом пространстве разветвленную сеть взаимодействия участников между собой, с потенциальными потребителями запрещенных товаров и услуг и жертвами преступной деятельности.

Заключение

1. Организованные группы, действующие в цифровом пространстве, характеризуются территориальной рассредоточенностью участников, постоянством форм и методов

* Приговор Октябрьского районного суда г. Архангельска от 23 сент. 2025 г. по делу N 1-236/2025 // Октябрьский районный суд г. Архангельска: официальный сайт. URL: <https://oksud--arh.sudrf.ru>

преступной деятельности в связи с совершением преступлений с использованием информационно-коммуникационных технологий, принятием конспиративных мер и, как следствие, анонимностью соучастников, бесконтактным способом взаимодействия при наличии единой цели, четкого распределения ролей, лидера и ядра группы.

2. Суды по-разному подходят к уголовно-правовой оценке схожих деяний, совершенных преступными группами в цифровом пространстве. В одних случаях вменяется квалифицирующий признак совершения деяния организованной группой, а в других — группой лиц по предварительному сговору. В условиях развития цифровизации признак устой-

чивости организованной группы требует содержательного уточнения. Анонимность соучастников, бесконтактный способ взаимодействия, принятие мер конспирации в сети «Интернет» затрудняют установление лидера группы, постоянства состава участников группы, двусторонней субъективной связи между ними, что должно учитываться в понимании устойчивости группы.

3. В целях единообразия судебной практики и учета возможностей цифровизации в деятельности преступных групп предлагается все преступные группы, действующие в цифровом пространстве, рассматривать в качестве организованных групп.

Список источников

1. Бегишев И.Р., Хисамова З.И., Никитин С.Г. Организация хакерского сообщества: криминологический и уголовно-правовой аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. N 1. С. 96-105.
2. Бессонов А.А. Проблемные вопросы установления признаков организованной группы по преступлениям, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Журнал российского права. 2024. Т. 28. N 1. С. 108-119.
3. Бронников Д.А. Влияние информационно-телекоммуникационных технологий на формирование новых форм организованной преступности в сфере экономики // Вестник Российского университета кооперации. 2021. N 4. С. 128-132.
4. Милкина Е.В., Железоголо М.Г. Особенности института соучастия в преступлении в условиях развития цифровой среды // Современный ученый. 2025. N 4. С. 373-379.
5. Ван Г. Уголовно-правовое регулирование противодействия киберпреступности в Китае: состояние, тенденции и недостатки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. Т. 13. Вып. 3. С. 661-677.
6. Алексеев С.В. Структура субъективных признаков группового преступления // Российский юридический журнал. 2010. N 6. С. 106-113.
7. Шеслер А.В. Содержание совместности при соучастии в преступлении // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16. N 3. С. 342-354.
8. Соучастие в преступлении: проблемы квалификации и назначения наказания: монография / под ред. Ю.Е. Пудовочкина. Москва: РГУП, 2019. 507 с.
9. Безбородов Д.А. Уголовно-правовая оценка совершения преступления несколькими лицами при отсутствии между ними субъективной связи // Криминалист. 2021. N 4. С. 15-21.
10. Куренев Д.С. К вопросу о понятии и признаках организованной группы в законодательстве, разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации и уголовно-правовой науке // Российский ежегодник уголовного права. 2013. N 7. С. 191-207.
11. Di Nicola A., Baratto G., Vettori B. Criminological definitions of organized crime on the digital test bench: towards a physical-digital framework. Trends Organ Crim (2025). URL: <https://doi.org/10.1007/s12117-025-09575-3> (дата обращения: 1 апреля 2026 г.).
12. Демчук С.Д. Уголовно-правовые признаки организованной группы // Lex Russica. 2021. Т. 74. N 8. С. 58-68.

References

1. Begishev I.R., Khisamova Z.I., Nikitin S.G. Organization of the hacker community: criminological and criminal-legal aspects. All-Russian Journal of Criminology, 2020, vol. 14, no. 1, pp. 96-105. (In Russ.).
2. Bessonov A.A. Problematic issues of establishing the signs of an organized group for crimes committed using information and telecommunication technologies. Journal of Russian Law, 2024, vol. 28, no. 1, pp. 108-119. (In Russ.).
3. Bronnikov D.A. The influence of information and telecommunication technologies on the formation of new forms of organized crime in the economic sphere. Bulletin of the Russian University of Cooperation, 2021, no. 4, pp. 128-132. (In Russ.).

4. Milkina E.V., Zhelezoglo M.G. Features of the institution of complicity in crime in the context of the development of the digital environment. *Modern Scientist*, 2025, no. 4, pp. 373-379. (In Russ.).
5. Van G. Criminal law regulation of countering cybercrime in China: status, trends and shortcomings. *Bulletin of St. Petersburg University. Law*, 2022, vol. 13, issue 3, pp. 661-677. (In Russ.).
6. Alekseev S.V. The structure of subjective signs of a group crime. *Russian Law Journal*, 2010, no. 6, pp. 106-113. (In Russ.).
7. Shesler A.V. The content of cooperation in complicity in a crime. *All-Russian Journal of Criminology*, 2022, vol. 16, no. 3, pp. 342-354. (In Russ.).
8. Complicity in a crime: problems of qualification and sentencing. Moscow, RGUP, 2019, 507 p. (In Russ.).
9. Bezborodov D.A. Criminal and legal assessment of the commission of a crime by several persons in the absence of a subjective connection between them. *Criminalist*, 2021, no. 4, pp. 15-21. (In Russ.).
10. Kurenev D.S. On the issue of the concept and features of an organized group in legislation, explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and criminal law science. *Russian Yearbook of Criminal Law*, 2013, no. 7, pp. 191-207. (In Russ.).
11. Di Nicola A., Baratto G., Vettori B. Criminological definitions of organized crime on the digital test bench: towards a physical-digital framework. *Trends Organ Crim* (2025). Available at: <https://doi.org/10.1007/s12117-025-09575-3> (Accessed: 1 April, 2026).
12. Demchuk S.D. Criminal and legal signs of an organized group. *Lex Russica*, 2021, vol. 74, no. 8, pp. 58-68. (In Russ.).

Раздел 3. Криминологическая наука

Научная специальность: 5.1.4

Деятельность полиции по противодействию преступлениям в области безопасности дорожного движения

Владимир Иванович Майоров,

доктор юридических наук, профессор, Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, 1955715@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6490-3546>

Аннотация. В статье анализируется специфика деятельности полиции, направленной на противодействие преступлениям в области безопасности дорожного движения. Рассмотрены нормативно-правовая основа и ключевые направления данной деятельности, актуальная статистическая информация о количестве выявленных преступлений, сделан вывод о превалировании мер по борьбе с административной деликтностью в области дорожного движения как наиболее массовым негативным явлением. Исследована сущность меры уголовно-правового характера в виде конфискации транспортного средства, которая применяется при совершении преступлений, предусмотренных статьями 264.1, 264.2, 264.3 Уголовного кодекса Российской Федерации. В соответствии с положениями Стратегии повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года, провозглашающей проактивный подход к обеспечению безопасности дорожного движения, определена необходимость усиления профилактики преступлений в данной сфере, их предупреждения и пресечения до момента наступления общественно опасных последствий. Аргументируется необходимость развития взаимодействия полиции и граждан по вопросам информирования о наиболее опасных нарушениях, связанных с управлением транспортным средством в состоянии опьянения.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, преступление, полиция, состояние опьянения водителя, уголовная ответственность, проактивный подход, конфискация транспортного средства

Для цитирования: Майоров В.И. Деятельность полиции по противодействию преступлениям в области безопасности дорожного движения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2026. N 2 (76). С. 33-41.

Police activities in countering road traffic crimes

Vladimir I. Mayorov,

Doctor of Legal Sciences, Professor, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Tyumen, Russia, 1955715@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6490-3546>

Abstract. The article analyzes the specifics of police activities aimed at countering road traffic crimes. Legal and regulatory framework and key aspects of these activities, as well as the relevant statistical information on the number of detected crimes are considered. It is concluded that the measures to combat administrative offenses in the sphere of road traffic as the most widespread negative phenomenon are prevalent. The nature of such criminal law measure as forfeiture of the vehicle, which is applied when committing crimes under Articles 264.1, 264.2 and 264.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, is studied. In accordance with the provisions of the Strategy for improving road traffic safety in the Russian Federation up to 2030 and for the perspective till 2036, proclaiming the proactive approach to ensuring road traffic safety, the author identifies the need to strengthen the prevention and suppression of such crimes until the moment of the occurrence of socially dangerous consequences. The need to develop interaction between the police and citizens on the issues of informing about the most dangerous violations related to alcohol-impaired driving, is substantiated.

Keywords: road traffic safety, crime, police, intoxication of a driver, criminal liability, proactive approach, forfeiture of the vehicle

For citation: Mayorov V.I. Police activities in countering road traffic crimes // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2026. No. 2 (76). P. 33-41.

Обеспечение безопасности дорожного движения представляет собой одну из наиболее значимых социально-правовых задач современного государства, непосредственно влияющих на защиту жизни и здоровья граждан, а также на устойчивое функционирование транспортной системы. Стратегия повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 14 ноября 2025 г. N 841 (далее также — Стратегия), определяет, что «повышение безопасности дорожного движения является важной составляющей обеспечения национальной безопасности и социально-экономического развития Российской Федерации в рамках достижения национальных целей развития Российской Федерации» (п. 4)*.

Интенсификация развития транспортной инфраструктуры, количественный рост автомобильного парка и усложнение параметров дорожной среды актуализируют потребность в совершенствовании деятельности правоохранительных органов по противодействию криминальным проявлениям в сфере безопасности дорожного движения. Особую социальную значимость данная проблема приобретает в контексте сохранения стабильно высоких показателей тяжести последствий дорожно-транспортных происшествий (далее — ДТП), связанных с управлением транспортными средствами в состоянии опьянения. В 2024 году произошло 13 936 таких ДТП, количество погибших в них увеличилось на 6,8 % и составило 3644 человека. Данные происшествия составляют лишь 10,6 % от общего количества ДТП, в то время как погибшие — 25,3 % от общего количества погибших

в ДТП**. При этом водители, находившиеся в состоянии опьянения либо отказавшиеся от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения, были виновны в 9 из 10 ДТП с их участием.

Отдельную криминологическую проблему представляет рост на 5,8 % количества ДТП с участием водителей, управлявших транспортными средствами в состоянии опьянения при отсутствии права управления. Произошедшие 5155 подобных инцидентов, повлекших гибель 1218 и ранение 6514 человек***, указывают на несовершенство механизма исключения водителей, лишенных прав, из процесса дорожного движения.

Приведенные выше данные свидетельствуют о недостаточной эффективности современной системы надзора за дорожным движением и профилактики вождения в состоянии опьянения. Ограниченная численность личного состава подразделений дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД России (Госавтоинспекции) не позволяет обеспечить комплексный контроль на всей протяженности улично-дорожной сети, что обуславливает несвоевременность пресечения нарушений (до момента наступления общественно опасных последствий). В связи с этим становится преобладающей реактивная модель правоохранительной деятельности, при которой значительная часть нарушителей идентифицируется после причинения ущерба жизни и здоровью граждан.

Нормативно-правовую основу деятельности полиции по противодействию преступлениям в области безопасности

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2025. N 46. Ст. 6877.

** Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации в 2024 году: информационно-аналитический обзор / К.С. Баканов, П.В. Ляхов, А.С. Айсанов [и др.]. М.: НЦ БДД МВД России, 2025. С. 36.

*** Там же.

дорожного движения составляет система законодательных и подзаконных актов. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции» определяет предупреждение и пресечение преступлений, обеспечение безопасности дорожного движения в качестве ключевых направлений деятельности полиции (пп. 2 и 7 ч. 1 ст. 2). Кроме того, нормами указанного нормативного правового акта закреплены особенности применения сотрудниками полиции мер государственного принуждения, использования физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия (например, при необходимости принудительной остановки транспортного средства)*.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) регламентирует меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, используемые в оперативно-служебной деятельности, в том числе для выявления и пресечения преступлений против безопасности дорожного движения. Особое значение имеют положения главы 12 КоАП РФ, устанавливающие административную ответственность за нарушения в области дорожного движения, которые образуют преюдициальную основу для последующего привлечения к уголовной ответственности.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации формируют нормативную базу для квалификации преступных деяний и привлечения виновных лиц к уголовной ответственности. В статьях 264-264.3, 266, 267.1, 268 главы 27 «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта» УК РФ предусмотрены специализированные составы преступлений, характеризующихся повышенной общественной опасностью.

Среди подзаконных нормативных правовых актов, закрепляющих полномочия полиции по противодействию преступлениям в области безопасности дорожного движения, выделяются Поло-

жение о Госавтоинспекции**, устанавливающее права и обязанности ее сотрудников, и Порядок осуществления надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения***, определяющий особенности данной деятельности (далее — надзор за участниками дорожного движения). Надзор за участниками дорожного движения осуществляется посредством наблюдения за соблюдением ими соответствующих требований законодательства Российской Федерации; проведения мероприятий по предупреждению ДТП и снижению тяжести их последствий; предупреждения, выявления и пресечения нарушения указанных требований участниками дорожного движения; применения в соответствии с законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях.

Анализ вышеуказанных нормативных правовых актов позволяет выделить основные направления деятельности полиции по противодействию преступлениям в области безопасности дорожного движения:

1. Разработка и принятие ведомственных нормативных правовых актов, в том числе административных регламентов, и служебных документов.
2. Юрисдикционная деятельность — возбуждение и рассмотрение дел об административных правонарушениях в области

** См.: О дополнительных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения (вместе с «Положением о Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации»): указ Президента Российской Федерации от 15 июня 1998 г. N 711: ред. от 12 марта 2026 г. // Там же. 1998. N 25. Ст. 2897; 2026. N 11. Ст. 1273.

*** См.: Об утверждении Порядка осуществления надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения: приказ МВД России от 2 мая 2023 г. N 264 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 7. Ст. 900.

дорожного движения; применение мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях; возбуждение уголовных дел по результатам ДТП.

3. Контрольно-надзорная деятельность, направленная как на участников дорожного движения в виде надзора за соблюдением ими законодательства в области безопасности дорожного движения, так и на юридических лиц, а также на органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления, реализующие полномочия по обеспечению безопасности дорожного движения.

4. Профилактика и предупреждение рассматриваемых преступлений, включая выяснение их причин и условий, принятие мер по их устранению, реализации целевых профилактических программ и оперативно-профилактических мероприятий.

5. Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения и координация данной деятельности, в том числе взаимодействие с иными субъектами в целях противодействия преступлениям, угрожающим безопасности дорожного движения.

Помимо сотрудников Госавтоинспекции важную роль в противодействии рассматриваемым преступлениям играют органы предварительного следствия системы МВД России, осуществляющие расследование ДТП. Они принимают меры по установлению доказательственной базы преступного деяния и выявляют причины и условия, которые способствовали совершению преступления против безопасности дорожного движения, составляют представления об их устранении, обязательные для исполнения [1, с. 33-34]. Наиболее часто выявляются недостатки состояния улично-дорожной инфраструктуры (например, в 2024 году они были обнаружены на месте 23 % всех зафиксированных ДТП с погибшими и пострадавшими)*.

Примечательно, что в Стратегии для повышения эффективности управления в области обеспечения безопасности дорожного движения предлагается «раз-

витие комплексного (многопрофильного) анализа причин и условий каждого ДТП, в котором погибли или получили ранения люди, с привлечением заинтересованных лиц, в том числе коллегиальных органов, в целях выработки оперативных мер по предупреждению аналогичных ДТП» (подп. 13 п. 90). Для предупреждения преступлений в области безопасности дорожного движения необходимо своевременное устранение причин и условий, способствующих ДТП, в том числе недостатков состояния улично-дорожной сети.

Таким образом, целью деятельности полиции по противодействию преступлениям против безопасности дорожного движения является обеспечение защищенности личности, общества и государства от угроз, возникающих в процессе дорожного движения вследствие преступных действий, посредством создания и поддержания устойчивого режима законности в данной сфере общественных отношений.

Безусловно, оперативно-служебная деятельность органов внутренних дел в значительной степени ориентирована на противодействие административной деликтности в сфере дорожного движения, количественные показатели которой демонстрируют устойчивую тенденцию к росту. Однако административные проступки и уголовно наказуемые деяния в рассматриваемой области характеризуются единством объекта правовой охраны. Прямая связь между ними проявляется в квалификационной преемственности, когда тождественное деяние в зависимости от тяжести наступивших последствий может признаваться административным правонарушением или преступлением.

С учетом указанной взаимосвязи противодействие преступлениям против безопасности дорожного движения осуществляется схожими методами с поправкой на применение уголовно-правовых мер воздействия. Согласно официальным статистическим данным, в 2024 году сотрудниками Госавтоинспекции было зарегистрировано 67 450 преступлений против безопасности дорожного движения. Основную долю преступлений, относящихся к данной категории, составило управление транспортным средством в состоянии

* Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации в 2024 году. С. 16.

опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость, — 46 569*.

Вышеназванные преступления характеризуются исключительной степенью общественной опасности, детерминирующей повышенные риски ДТП с тяжкими последствиями. В связи с этим современная государственная политика в области противодействия управлению транспортными средствами в состоянии опьянения характеризуется последовательным ужесточением санкций. Эволюция мер ответственности прошла несколько этапов: от административных санкций в виде штрафов и лишения специального права до криминализации деяний с последующим введением новых составов преступлений (ст.ст. 264.1, 264.2, 264.3 УК РФ), конфискации транспортного средства как дополнительной меры уголовно-правового характера.

Теоретическим обоснованием подобного ужесточения законодательства выступает доктрина соразмерности общественной опасности, в соответствии с которой мера юридической ответственности должна соответствовать не только реально причиненному ущербу, но и потенциальным рискам, создаваемым для неопределенного круга участников дорожного движения. Многие ученые подчеркивают необходимость усиления уголовно-правовых мер, направленных на противодействие совершению нарушений в области дорожного движения лицами, находящимися в состоянии опьянения [2, с. 35; 3, с. 14; 4, с. 207].

В зарубежных странах также применяются различные дополнительные меры для ограничения или запрета дальнейшей эксплуатации транспортных средств (изъятие знака государственной регистрации транспортного средства, использование специального номерного знака [5, с. 43] и др.). Пример назначения конфискации транспортного средства еще до введения в Российской Федерации присутствовал в Уголовном кодексе Республики Беларусь

* Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2024 году: информационно-аналитический обзор / К.С. Баканов, П.В. Ляхов, М.М. Исаев [и др.]. М.: НЦ БДД МВД России, 2025. С. 35.

(далее — УК РБ) — в случае повторно-го управления транспортным средством в состоянии опьянения (ст. 317.1 УК РБ). Частью 6 ст. 61 УК РБ было установлено, что «под специальной конфискацией понимается мера уголовно-правового характера, которая назначается судом независимо от категории преступления и вида назначенного наказания и состоит в принудительном безвозмездном изъятии в собственность государства предмета специальной конфискации»**.

Согласно ч. 1 ст. 104.1 УК РФ под конфискацией понимается принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора определенного имущества. В 2022 году перечень такого имущества был дополнен п. «д», в соответствии с которым конфискации подлежит транспортное средство, принадлежащее обвиняемому и использованное им при совершении преступления, предусмотренного ст.ст. 264.1, 264.2, 264.3 УК РФ. В российское уголовное законодательство по аналогии с УК РБ конфискация транспортного средства была введена не как дополнительное наказание, а как иная мера уголовно-правового характера.

Несмотря на то, что данная мера применяется более трех лет, в судебной практике возникают различные спорные вопросы. Тем не менее в материалах Верховного Суда Российской Федерации (далее — Верховный Суд РФ) и иных судов Российской Федерации неоднократно подчеркивалась обязательность конфискации транспортного средства независимо от материального положения нарушителя, нахождения транспортного средства в совместной собственности***, попыток избавиться от транспортного средства путем заключения договора купли-продажи, регистрации перехода права собственности, а также в случае смерти водителя, со-

** Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. N 275-3 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by>

*** См., например: Определение Верховного Суда РФ от 9 сент. 2025 г. по делу N 1-225/2024 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru>

вершившего преступление, после оглашения обвинительного приговора*.

Ежегодно количество случаев применения рассматриваемой уголовно-правовой меры увеличивается: в 2022 году их было немногим более 200, в 2023 году — 7344, в 2024 году — 11 323**. Представляется, что в перспективе данная мера способна оказать позитивное влияние на состояние безопасности дорожного движения благодаря исключению из процесса дорожного движения водителей, демонстрирующих устойчивую склонность к управлению транспортными средствами в состоянии опьянения. Несмотря на то, что аналогичные цели преследует и лишение специального права управления транспортным средством, согласно статистическим данным отсутствие водительского удостоверения не является непреодолимым препятствием для повторного нарушения. В этом случае конфискация транспортного средства, безусловно, представляет собой более действенный инструмент.

Также в 2024 году было зарегистрировано 18 261 преступление по фактам нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекших наступление общественно опасных последствий (ст. 264 УК РФ). Вместе с тем по данной статье осуждено лишь 8915 человек, основную долю назначенных им уголовных наказаний составили лишение свободы (2455, или 28,1 %) и ограничение свободы (2712, или 31 %)***. Подобное расхождение обусловлено тем, что важным условием для вынесения обвинительного приговора по ст. 264 УК РФ является установление связи между действиями водителя

и наступившими уголовно наказуемыми последствиями ДТП.

Вышеизложенное, а также анализ позиций исследователей позволяет выделить основные проблемы, влияющие на эффективность противодействия преступлениям в области безопасности дорожного движения:

1. Дисбаланс между карательной и профилактической составляющими, проявляющийся в преобладании мер наказания над мерами предупреждения [6, с. 22].

2. Низкая эффективность административных наказаний, не обеспечивающих достижение целей частной и общей превенции как административных правонарушений, так и преступлений.

3. Действующее законодательство не предусматривает дифференцированных мер ответственности и профилактического контроля в отношении лиц, демонстрирующих устойчивую склонность к систематическим нарушениям правил дорожного движения, что способствует формированию у данной категории водителей девиантных поведенческих моделей с повышенным риском совершения ДТП.

4. Невозможность выявления преступлений против безопасности дорожного движения с помощью работающих в автоматическом режиме специальных технических средств, которые стали основным инструментом контроля за дорожным движением.

5. Сложности выявления и фиксации состояния опьянения водителя, которые следуют из недочетов процессуального оформления, принятия водителем лекарственных препаратов, наркотических средств, психотропных и иных веществ, в том числе не входящих в нормативно закреплённые списки [7, с. 79-80].

6. Квалификация составов преступлений при управлении устройствами, не относящимися к механическим транспортным средствам, на управление которыми предоставляется специальное право (средства индивидуальной мобильности, спортивные мототранспортные средства и др.).

7. Особенности наступления уголовной ответственности по ст. 264.2 УК РФ, которая исключается в случае документирования ранее совершенных административных правонарушений с помощью работающих в автоматическом режиме специальных технических средств [8, с. 44].

* См., например: По делу о проверке конституционности пункта «д» части первой статьи 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О.А. Андрияновой: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 мая 2025 г. N 25-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** В РФ количество конфискации ТС у пьяных водителей выросло в 25 раз за два года // ТАСС: сайт. URL: <https://tass.ru>

*** Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2024 году. С. 41.

В сложившихся условиях перспективным направлением является развитие механизмов взаимодействия с гражданским обществом в части получения информации о фактах управления транспортными средствами водителями, находящимися в состоянии опьянения, лишенными права управления транспортными средствами. Статистические данные за 2024 год подтверждают эффективность такого подхода: на основании сообщений от представителей общественности было пресечено 1,3 млн нарушений (на 24,5 % больше, чем в 2023 году), включая 93 818 случаев нарушений правил дорожного движения пешеходами, 70 388 фактов управления транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения или отказавшимся впоследствии от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения, а также 45 439 эпизодов управления транспортными средствами лицами, не имеющими права управления*. На протяжении последних лет отмечается устойчивая тенденция к увеличению доли указанных категорий нарушений, выявленных в ходе обработки сообщений от граждан, в общем объеме пресеченных правонарушений каждого вида.

В обязанности полиции входит рассмотрение поступающих от граждан сообщений о правонарушениях и преступлениях, принятие по ним мер в пределах компетенции. На автоматизацию приема сообщений от граждан и вынесения постановлений об административных правонарушениях в области дорожного движения была направлена инициатива «Народный инспектор», законодательное закрепление которой обсуждалось с 2017 года, однако в мае 2023 г. соответствующий законопроект был снят с рассмотрения**.

* Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2024 году. С. 77.

** О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (об уточнении порядка фиксации нарушений правил дорожного движения техническими средствами): проект федерального закона N 291354-7 // Система обеспечения законодательной деятельности: официальный сайт. URL: <http://sozd.duma.gov.ru>

Положительной стороной инициативы являлась возможность контроля за дорожной обстановкой не только в местах установки комплексов фотовидеофиксации, но и на других участках улично-дорожной сети, оперативного выявления нарушений правил дорожного движения. Тем не менее с юридической точки зрения неоднократно отмечался спорный характер механизма работы информационной системы «Народный инспектор», который выражался в его несоответствии действующему законодательству. Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. N 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» были уточнены критерии автоматической фиксации нарушений правил дорожного движения, а также подчеркнута неприменимость особого порядка привлечения к административной ответственности при фиксации нарушения с помощью иных технических средств (п. 26)***. Позиция Пленума Верховного Суда РФ получила законодательное оформление после принятия Федерального закона от 29 мая 2023 г. N 197-ФЗ, конкретизировавшего требования к средствам фотовидеофиксации, в том числе функционирование «без какого-либо непосредственного воздействия на них человека»****.

Вследствие этого реализация проекта «Народный инспектор» оказалась невозможной, однако результатом позитивного опыта сотрудничества с гражданами стало принятие в ряде субъектов Россий-

*** Рос. газ. 2019. 3 июля.

**** О внесении изменений в Федеральный закон «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и статью 3 Федерального закона «О Государственной компании «Российские автомобильные дороги» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: федер. закон от 29 мая 2023 г. N 197-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

ской Федерации нормативных правовых актов, регламентирующих выплату денежного вознаграждения за предоставление достоверной информации о нарушениях правил дорожного движения*. В основном граждане поощряются за сообщения о нарушениях, связанных с управлением транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения. При этом в Амурской и Брянской областях установлены повышенные выплаты в случаях, если нарушитель окажется привлечен к ответственности по ст. 264.1 УК РФ**.

Таким образом, современная система противодействия преступлениям в сфере безопасности дорожного движения требует дальнейшего совершенствования. Несмотря на последовательное ужесточение ответственности, введение конфискации транспортных средств, сохраняется дисбаланс в применении методов убеждения и принуждения. Низкая эффективность административных санкций, технологические ограничения автоматизированных систем фиксации и процессуальные сложности выявления правонарушений свидетельствуют о необходимости разработки новых форм контроля, сочетающих государственные и общественные механизмы воздействия.

Перспективным направлением представляется институционализация взаи-

модействия с гражданским обществом при выявлении нарушений правил дорожного движения. Несмотря на правовые препятствия к реализации проекта «Народный инспектор», региональный опыт финансового стимулирования граждан за предоставление информации о наиболее опасных нарушениях в виде управления транспортным средством в состоянии опьянения демонстрирует свою эффективность. Активное участие граждан в выявлении нарушений правил дорожного движения может повысить дисциплину и сознательность водителей транспортных средств, положительно влияя на статистику аварийности, способствовать неотвратимости наказания, обеспечить доверие граждан и поддержку полиции со стороны общества.

Кроме того, необходимо решение иных имеющихся проблем, связанных с воздействием на водителей, систематически нарушающих правила дорожного движения (деяния которых при фиксации с помощью средств фотовидеофиксации не могут учитываться как основания для административной преюдиции); профилактической работой с нарушителями, лишенными права управления транспортными средствами; разработкой механизмов выявления фактов незаконного управления транспортными средствами; совершенствованием юрисдикционной деятельности Госавтоинспекции при выявлении водителей, находящихся в состоянии опьянения. Решение указанных проблем в первую очередь необходимо для реализации провозглашенного в Стратегии повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года принципа проактивного подхода, основной идеей которого является обнаружение и предотвращение угроз безопасности дорожного движения до их наступления.

* Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2024 году. С. 79.

** Об утверждении Порядка выплаты денежного вознаграждения гражданам за информирование полиции о лицах, управляющих транспортными средствами в состоянии опьянения: постановление Правительства Амурской области от 11 июля 2024 г. N 553; О порядке и размерах выплаты единовременного денежного поощрения граждан, оказавших содействие органам внутренних дел (полиции) в охране общественного порядка: постановление Правительства Брянской области от 19 сент. 2023 г. N 456-п. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

Список источников

1. Сучков А.И. Обеспечение безопасности дорожного движения посредством вынесения представлений в ходе расследования преступлений в области дорожного движения // Современная наука. 2023. N 2. С. 31-35.
2. Галактионов С.А., Кулаков А.В. Социальная обусловленность уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения // Вестник Самарского юридического института. 2019. N 1. С. 30-37.
3. Аюпова Г.Ш. Уголовная ответственность за нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутому административному наказанию: диссертация ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 225 с.

4. Гончаров И.В. Некоторые вопросы криминализации управления транспортным средством в состоянии опьянения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. N 3. С. 201-209.
5. Трофимов В.Е. Уголовная ответственность за управление транспортным средством в состоянии опьянения. Опыт зарубежных стран // Правопорядок: история, теория, практика. 2019. N 4. С. 41-46.
6. Майоров В.И. Роль административного принуждения в системе мер по обеспечению безопасности дорожного движения // Безопасность дорожного движения. 2025. N 1. С. 20-24.
7. Варгасов В.К., Смолин П.В., Андреев М.В. Медицинское освидетельствование и применение иных мер административно-процессуального обеспечения в отношении лиц, управляющих транспортными средствами в состоянии наркотического или иного токсического опьянения: практика, проблемы, предложения // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2025. N 1. С. 76-83.
8. Подчерняев А.Н. Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности дорожного движения: анализ тенденций // Безопасность дорожного движения. 2023. N 4. С. 42-46.

References

1. Suchkov A.I. Ensuring Road Safety by Making Representations During the Investigation of Road Traffic Crimes. Modern Science, 2023, no. 2, pp. 31-35. (In Russ.).
2. Galaktionov S.A., Kulakov A.V. Social Determination of Criminal Liability of Persons Who Committed a Crime While Intoxicated. Bulletin of the Samara Law Institute, 2019, no. 1, pp. 30-37. (In Russ.).
3. Ayupova G.Sh. Criminal Liability for Violating Traffic Rules by a Person Subjected to Administrative Punishment. Cand. Diss. Yekaterinburg, 2018. 225 p. (In Russ.).
4. Goncharov I.V. Certain Issues of Criminalization of Driving a Vehicle While Intoxicated. Bulletin of the Saratov State Law Academy, 2020, no. 3, pp. 201-209. (In Russ.).
5. Trofimov V.E. Criminal Liability for Driving a Vehicle While Intoxicated. Experience of Foreign Countries. Law and Order: History, Theory, Practice, 2019, no. 4, pp. 41-46. (In Russ.).
6. Mayorov V.I. The Role of Administrative Coercion in the System of Measures to Ensure Road Safety. Road Safety, 2025, no. 1, pp. 20-24. (In Russ.).
7. Vargasov V.K., Smolin P.V., Andreyanov M.V. Medical Examination and Application of Other Administrative-Procedural Measures in Relation to Personnel Driving Vehicles While Intoxicated by Drugs or Other Toxic Intoxicants: Practice, Problems, Proposals. Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2025, no. 1, pp. 76-83. (In Russ.).
8. Podchernyaev A.N. Criminal policy in the field of road safety: analysis of trends. Road safety, 2023, no. 4, pp. 42-46. (In Russ.).

Научная специальность: 5.1.4

Криминологическая характеристика современной женской преступности

Александра Эдуардовна Гуркова,

Комсомольский районный суд Хабаровского края, Комсомольск-на-Амуре, Россия, alex.gurkova98@icloud.com, <https://orcid.org/0009-0009-2300-3857>

Константин Константинович Станкевич,

кандидат юридических наук, Комсомольский-на-Амуре государственный университет, Комсомольск-на-Амуре, Россия, kstankev1966@gmail.com

Аннотация. В статье представлен комплексный криминологический анализ современной женской преступности как самостоятельного социально-правового явления. Рассматриваются основные тенденции, количественные и качественные параметры, структура и специфика преступной деятельности женщин. Уделяется внимание социально-экономическим и психологическим факторам, обуславливающим особенности женской преступности в современных условиях. Выявляются характерные черты личности женщины-преступницы. На основе анализа статистических данных и позиций исследователей делается вывод о необходимости разработки дифференцированных мер криминологической профилактики, учитывающих гендерный аспект. Сформулированы рекомендации по многоуровневой социальной, экономической и профилактической работе с женщинами, предназначенные для органов внутренних дел и социальных служб.

Ключевые слова: женская преступность, преступление, структура женской преступности, осужденная, противоправное поведение, предупреждение женской преступности

Для цитирования: Гуркова А.Э., Станкевич К.К. Криминологическая характеристика современной женской преступности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2026. N 2 (76). С. 42-50.

Criminological characteristics of contemporary female criminality

Alexandra E. Gurkova,

Komsomolsky District Court of Khabarovsk Krai, Komsomolsk-on-Amur, Russia, alex.gurkova98@icloud.com, <https://orcid.org/0009-0009-2300-3857>

Konstantin K. Stankevich,

Candidate of Legal Sciences, Komsomolsk-on-Amur State University, Komsomolsk-on-Amur, Russia, kstankev1966@gmail.com

Abstract. The article provides a comprehensive criminological analysis of contemporary female criminality as an independent socio-legal phenomenon. The key trends, quantitative and qualitative parameters, the structure and specific features of female criminal activity are considered. Attention is paid to the socio-economic and psychological factors determining the specific features of female criminality under current conditions. Some personality traits of female criminals are identified. Based on the analysis of statistical data and some researchers' positions, it is concluded that developing the gender-specific measures of criminological prevention is needed. Some recommendations on multi-level social, economic and preventive work with women for law enforcement agencies and social services are provided.

Keywords: female criminality, crime, structure of female criminality, convict, unlawful conduct, female criminality prevention

For citation: Gurkova A.E., Stankevich K.K. Criminological characteristics of contemporary female criminality // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2026. No. 2 (76). P. 42-50.

Введение

Вопросы женской преступности занимают особое место в криминологии и в общественном восприятии. Это связано с уникальными социальными функциями женщин и традиционно высокими моральными ожиданиями по отношению к ним. Анализируя конкретные формы преступного поведения, криминологи могут с большей точностью определить, как именно развиваются процессы, связанные с противоправными действиями женщин, а также предложить наиболее эффективные решения для их сдерживания и устранения факторов риска.

Интерес к анализу женской преступности существует давно. Однако в течение долгого времени преобладали размышления историков, философов и литераторов, которые сосредоточивались на поиске особенностей женского положения в социуме и сравнении его с мужским статусом. Научное изучение женской преступности в качестве неотъемлемой части общей криминальной картины стало активно формироваться только с развитием криминологии как самостоятельной дисциплины.

Приоритетная задача настоящей статьи — раскрыть специфику современной женской преступности: выявить ключевые закономерности, определить причины и условия, влияющие на вовлеченность женщин в преступную деятельность, а также осуществить отбор действенных способов для ее предотвращения.

Основная часть

Опираясь на классическим определением понятия преступности, можно утверждать, что преступные действия, совершаемые женщинами, представляют собой сложное социально-правовое явление, характер и масштабы которого меняются на протяжении истории. Женская преступность формируется как совокупность преступлений, которые совершили женщины на определенной территории за конкретный временной промежуток.

Криминологическая специфика женской преступности во многом определяется тем, что она находится на пересечении сразу нескольких исследовательских плоскостей: общей теории преступности, гендерной социологии, психологии девиантного поведения и виктимологии. В современных условиях недостаточно рассматривать

ее только как статистическую совокупность преступлений, совершенных лицами женского пола. Требуется учет культурных норм, гендерных стереотипов, особенностей правоприменительной практики и социальных ожиданий в отношении женской роли в обществе. В криминологии все чаще используется понятие «гендерно детерминированная преступность», которая определяется как формы противоправного поведения, тесно связанные с социально закрепленными моделями женственности и мужественности.

Характер женской преступности существенно отличается от аналогичного явления в мужской среде. Это связано с уникальными социальными функциями женщин, образом жизни, профессиональной сферой и биологическими особенностями [1, с. 236]. Степень выраженности тех или иных черт женской преступности во многом детерминирована образом жизни и социальной позицией женщин, однако в ней прослеживаются общие тенденции, свойственные преступности в целом. С точки зрения криминологии женская преступность занимает особое место в структуре преступности. Ее отличительной характеристикой выступает субъект — женщины, способные нести уголовную ответственность наравне с мужчинами [2, с. 140].

Дополнительным отличительным признаком выступает и социальное восприятие женщин-преступниц. В общественном сознании традиционно закреплены стереотипы «женской миролюбивости» и «природной гуманности», что нередко приводит к недооценке реальных масштабов и опасности женской преступности. Исследования показывают, что пострадавшие и очевидцы нередко менее склонны сообщать о противоправных действиях женщин, особенно если речь идет о преступлениях в семейно-бытовой сфере; мошенничестве, совершенном знакомой; вовлечении в незаконный бизнес и др. В результате уровень регистрируемой женской преступности значительно ниже ее фактического уровня.

По мере того как меняется социокультурное положение женщины и трансформируются ее общественные функции, видоизменяются мотивы противоправного поведения и методы совершения преступлений. В связи с этим изучение женской преступности сохраняет свою актуальность.

С историко-криминологической точки зрения в дореволюционный и ранний советский периоды женская преступность была связана в основном с мелкими имущественными посягательствами, детоубийством, преступлениями против нравственности, незаконной торговлей и спекуляцией. Постиндустриальное развитие, массовый выход женщин на рынок труда, их включенность в финансовую, управленческую и предпринимательскую деятельность привели к появлению новых для женщин сфер криминальной активности, связанных с совершением экономических, налоговых, коррупционных преступлений, преступлений в сфере цифровых технологий и банковских операций.

В отличие от мужской преступности, преступные действия женщин характеризуются стабильностью как количественных, так и качественных показателей, а также однородной структурой. Анализ совершаемых женщинами правонарушений позволяет выявить целый ряд особенностей: это специфика состава преступлений и тяжесть их последствий, формы и орудия совершения, типичные роли в совершении противоправного акта, а также определяющее влияние семейных и бытовых обстоятельств.

Ключевыми детерминантами женской преступности, помимо социально-экономических, могут выступать такие региональные особенности, как географическое положение, социально-демографические, культурные, исторические, социально-психологические факторы [3, с. 9].

При этом женская преступность дифференцируется. Следует условно выделить несколько типичных моделей преступного поведения:

— «бытовая» модель, при которой преступление связано с конфликтами в семье, злоупотреблением алкоголем, длительной виктимизацией женщины;

— «корыстно-профессиональная» модель, характеризующаяся устойчивой ориентацией на получение незаконного дохода (серийное мошенничество; хищения, совершаемые по месту работы; преступления в сфере экономической деятельности);

— «зависимая» модель, когда женщина вовлекается в преступную деятельность под влиянием партнера, родственников, криминального окружения;

— «криминально-карьерная» модель, предполагающая сознательный выбор противоправного пути, занятие руководящих позиций в преступных группах, преступных сообществах.

В то же время в официальной статистике МВД России отсутствует детальная информация о структуре женской преступности, что затрудняет комплексный анализ этого явления. Существенный методологический дефект статистики состоит в том, что она редко структурирована по видам преступлений, возрасту, семейному положению, уровню образования, социальной принадлежности женщин. Это не позволяет в полной мере выявить «зоны риска», определить наиболее криминогенные категории женской части населения (например, молодежь в возрасте от 18 до 24 лет; безработные; женщины — иностранные граждане; женщины, ранее подвергавшиеся насилию).

Между тем ряд региональных исследований, опирающихся на данные судов и уголовно-исполнительных инспекций, показывает, что среди осужденных женщин преобладают лица с неполным средним или средним образованием, не занятые в стабильной сфере труда, а также проживающие в неблагополучных или неполных семьях. Кроме того, является высокой доля женщин, страдающих шизоидными и истерическими психопатологиями, соматическими и венерическими заболеваниями в связи с антиобщественным образом жизни [4, с. 543].

Анализ статистических данных, относящихся исключительно к женщинам, позволяет выявить тенденцию сокращения количества совершенных ими преступлений. В 2010 году среди всех совершивших преступления насчитывалось 172,4 тысячи женщин, а к 2023 году их количество снизилось до 126,3 тысяч, то есть на 26,8 % [5, с. 66]. Однако на фоне общего уменьшения количества правонарушителей доля женщин в этой категории неуклонно увеличивалась: если в 2010 году она составляла 15,5 %, то в 2023 году — 16,8 %*.

* Состояние преступности в России за январь — декабрь 2023 года // МВД России: официальный сайт. URL: <https://мвд.рф>

В 2024 году в Российской Федерации количество женщин, совершивших преступления, достигло 16-летнего минимума, что указывает на общую тенденцию к снижению женской преступности. Женщины составляют около 11-12 % от общего количества лиц, совершающих преступления. Согласно статистическим данным за первые 6 месяцев 2025 года в Российской Федерации было осуждено свыше 42 тысяч женщин, что указывает на уменьшение этого показателя по сравнению с предыдущими периодами. Чаще всего преступления связаны с кражами и деяниями в сфере экономической деятельности, при этом отмечается снижение уровня преступности в стране в целом*.

Иными словами, несмотря на абсолютное сокращение количества совершивших преступления женщин, их удельный вес среди всех выявленных преступников стабильно растет. Такое перераспределение имеет место с 1990 года, и лишь изредка происходят незначительные колебания. В связи с этим утверждение о якобы циклической, волнообразной динамике женской преступности несостоятельно, так как тренд на постепенное увеличение удельного веса женщин среди совершивших преступления является достаточно последовательным и устойчивым [6, с. 107].

На постсоветском этапе развития российского общества фиксируется рост доли преступлений, совершенных женщинами, причем эта динамика не ограничивается традиционными деяниями — корыстного и бытового характера. Одновременно происходит увеличение числа насильственных правонарушений, совершенных женщинами или с их участием, что свидетельствует о качественной трансформации женского криминального поведения.

Особую тревогу вызывает активизация участия женщин в преступлениях против несовершеннолетних и в семейно-бытовом насилии. Речь идет о случаях жестокого обращения с детьми; сокрытия преступлений, совершаемых мужьями; активного участия в эксплуатации несо-

вершеннолетних (в том числе в целях мошенничества, попрошайничества и др.). Существенно меняется и характер уголовных дел, возбужденных по фактам совершения преступлений, связанных с наркотическими средствами: если ранее женщины чаще выступали как «перевозчицы» (курьеры), то в настоящее время фиксируются случаи организации ими сбыта, аренды тайников, управления сетями закладчиков. Например, жительница Комсомольска-на-Амуре создала преступное сообщество из семи человек для сбыта опия и уксусного ангидрида (используемого для изготовления наркотиков). Она осуществляла руководство группой: приобретала наркотические средства и ядовитое вещество, распределяла их между соучастниками, часть полученных денег тратила на продолжение деятельности, остальное оставляла себе. Сама наркотические средства не продавала в целях конспирации. Сообществом совершено 18 преступлений. Обвиняемая была приговорена Хабаровским краевым судом к 9 годам колонии общего режима и штрафу в размере 400 тыс. рублей**.

Женская преступность обладает собственной внутренней структурой. По-прежнему преобладают преступления, связанные с посягательством на имущество: кражи, мошенничество, присвоение либо растрата. Наряду с этим остается высокой доля преступлений против жизни и здоровья, особенно на фоне бытовых конфликтов, — такие преступления чаще всего совершаются спонтанно и связаны с семейно-бытовыми обстоятельствами.

Структурный анализ показывает, что женщины сравнительно реже участвуют в разбойных нападениях, вымогательстве, грабежах в общественных местах, но ими чаще совершаются хищения на работе, у родственников и знакомых. Это объясняется тем, что женщины заняты преимущественно в сферах, связанных с материальными ценностями и денежными средствами (торговля, бухгалтерия, социальное обслуживание, банковское дело), а также обладают высоким уров-

* Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://cdep.ru>

** Жительница Комсомольска-на-Амуре организовала преступное сообщество для продажи опия // AmurMedia: информационный портал. URL: <https://amurmedia.ru>

нем доверия со стороны окружающих. Показательным является следующий пример: Комсомольским районным судом Хабаровского края была осуждена к 3 годам лишения свободы условно начальник отделения почтовой связи п. Уктур, из кассы которого с января по июль 2024 г. она похитила 675 216,44 рубля. Кроме того, ей была допущена недостача товаров на сумму 25 698 рублей. Она брала из сейфа небольшие суммы (10-20 тыс. рублей) по окончании рабочего дня и проводила их в отчетах как выданные пенсии, а деньги присваивала*. Совершению преступления способствовали доступ к финансовым активам, доверие работодателя и знание внутреннего учета. Такой способ совершения преступления — длительное изъятие небольших сумм с последующим сокрытием в отчетности — характерен для женской модели экономической преступности, ориентированной на минимизацию риска. Это подтверждает тезис о том, что женщины при совершении противоправных действий чаще выбирают экономические, а не насильственные формы криминала.

Кроме того, происходит активное вовлечение женщин в экономические и организованные преступные схемы. Все чаще именно женщины становятся инициаторами финансовых афер, фигурантами коррупционных операций либо возглавляют преступные сообщества.

Наиболее показательным является участие женщин в так называемых беловоротничковых преступлениях: мошенничестве с кредитами и субсидиями, хищениях бюджетных средств через фиктивные договоры, нелегальных финансовых пирамидах. При этом ими нередко используются не только профессиональные компетенции, но и коммуникативные навыки, умение вызывать доверие, поддерживать длительные манипулятивные контакты с потерпевшими. В сфере организованной преступности женщины чаще выполняют функции связных, легализаторов доходов, бухгалтеров. Например, бухгалтер сообщала предпринимателю, с которым был за-

ключен договор транспортной экспедиции, ложные сведения о необходимости указывать завышенную стоимость выполненных работ в актах и счетах. Под предлогом оплаты услуг других водителей-экспедиторов, не зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей или самозанятых, она получала разницу между фактической и завышенной стоимостью работ на свой расчетный счет. Сумма причиненного ущерба составила свыше 8,4 млн рублей. Суд приговорил обвиняемую к двум годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии общего режима**.

Понимание тенденций женской преступности требует обращения к совокупности статистических и социальных предпосылок, которые напрямую зависят от изменения статуса женщин в обществе и их все более активного включения в экономическую, социальную и политическую жизнь страны. При этом расширение участия разных социальных слоев в преступной деятельности может усиливать проявления агрессии и безнравственного поведения, вследствие чего повышается уровень преступности в целом.

Необходимость изучения обозначенных выше процессов подтверждается и интересом к теории маскулинности, поддерживаемой многими современными психологами и социологами [7, с. 909]. По их мнению, рост криминальной агрессивности женщин может быть вызван совокупностью гендерных, психологических и биологических факторов, формирующих особую модель поведения, в которой женская маскулинность проявляется именно в склонности к нарушению закона [8, с. 8].

В рамках гендерных исследований подчеркивается, что криминальное поведение женщин нередко является реакцией на напряженность социальных ролей — совмещение трудовой деятельности, материнства, ухода за пожилыми родственниками, а также на ожида-

* Приговор Комсомольского районного суда Хабаровского края от 20 марта 2026 г. по уголовному делу N 1-36/2026 // Комсомольский районный суд Хабаровского края: официальный сайт. URL: <https://komsomolsky-hbr.sudrf.ru>

** В Великом Новгороде вынесен приговор по уголовному делу о хищении у предпринимателя денежных средств на общую сумму свыше 8,4 млн рублей // Генеральная прокуратура Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru>

ние «успешности» и «самореализации», транслируемых массовой культурой. Несоответствие реальных возможностей с навязанными стандартами благополучия способно формировать фрустрацию, чувство несправедливости, склонность к поиску «обходных» путей решения материальных и личных проблем, в том числе посредством преступления.

Ученые отмечают, что маскулинизация, особенно распространенная в молодежной среде, влияет и на характер преступлений — сохраняется значительная доля женщин, вовлеченных в совершение насильственных правонарушений, что придает женской преступности новые, тревожные черты. Если признать маскулинизацию как объективную реальность современного общества, то очевидно, что различий между женской и мужской насильственной преступностью становится меньше. По сути, показатели женского криминального насилия постепенно приближаются к тем, которые долгое время были характерны для мужчин.

Отдельное внимание необходимо уделить насильственному поведению в подростковой и молодежной среде. Увеличилось число случаев групповых драк с участием девушек, буллинга, кибербуллинга, фиксации актов насилия на видео с последующей публикацией в социальных сетях*. Цифровая среда становится специфическим «катализатором» агрессии, стирающим традиционные гендерные рамки: девушки заимствуют агрессивные паттерны поведения, транслируемые в медиапространстве, и реализуют их как в сети «Интернет», так и в реальной жизни.

В то же время развивается и так называемая феминизация мужчин, приводящая к формированию мягкого, менее инициативного типа личности. Эта двойная трансформация затрагивает общество в целом и отражается на структуре преступности.

Вследствие появления мужских черт у женщин последними, как было отмечено выше, все чаще выбираются силовые способы разрешения конфликтов. Это влечет не только количественные,

но и качественные изменения женской преступности. По информации Генеральной прокуратуры Российской Федерации, число особо тяжких преступлений с участием женщин в 2021 году увеличилось на 6,6 %, а за первое полугодие 2022 года — еще на 9 %**.

В 2021 году были выявлены 137 724 женщины, совершившие преступления в Российской Федерации, в 2022 году — 133 507, а в 2023 году — 126 326***. С 2021 по 2022 год количество таких женщин сократилось на 3,06 % (-4217 человек); с 2022 по 2023 год — на 5,38 % (-7181 человек); общее снижение за два года составило 8,28 %.

Удельный вес женской преступности в 2021 году составил 16,23 % (848 320 выявленных лиц), в 2022 году — 16,3 %, в 2023 году — 16,83 %. Коэффициент интенсивности за 2021 год составил 175,9; за 2022 год — 171,4; за 2023 год — 161,7. Темп снижения в 2022 году по отношению к 2021 году составил 3,06 %, в 2023 году по отношению к 2022 году — 5,38 %.

На фоне снижения численности мужского населения**** количество женщин, совершивших преступления, также уменьшается, однако последние все активнее осваивают не только экономические, но и криминальные ниши, в связи с чем подобная замена перестает носить исключительный характер.

Даже при изменении характеристик женской преступности отношение к ней со стороны законодателя, судебной системы, полиции и общества в целом остается снисходительным. Подобная позиция прослеживается при выборе меры пресечения и назначении наказания; в ходе исполнения наказания, когда действуют уголовно-исполнительные отношения.

** Генпрокуратура зафиксировала рост преступности среди женщин в России за 2021-2023 гг. // Ведомости. 2022. 30 окт. URL: <https://www.vedomosti.ru>

*** Выявлено женщин, совершивших преступления // ЕМИСС. Государственная статистика: сайт. URL: <https://www.fedstat.ru>

**** Росстат представил уточненный демографический прогноз до 2036 года // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru>

* Состояние преступности // МВД России: официальный сайт. URL: <https://мвд.рф>

Указанная «мягкость» проявляется, например, в более частом назначении женщинам наказаний, не связанных с лишением свободы, в предпочтении условного осуждения и отсрочки исполнения приговора (особенно при наличии малолетних детей), в более широком применении примирительных процедур. С одной стороны, подобная практика обусловлена гуманистическими и демографическими причинами, с другой — может создавать у части женщин ощущение безнаказанности, снижать превентивный эффект уголовно-правовых мер.

Формирование женской преступности связано с совокупностью внешних (социально-экономических) и внутренних (психологических) факторов.

К основным социально-экономическим факторам можно отнести:

- материальные трудности — низкие доходы, отсутствие работы, воспитание детей в неполной семье часто становятся причинами противоправных действий;

- маргинализацию — устойчивое социальное неравенство, недоступность образования и медицинских услуг. Это повышает вероятность склонности к нарушению закона;

- разрушение семейных ценностей — рост количества разводов, хроническое насилие в быту и увеличение числа неполных семей способствуют девиантному поведению.

К психологическим факторам, которые повышают вероятность преступных деяний женщин, относится:

- нестабильность эмоций — чрезмерная восприимчивость, зависимость от мнения окружающих, склонность к необдуманным поступкам под влиянием сильных чувств;

- искажение системы ценностей — преувеличенное стремление к материальному комфорту, акцент на потребительском отношении к жизни;

- высокая подверженность чужому влиянию — в ряде случаев женщин вовлекают в преступную деятельность мужа, партнеры и т.д.

Криминологический интерес представляет также личность женщины-преступницы как совокупность социально-демографических, морально-психологических

и криминально-правовых характеристик. Эмпирические исследования показывают, что среди осужденных женщин выше, чем среди женщин, не совершавших преступления, доля лиц, переживших в детстве насилие, пренебрежение, жестокое обращение [9, с. 111]. Для многих осужденных характерны не только деформированные ценностные установки, но и выраженные эмоциональные травмы, психосоматические расстройства, зависимые и созависимые формы поведения.

Следовательно, при разработке мер по предупреждению женской преступности необходимо акцентировать внимание на устранении выявленных факторов риска: снижать уровень безработицы, бороться с женским алкоголизмом, развивать доступ к образованию, повышать правовую грамотность и предоставлять адресную социальную помощь тем, кто оказался в сложной жизненной ситуации [10, с. 20]. Обозначенные выше подходы к профилактике женской преступности требуют подробного и самостоятельного научного анализа.

Важным направлением предупреждения является и развитие соответствующих программ, ориентированных на девочек-подростков из неблагополучных семей, выпускниц детских домов, жертв насилия. Психолого-педагогические, медико-социальные и правовые меры, реализуемые в школе, по месту жительства, в молодежных центрах, способны существенно снизить вероятность криминализации, особенно в сочетании с программами профессиональной ориентации и трудоустройства.

На динамику женской преступности оказывает влияние ряд макросоциальных факторов, связанных с ухудшением условий жизни. К ключевым факторам относится рост безработицы, сокращение доходов, ухудшение качества рабочих мест, дискриминация по половому признаку, а также усиление процессов миграции и урбанизации.

Особую роль играет и миграционная преступность: женщины — иностранные граждане нередко оказываются в уязвимом положении, зависят от работодателей, посредников, земляков. Отсутствие правовой информированности и социальных гарантий, языковой барьер, риск депортации

создают почву как для их виктимизации, так и для вовлечения в преступную деятельность — от нелегальной торговли до наркобизнеса и проституции. Эти формы преступности во многом остаются латентными, что осложняет выработку эффективных профилактических мер.

На протяжении более чем 10 последних лет отмечается снижение численности контингента осужденных, причем независимо от их пола и возраста. Однако статистика свидетельствует о сохраняющейся тенденции увеличения как доли женской преступности в общем объеме регистрируемых преступлений, так и количества осужденных женщин [5, с. 65].

Данная тенденция заставляет по-новому рассматривать криминологическую характеристику современной женской преступности. Уже недостаточно говорить о ее «меньшей общественной опасности» или «бытовом характере». В настоящее время женская преступность:

- характеризуется увеличением удельного веса в общей массе преступности;
- демонстрирует рост доли тяжких и особо тяжких деяний;
- усиливает свое «присутствие» в экономической и организованной преступности;
- становится все более связанной с насильственными формами разрешения конфликтов, особенно в молодежной среде;
- отличается высокой латентностью по ряду составов (семейно-бытовое насилие, вовлечение в незаконную деятельность, преступления в сфере репродуктивных прав и т.п.).

В совокупности это требует пересмотра традиционно «смягченного» восприятия женской преступности, развития гендерно-ориентированных криминологических исследований и реформирования профилактических, судебных и пенитенциарных практик с учетом как биопсихологических, так и социальных особенностей современных женщин. Лишь комплексный подход позволит не только адекватно описать феномен женской преступности, но и выработать эффективные меры по его сдерживанию и трансформации в более безопасном для общества направлении.

Заключение

Таким образом, женская преступность — это совокупность противоправных дея-

ний, совершаемых женщинами на определенной территории в течение установленного периода времени.

Наибольшее распространение получило участие женщин в преступной деятельности в двух сферах:

- семейно-бытовая среда — главным источником правонарушений здесь выступают конфликтные ситуации внутри семьи, с иными родственниками и близкими людьми, с соседями;
- профессиональная деятельность — криминальная активность возрастает там, где женщины не только выполняют служебные обязанности, но и имеют практически неограниченный доступ к материальным ресурсам, что облегчает совершение имущественных преступлений.

Современная женская преступность в Российской Федерации развивается стремительно, приобретая все более сложные формы. Стабильные статистические показатели маскируют глубокие перемены в структуре преступности: увеличивается уровень опасности совершаемых деяний, растет организованность преступных групп и расширяется спектр противоправных действий.

Практика показывает, что для эффективного реагирования на эту проблему усиление уголовной репрессии нецелесообразно. Гораздо важнее сосредоточиться на многоуровневой социальной, экономической и профилактической работе.

В связи с этим рекомендуется:

- развивать гендерно-ориентированные программы поддержки для матерей и женщин, оказавшихся в сложных жизненных обстоятельствах;
- формировать эффективный механизм защиты от бытового насилия;
- внедрять восстановительные практики правосудия для женщин, совершивших преступления небольшой и средней тяжести;
- проводить специальную подготовку сотрудников правоохранительных органов для выявления латентных форм женской преступности и работы с ними.

Данный подход позволит не только реагировать на уже совершенные правонарушения, но и предупреждать их, снижая общий уровень криминальной активности женщин.

Список источников

1. Громов В.Г. Женская преступность: вопросы детерминации и предупреждения // Человек: преступление и наказание. 2019. N 2. С. 233-237.
2. Лыско Е.А. Криминологический аспект женской преступности // Библиотека уголовного права и криминологии. 2017. N 2. С. 139-142.
3. Сарычева Н.В. Женская преступность и ее предупреждение: на примере Ставропольского края: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Москва, 2016. 26 с.
4. Кононыхина Т.С., Репецкая А.Л. Противодействие современной женской преступности специальными-криминологическими средствами // Академический юридический журнал. 2023. Т. 24. N 4. С. 542-549.
5. Геранин В.В., Мальцева С.Н. Женская преступность: современные тенденции // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Сер. 2: Юридические науки. 2024. N 4. С. 65-70.
6. Алексеева Е.А. Современные тенденции развития женской преступности в России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2020. N 1. С. 105-112.
7. Стяжкина С.А. Гендерные особенности женской преступности // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Экономика и право. 2021. N 5. С. 904-910.
8. Качаева М.А., Русина В.В. Гендерные аспекты особенностей агрессивных преступлений, совершенных женщинами // Российский психиатрический журнал. 2010. N 6. С. 4-10.
9. Качаева М.А., Дозорцева Е.Г., Борисенко Е.В. Отсроченные последствия пережитого домашнего насилия у женщин и девочек // Психология и право. 2017. Т. 7. N 3. С. 110-126.
10. Максышев А.А. Профилактика женской преступности в Российской Федерации // Вестник Пензенского государственного университета. 2020. N 1. С. 20-22.

References

1. Gromov V.G. Female crime: issues of determination and prevention. Man: crime and punishment, 2019, no. 2, pp. 233-237. (In Russ.).
2. Lysko E.A. The criminological aspect of female crime. Library of Criminal Law and Criminology, 2017, no. 2, pp. 139-142. (In Russ.).
3. Sarycheva N.V. Female Crime and Its Prevention: A Case Study of the Stavropol Krai. Autoabstract Cand. Diss. Moscow, 2016. 26 p. (In Russ.).
4. Kononykhina T.S., Repetskaya A.L. Countering modern female crime with special criminological measures. Academic Law Journal, 2023, vol. 24, no. 4, pp. 542-549. (In Russ.).
5. Geranin V.V., Mal'tseva S.N. Female Crime: Current Trends. Witte Moscow University Bulletin. Series 2: Legal Sciences, 2024, no. 4, pp. 65-70. (In Russ.).
6. Alekseeva E.A. Current trends in the development of female crime in Russia. Psychopedagogy in Law Enforcement Agencies, 2020, no. 1, pp. 105-112. (In Russ.).
7. Styazhkina S.A. Gender characteristics of female crime. Bulletin of Udmurt University. Series: Economics and Law, 2021, no. 5, pp. 904-910. (In Russ.).
8. Kachaeva M.A., Rusina V.V. Gender aspects of the characteristics of aggressive crimes committed by women. Russian Journal of Psychiatry, 2010, no. 6, pp. 4-10. (In Russ.).
9. Kachaeva M.A., Dozortseva E.G., Borisenko E.V. Delayed consequences of experienced domestic violence in women and girls. Psychology and Law, 2017, vol. 7, no. 3, pp. 110-126. (In Russ.).
10. Maksyashev A.A. Prevention of female crime in the Russian Federation. Bulletin of Penza State University, 2020, no. 1, pp. 20-22. (In Russ.).

Вклад авторов:

Гуркова А.Э. — сбор и обработка статистических данных и материалов, анализ динамики и структуры женской преступности, исследование социально-психологических особенностей личности современных женщин-преступниц, написание текста статьи;

Станкевич К.К. — разработка концепции исследования, постановка цели и задач, формулирование теоретических выводов о детерминантах женской преступности.

Contribution of the authors:

Gurkova A.E. — collecting and processing of statistical data and materials, analyzing the dynamics and structure of female criminality, studying the socio-psychological features of contemporary female criminals, writing the text of the article;

Stankevich K.K. — developing the research concept, defining the goals and objectives, formulating the theoretical conclusions on the determinants of female criminality.

Раздел 4. Совершенствование правоохранительной практики

Научная специальность: 5.1.2

Лингвистическая адресация в цифровой коммуникации правоохранительных органов: влияние на восприятие норм права и правовые последствия

Галина Владимировна Макович,

доктор филологических наук, профессор, Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Екатеринбург, Россия, galinavlad@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется проблема некорректной лингвистической адресации в цифровой коммуникации правоохранительных органов. Актуальность темы обусловлена ростом правовых рисков, вызванных публикациями с официальных аккаунтов правоохранительных органов в социальных сетях, где языковая форма высказываний приобретает характер перформативного акта. Выявляется взаимосвязь между модальными стратегиями ведомственной коммуникации и реальными юридическими последствиями. На основе анализа цифровых контентов и судебной практики построена типология случаев, в которых следствием лингвистических просчетов стали иски о защите чести и достоинства или нарушение процессуальных прав. Обоснована необходимость внедрения лингвоправовых стандартов цифровой коммуникации и превентивной лингвистической экспертизы публикаций с официальных аккаунтов правоохранительных органов для минимизации правовых рисков и сохранения институционального доверия к правоохранительной системе.

Ключевые слова: цифровая коммуникация, правоохранительные органы, лингвистическая адресация, модальная стратегия, правовые последствия, перформативный акт, дискурсивный конфликт, лингвоправовой стандарт

Для цитирования: Макович Г.В. Лингвистическая адресация в цифровой коммуникации правоохранительных органов: влияние на восприятие норм права и правовые последствия // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2026. N 2 (76). С. 51-58.

Linguistic addressing in digital communication of law enforcement agencies: influence on perception of legal norms and legal consequences

Galina V. Makovich,

Doctor of Philology, Professor, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Yekaterinburg, Russia, galinavlad@yandex.ru

Abstract. The article considers the problem of incorrect linguistic addressing in digital communication of law enforcement agencies. The relevance of the topic is due to the growth of legal risks caused by publications from the official accounts of law enforcement agencies on social media, where the linguistic form of the statements acquires the character of a performative act. The correlation between the modal strategies of law enforcement communication and real legal consequences is revealed. Based on the analysis of digital content and judicial practice, a typology of cases when linguistic errors entailed the lawsuits on protection of honor and dignity or violation of procedural rights, is constructed. The author substantiates the need to implement the linguistic and legal standards of digital communication and preventive linguistic expertise of publications in the official accounts of law enforcement agencies in order to minimize the legal risks and maintain the institutional trust in the law enforcement system.

Keywords: digital communication, law enforcement agencies, linguistic addressing, modal strategy, legal consequences, performative act, discursive conflict, linguistic and legal standard

For citation: Makovich G.V. Linguistic addressing in digital communication of law enforcement agencies: influence on perception of legal norms and legal consequences // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2026. No. 2 (76). P. 51-58.

© Макович Г.В., 2026

Введение

В условиях цифровизации экономики и фундаментальной трансформации парадигмы взаимодействия государства и общества правоохранительные органы активно задействуют цифровые каналы коммуникации (официальные сайты, мессенджеры, чат-боты, портал госуслуг). При этом в правовом дискурсе обнаруживается критическое противоречие, заключающееся в том, что формальная доступность информации не гарантирует ее корректного восприятия гражданами. Это связано с ошибками в выборе тональности, регистра речи, синтаксических конструкций, терминологии при обращении к конкретному реципиенту. Отсутствие ориентации на изменившиеся механизмы лингвистической адресации приводит в цифровой среде к искажению смысла правовых предписаний, образованию зоны правовой неопределенности, снижению доверия к институтам власти, формированию нигилистической установки граждан. Актуальным является создание лингвоправовых стандартов цифровой коммуникации правоохранительных органов с точки зрения научного осмысления и нормативного регулирования. Теоретическая значимость работы заключается в развитии доктрины юридического языка применительно к цифровой среде.

Объектом представляемого в работе исследования является дискурс взаимодействия между правоохранительными органами и гражданами в цифровой среде в рамках административных и процессуальных процедур как юридически значимое действие, регулируемое Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции»* (далее — Федеральный закон «О полиции»), Федеральным законом от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»** (далее — Федеральный закон «Об информации») и ведомственными регламентами. Предметом исследования являются лингвистические маркеры адресации в цифровых сообщениях, их влияние на когнитив-

ную обработку информации получателем и соответствие законодательным требованиям ясности и адресности официальных сообщений. Таким образом, предмет исследования находится на линии соприкосновения лингвистики и теории правоприменения. Цель работы — определить степень влияния механизмов лингвистической адресации в цифровой коммуникации правоохранительных органов на правосознание граждан, а также правовые последствия нарушения коммуникативных стандартов.

Статья позволяет расширить категориальный аппарат теории права понятиями «цифровая лингвистическая адресация», «коммуникативная эффективность правового акта». В ней обосновывается тезис о том, что форма цифровой подачи нормы права является основополагающим элементом ее действия, влияющим на реализацию принципа правовой определенности.

Автором используются общенаучные и частнонаучные методы исследования, такие как формально-юридический метод при анализе нормативных правовых актов, регламентирующих информационную открытость и порядок общения правоохранительных органов с гражданами; лингвистический анализ текста (дискурс-анализ) при изучении корпусов текстов цифровой коммуникации (посты в соцсетях, ответы чат-ботов, электронные письма) с точки зрения адресности; метод анализа правоприменительной практики при изучении текстов цифровой коммуникации, в которой имеет место фактор недопонимания из-за формы подачи информации.

Эмпирическую базу исследования составили 350 единиц цифровых текстов правоохранительной направленности, отобранных методом сплошной выборки за 2024-2025 годы: публичные сообщения в социальных сетях — 200 постов и комментариев из официальных сообществ МВД России и территориальных органов в социальной сети «ВКонтакте» и в мессенджере «Телеграм», диалоги с автоматизированными системами — 80 транскриптов диалогов с чат-ботами и виртуальными помощниками на портале «Госуслуги» и официальных сайтах ГУ МВД субъектов Российской Федерации, полученных методом моделирования пользовательских сценариев, офи-

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 7. Ст. 900.

** Там же. 2006. N 31 (ч. I). Ст. 3448.

циальные электронные ответы — 70 текстов электронных уведомлений, извлеченных из открытых банков судебных решений (ГАС «Правосудие») по делам об обжаловании порядка информирования граждан. Все персональные данные в исследуемых текстах были предварительно обезличены в соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2006 г. N 152-ФЗ «О персональных данных»*.

Проблема функционирования языка в правовой сфере традиционно находится в фокусе внимания отечественных ученых. Фундаментальные основы юридического языка заложены в работах К.И. Бринева и Н.С. Неретиной [1; 2]. Данные исследования преимущественно ориентированы на статичные формы текстов (нормативные акты, процессуальные документы) и не описывают специфику динамического цифрового взаимодействия.

Вопросы речевого взаимодействия и конструирования образа адресата в официальном дискурсе детально разработаны А.Н. Барановым, Н.А. Купиной и представителями их школ [3; 4; 5]. При этом в указанных работах чаще всего исследуется материал политического или медийного дискурса, а узковедомственные коммуникации правоохранительных органов остаются без внимания.

Трансформацию официального общения в цифровой среде, включая процессы диалогизации, смены этикетных парадигм, освещают Л.Р. Дускаева и И.Е. Герасименко, однако специфика дискурса правоохранительных органов не изучается [6; 7]. В работах Е.И. Галяшиной фиксируется расширение объекта судебно-лингвистической экспертизы за счет интернет-контента. Однако фокус исследования смещен на доказывание в суде, а не на превентивную оптимизацию коммуникации [8].

В целом ведомственные исследования цифровой трансформации МВД России акцентируют внимание на ее технологических аспектах (автоматизация, цифровые профили), оставляя за рамками анализа лингвопрагматическую эффективность текстов, генерируемых автоматизированными системами [9].

Таким образом, несмотря на проработанность смежных вопросов, отсутствует комплексное лингвоправовое исследование адресации в цифровой коммуникации правоохранительных органов.

Основная часть

Анализ текстов нормативных правовых актов показывает, что требования к лингвистической адресации вытекают из императивных норм закона. Правовые нормы регламентируют языковую форму коммуникации правоохранительных органов с гражданами. Статья 24 Конституции Российской Федерации и ст. 6 Федерального закона от 9 февраля 2009 г. N 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»** (далее — Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации») устанавливают критерий «доступности для восприятия», что юридически обязывает органы власти минимизировать когнитивные издержки адресата посредством ясности языка и корректной адресации.

Статьи 10 и 12 Федерального закона от 2 мая 2006 г. N 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»*** (далее — Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений») требуют персонализации ответа (подпись, мотивированность), что исключает возможность подмены официального ответа обезличенными автоматизированными сообщениями в случаях, затрагивающих права граждан.

Административные регламенты МВД России транслируют требования к этике, четкости изложения, маркировке автора сообщения, его идентификации.

Статья 8 Федерального закона «О полиции» провозглашает принцип открытости и публичности, который не ограничивается публикацией данных, а включает доступность формы их представления. Закон легитимизирует цифровую среду как официальную площадку (ст. 11 Федерального закона «О полиции»). Следовательно, требования адресации распространяются и на посты в социальных сетях, и на уведомления на сайте.

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. N 31 (ч. I). Ст. 3451.

** Там же. 2009. N 7. Ст. 776.

*** Там же. 2006. N 19. Ст. 2060.

Анализ цифровых интерфейсов правоохранительных органов выявляет случаи прагматической девиации. Например, в автоматических сценариях взаимодействия на сайте МВД России при описании требований к заявителю используют императивные конструкции «Заявитель обязан представить...», «В случае непредоставления документов... ответственность»*. Подобная лингвистическая адресация, которая допустима в отношении подозреваемого, некорректно транслируется на гражданина, реализующего право на обращение. Смешиваются маркеры для разных процессуальных статусов адресата, в связи с этим наблюдается несоответствие тона сообщения правовой ситуации. Адресат не может однозначно соотнести сообщение с собой, не может корректно идентифицировать свои права и обязанности, возникает тревожность или игнорирование сообщения. Формально сообщение опубликовано, но функционально недоступно для точного понимания адресатом.

Аналогичной системной ошибкой является использование генерализованных сообщений к «гражданам» вместо персонализации, когда индивидуальное правовое предписание воспринимается как общая информация. Пример из официального канала Госавтоинспекции Свердловской области: «Госавтоинспекция Свердловской области обращает внимание водителей на недопустимость эксплуатации транспортных средств на летних шинах при снежном покрове и гололедице. Рекомендуются воздержаться от поездок до установления среднесуточной температуры не ниже плюс 5 градусов. Госавтоинспекция призывает водителей не рисковать»**. Данная формулировка, будучи юридически корректной как информационное сообщение, при восприятии конкретным реципиентом трансформируется в квази-императив: гражданин интерпретирует рекомендацию как личное правовое предписание. Это создает эффект правовой неопределенности, когда право на безопасность смешивается с обязанностью соблюдать Правила дорожного движения. В связи с этим снижается качество коммуникации.

* МВД России: официальный сайт. URL: https://мвд.рф/request_main

** URL: https://t.me/gibdd_66/10895

Типичный пример автоответа в виртуальной приемной: «Ваше обращение N 12345 принято в работу. Ожидайте ответа в установленный законом срок. Не отвечайте на это сообщение». Данный фрагмент генерируется автоматически при подаче обращения через официальный сайт МВД России. При отсутствии персонализации как стороны заявителя, так и принявшего обращение возникает коммуникативное непонимание относительно того, кому адресовано сообщение и кто несет ответственность за его рассмотрение. Происходит формальное нарушение ст. 10 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений» о подписании ответа уполномоченным лицом. Ответ воспринимается как отписка. Императивный запрет на ответ, который, будучи технически обоснованным, направленным на исключение дублирования обращений, при восприятии гражданином может интерпретироваться как коммуникативное отчуждение: заявитель лишен возможности уточнить или дополнить свое обращение, что снижает эффективность правовой коммуникации и качество реализации принципа информационной открытости и доступности (ст. 3 Федерального закона «Об информации»).

Но наиболее значимые нарушения адресности в цифровой коммуникации правоохранительных органов носят не формальный, а содержательно-прагматический характер. Они связаны с игнорированием таких ключевых параметров модели адресата, как его ценностная иерархия, когнитивные возможности, контекстуальная уязвимость.

Апелляция к институциональным ценностям вступает в конфликт с ценностными системами адресата, провоцируя не на консенсус, а на коммуникативное сопротивление. Это противоречит воспитательной функции профилактики, закрепленной в ст. 12 Федерального закона «О полиции».

Использование юридической терминологии без адаптации создает когнитивный элитизм, который является барьером для реализации прав уязвимыми категориями граждан. В терминах Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации» такая коммуникация формально соответствует требованию «предоставления», но нарушает принцип «доступности для восприятия», фактически ограничивая

право на защиту, предусмотренное ст. 45 Конституции Российской Федерации.

Типичная ошибка — это игнорирование ситуации адресата, например, при домашнем насилии, нахождении адресата в стрессовых и других пограничных состояниях. Правовое предписание может восприниматься адресатом как источник дополнительной опасности.

Анализ модальных стратегий в цифровой коммуникации правоохранительных органов выявляет системную проблему модальной адресности. Модальные стратегии предполагают выбор тональности и выражение отношения говорящего к сказанному, а именно: уверенности, долженствования, возможности, запрета, разрешения. Императивная стратегия категорична и предписывает («запретить», «обязать»), информативная стратегия разъясняет и сообщает, эмпатийная поддерживает. Модальная адресность — это учет при выборе стратегии ожиданий и потребностей конкретного адресата. Например, эффективная модальная стратегия — это проявление эмпатии в ситуации, когда гражданин жалуется на шум, и неэффективная — бюрократически-отстраненное цитирование нормативного правового акта, игнорирование эмоционального фона, ответ не конкретно человеку, а абстрактному заявителю.

Ответы с официальных аккаунтов правоохранительных органов строятся в соответствии с моделью бюрократического шаблона как формально-информационные или императивные сообщения, при этом гражданин ожидает адресную модальность эмпатии. Пользователь пишет под постом о краже: «У меня вчера угнали машину во дворе дома N 5, уже вторые сутки никто не реагирует, звонил в дежурку — трубку не берут! Что делать?» Ему отвечают: «Сообщаем, что порядок приема сообщений о преступлениях регламентирован ст. 144 УПК РФ. Для проведения проверки необходимо лично обратиться в территориальный орган МВД с письменным заявлением. Телефон доверия работает в установленном режиме»*. Эмоционально-ситуативный запрос адресата интерпретируется системой как запрос на нормативную справку, что снижает восприятие инстанции как сервис-

ного партнера и трансформирует ожидание эмпатии в ощущение институциональной отчужденности.

Правоохранительные органы часто используют единый, жестко закрепленный бюрократический код речи (стратегия «власть предписывает») во всех ситуациях, игнорируя контекст диалога в социальных сетях, где аудитория ждет человечности, оперативности и конкретности. Происходит разговор «на языке приказов» с людьми, которые говорят «на языке проблем». Таким образом, нарушается адресность. Человек испытывает стресс и ищет помощи в цифровой среде, где он задал вопрос, а ему отвечают цитатой из закона или ссылкой на закон и предлагают явиться в органы внутренних дел. Используется тон инструкции, а не диалога. Конструируется модальность долженствования («вы должны прийти»), хотя запрос был о помощи. Это создает ощущение безразличия системы.

Типичный кейс — это профилактические посты, призванные предупредить (например, о мошенничестве, террористической опасности и пр.) с позиции назидательно-запретительной модальной стратегии. Они организованы фразами «категорически запрещается», «немедленно», «срочно» и к тому же при абстрактном обращении («граждане!»). В цифровой среде такой тон воспринимается как нравоучение сверху вниз, форма подачи не соответствует формату подачи контента в ленте новостей, поэтому подобные сообщения остаются без внимания и комментариев, не достигают цели профилактики. Как более удачные профилактические посты воспринимаются те, которые организованы в форме сторителлинга**.

** Под сторителлингом в цифровой профилактической коммуникации правоохранительных органов понимается нарративная стратегия подачи информации, при которой нормативное предупреждение трансформируется в структурированный сюжет с конкретным героем (анонимным заявителем, потерпевшим или сотрудником полиции), ситуацией риска, этапом принятия решения и итоговым разъяснением правовых норм. В отличие от абстрактно-императивных сообщений предупреждающего характера сторителлинг опирается на механизмы нарративной эмпатии и когнитивного усвоения: пользователь идентифицирует себя с героем, что снижает психологическое сопротивление директивному тону и повышает запоминаемость профилактического сообщения.

* URL: https://vk.com/wall-78931090_12

Распространенный в официальных аккаунтах правоохранительных органов пост — еженедельный (ежемесячный) отчет о работе, о раскрытых преступлениях. Модальность в этих текстах констатирующая, тип изложения внутриведомственный, со статистикой и ссылками на статьи нормативных правовых актов, ориентированный на начальника, а не на гражданина. В результате происходит сбой во взаимодействии, утрата адресата, коммуникация осуществляется в вакууме.

Системная проблема модальной адресности заключается в том, что цифровая среда требует смены парадигмы с «монолога власти» на «диалог сервиса». Существенным препятствием на пути к этому является ригидность кода: сотрудники пресс-служб правоохранительных органов связаны жесткими инструкциями, запрещающими любые отклонения от официально-делового стиля. Любая попытка добавить эмоций или упростить язык может быть расценена как непрофессионализм. Между тем нельзя игнорировать контекст платформы: сухой безличный стиль, ссылки на нормативно-правовую базу, императив в постах и комментариях социальных сетей воспринимаются адресатом как игнорирование его проблем. Модальная стратегия в официальных аккаунтах правоохранительных органов строится так, чтобы закрыть тему, дать формальный ответ, а не развить ее, не обсудить, что позволило бы сформировать лояльность граждан по отношению к правоохранительным органам.

Дальнейшее использование стратегий, рассчитанных на подчиненного и абстрактного гражданина, а не на конкретного пользователя социальной сети с его потребностями, интересами, ценностями, эмоциями, будет увеличивать разрыв между полицией и обществом в цифровом поле.

Несоответствие между выбранной модально-речевой стратегией и коммуникативным статусом (ожиданиями) адресата в ряде случаев влечет юридически значимые последствия. Частотной группой случаев, связанных с наступлением правовых последствий, является публикация в официальных аккаунтах МВД России (ГУ МВД России) информа-

ции о задержанных, подозреваемых или обвиняемых с использованием оценочной, стигматизирующей лексики до вступления приговора в силу. В текстах пресс-релизов и постов регулярно используются императивно-оценочные конструкции («задержан преступник», «изобличен мошенник», «банда грабителей») вместо констатирующих процессуально-нейтральных («задержан по подозрению в совершении преступления», «возбуждено уголовное дело по признакам состава...»). Подобная адресация ориентирована не на информирование граждан, а на формирование обвинительного нарратива, что нарушает ст. 49 Конституции Российской Федерации (презумпция невиновности) и может подпадать под действие ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации (защита чести, достоинства и деловой репутации).

Кроме того, эмпирический анализ показывает, что стигматизирующие формулировки в официальных постах могут создавать эффект преюдициального давления на участников процесса. В апелляционных определениях по уголовным делам указывается на избыточную публичность и обвинительную риторику ведомственных сообщений как на фактор, способный повлиять на объективность восприятия доказательств судьями или присяжными заседателями.

Отдельную проблему составляет использование в цифровых коммуникациях стигматизирующих ярлыков («лица кавказской национальности», «неформалы», «маргиналы», «асоциальные элементы») вместо нейтральных процессуальных категорий («подозреваемые», «фигуранты», «участники публичного мероприятия»). Подобная лексика, направленная на эмоциональную мобилизацию аудитории через стереотипы, снижает правовую определенность сообщения и может трактоваться как нарушение равноправия и уважения достоинства личности (ст.ст. 19, 21 Конституции Российской Федерации). В судебной практике зафиксированы случаи, когда суды признавали такие формулировки в официальных комментариях аккаунтов нарушающими ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации и указывали на недопустимость переноса обвинительной лексики из процессуального документа

в публичный цифровой дискурс до вынесения приговора*.

Другая группа случаев, связанных с наступлением правовых последствий, — это некорректная модальность в ответах на жалобы граждан: бюрократически-отстраненная модальность с формальными отсылками к нормативным правовым актам без эмпатического компонента, а также императивная модальность, предписывающая совершать действия самому заявителю, вместо модальности содействия квалифицируется как ненадлежащее исполнение обязанностей по рассмотрению обращений, а ответ признается не соответствующим требованиям Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений».

Использование запугивающей, морализаторской или стигматизирующей риторики в профилактических постах свидетельствует о некорректной адресации. Модальность запрета и угрозы («Не делай — получишь срок!») вместо модальности партнерства и разъяснения («Закон предусматривает...»; «...чтобы защитить ваши права»), обращение к аудитории как к потенциальным правонарушителям, а не как к гражданам, нуждающимся в правовой информации, снижает доверие к правоохранительным органам и может быть признано ненадлежащим исполнением обязанностей по правовому просвещению.

Заключение

1. Некорректная лингвистическая адресация в цифровой коммуникации правоохранительных органов является системной ошибкой. Речь здесь не идет о коммуникативных погрешностях. Языковая форма в цифровом пространстве становится материализованным юридическим фактом, влекущим ответственность. В условиях цифровой публичности официальное высказывание сотрудника правоохранительных органов приобретает характер перформативного речевого акта, поскольку не просто описывает действительность, а конструирует правовые смыслы в реальном времени. Использо-

вание императивной модальности в адрес некоторых лиц («обязан», «запрещено», «следует», «надлежит») или употребление оценочной лексики по отношению к ним и их действиям («преступник», «преступное деяние», «мошенник») до решения суда становится не фактом лингвистики, а фактическим нарушением процессуальных прав (презумпции невиновности, права на защиту).

2. Выявленная системная проблема модальности адресата отражает институциональный разрыв между бюрократической речевой культурой ведомства, ориентированной на вертикальную субординацию и отчетность, и этикой цифровой публичной сферы, которая организована горизонтальными связями, предполагает диалог, эмпатию, мгновенную обратную связь. Правовые органы транслируют в публичное пространство внутренние ведомственные коды (иерархичность и язык приказов), которые декодируются получателем в цифровой среде как превышение должностных полномочий, а иногда и как правовой нигилизм. Это создает зону повышенной юридической уязвимости ведомства, когда каждое опубликованное слово может стать основанием для иска, чаще всего о защите чести и достоинства, или жалобы в надзорные органы. Случаи отмены судебных решений вследствие нарушения модальности адресата редки, но происходят при доказанной причинно-следственной связи между публикацией и нарушением процессуальных прав.

3. Анализ правоприменительной практики показывает устойчивую тенденцию трансформации лингвистических нарушений в конкретные правовые санкции. Дисциплинарная ответственность сотрудников и удовлетворение исков к ведомствам свидетельствуют о том, что суды и надзорные органы начинают признавать важной частью стандарта надлежащего исполнения служебных обязанностей сотрудника правоохранительных органов качество цифровой коммуникации.

4. Проведенный анализ лингвистической адресации в цифровой коммуникации правоохранительных органов выявляет, что существующие ведомственные инструкции по работе со СМИ и населением не учитывают специфику цифровой среды и эф-

* Определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 12 сент. 2023 г. по делу N 33-31456/2023 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru>

фективных модальных стратегий в социальных сетях. Для минимизации правовых рисков необходимы разработка и внедрение лингвоправовых стандартов цифровой коммуникации. Такие стандарты должны регламентировать не только содержание информации, но и модально-адресатные параметры высказываний (допустимый тон,

выбор лексики, степень категоричности суждений).

5. Внедрение элементов судебной лингвистической экспертизы на этапе премодерации официальных публикаций может стать превентивной мерой, способствующей предотвращению возникновения конфликтов на стыке языка и права.

Список источников

1. Бринев К.И. Судебная лингвистическая экспертиза: методология и методика. Москва: ФЛИНТА, 2014. 304 с.
2. Неретина Н.С. Появление новых родов и видов судебных экспертиз на рубеже веков // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. N 6. С. 72-78.
3. Баранов А.Н. Методы и методики в лингвистической экспертизе текста // Язык. Право. Общество: сборник статей IV Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 11-13 октября 2016 г. Пенза: Пензенский гос. ун-т, 2016. С. 119-122.
4. Вепрева И.Т., Купина Н.А. Экспертный анализ спорного текста: учебно-методическое пособие. Екатеринбург: Уральский федер. ун-т имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2018. 148 с.
5. Чернявская К.Е. Влияние особенностей онлайн-коммуникации на производство судебной лингвистической экспертизы // MEDIAОбразование: медиавключенность vs медиаизоляция: материалы VI Междунар. науч. конф., Челябинск, 23-25 ноября 2021 г. / под ред. А.А. Морозовой. Ч. 1. Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 2021. С. 305-309.
6. Дускаева Л.Р. Медиалингвистика в России: становление структуры и векторы развития // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2018. N 6. С. 48-74.
7. Герасименко И.Е. Интернет-лингвистика и коммуникация: лингвистический статус цифрового общения // Проблемы научной мысли. 2025. Т. 11. N 1. С. 11-14.
8. Галяшина Е.И. Судебная лингвистическая экспертиза и пределы допустимости использования методов лингвистической науки // Вестник Московского университета МВД России. 2018. N 4. С. 31-36.
9. Куртяк И.В. Цифровая трансформация элементов гражданских правоотношений в систему МВД России: вопросы теории и практики // Гражданские правоотношения в цифровой среде: вопросы теории и практики: сборник статей по материалам всерос. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 20 октября 2023 г. Санкт-Петербург: С.-Петербург. ун-т МВД России, 2023. С. 54-56.

References

1. Brinev K.I. Forensic linguistic examination: methodology and techniques. Moscow, FLINTA Publ., 2014. 304 p. (In Russ.).
2. Neretina N.S. The emergence of new genera and types of forensic examinations at the turn of the century. Bulletin of the University named after O.E. Kutafin (MSAL), 2020, no. 6, pp. 72-78. (In Russ.).
3. Baranov A.N. Methods and techniques in linguistic examination of the text. Language. Law. Society. Penza, Penza State University, 2016. Pp. 119-122. (In Russ.).
4. Vepreva I.T., Kupina N.A. Expert Analysis of a Disputed Text. Yekaterinburg, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, 2018. 148 p. (In Russ.).
5. Chernyavskaya K.E. The Impact of Online Communication Features on the Production of Forensic Linguistic Expertise. MEDIA Education: Media Inclusion vs. Media Isolation. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University, 2021. Pp. 305-309. (In Russ.).
6. Duskaeva L.R. Media Linguistics in Russia: Formation of Structure and Development Vectors. Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism, 2018, no. 6, pp. 48-74. (In Russ.).
7. Gerasimenko I.E. Internet linguistics and communication: the linguistic status of digital communication. Problems of scientific thought, 2025, vol. 11, no. 1, pp. 11-14. (In Russ.).
8. Galyashina E.I. Forensic linguistic examination and the limits of admissibility of using the methods of linguistic science. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018, no. 4, pp. 31-36. (In Russ.).
9. Kurtyak I.V. Digital transformation of elements of civil legal relations in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia: theoretical and practical issues. Civil legal relations in the digital environment: theoretical and practical issues. St. Petersburg, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. Pp. 54-56. (In Russ.).

Научная специальность: 5.1.4

Принципы организации и деятельности прокуратуры в условиях цифровой трансформации

Евгения Викторовна Глухова,

кандидат юридических наук, Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия, Gluhova.e81@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9794-4942>

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопросов, возникших в связи с реализуемой с января 2026 г. Концепцией цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2030 года. Анализ показывает, что стремительная автоматизация и использование искусственного интеллекта создают напряженность, а в ряде случаев противоречат принципам организации и деятельности прокуратуры, закрепленным в Федеральном законе от 17 января 1992 г. N 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации». Выявлены факты негативного влияния цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры на реализацию основных начал — принципов организации и деятельности прокуратуры Российской Федерации. Предложены меры по устранению такого влияния.

Ключевые слова: прокуратура Российской Федерации, прокурорская деятельность, принципы деятельности прокуратуры, цифровая трансформация, цифровизация

Для цитирования: Глухова Е.В. Принципы организации и деятельности прокуратуры в условиях цифровой трансформации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2026. N 2 (76). С. 59-66.

Principles of organization and activities of the procuracy in the context of digital transformation

Evgeniya V. Glukhova,

Candidate of Legal Sciences, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia, Gluhova.e81@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9794-4942>

Abstract. The article focuses on a number of issues incurred in connection with the Concept of digital transformation of the Russian prosecution bodies and organizations up to 2030, which has been implemented since January 2026. The analysis shows that rapid automation and the use of artificial intelligence create tension and in some cases conflict with the traditional principles of the organization and activities of the procuracy enshrined in Federal Law No. 2202-I "On the procuracy of the Russian Federation" dated January 17, 1992. Some cases of the negative effect of the digital transformation of prosecution bodies and organizations on implementing the basic principles of the organization and activities of the Russian procuracy are revealed. Some measures to eliminate such effect are proposed.

Keywords: Procuracy of the Russian Federation, prosecutorial activities, principles of prosecutorial activities, digital transformation, digitalization

For citation: Glukhova E.V. Principles of organization and activities of the procuracy in the context of digital transformation // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2026. N 2 (76). P. 59-66.

Введение

В настоящее время значимость развития информационного общества и процессов цифровизации сложно пе-

реоценить. Об этом свидетельствует и принятие ряда нормативных правовых актов, определяющих стратегический вектор цифрового развития как государства

в целом*, так и отдельных общественных институтов**.

Вектор на цифровое развитие, формирование технологической независимости в Российской Федерации был взят еще в 2018 году, когда началась реализация национального проекта «Цифровая экономика». Данное направление развития сохраняет свою актуальность, что подтверждается осуществлением с января 2025 г. национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства». Указанный проект разработан во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. N 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»*** и объединяет ключевые направления высокотехнологичного развития российского государства.

Будущее прокурорской деятельности в Российской Федерации неразрывно связано с углублением цифровой трансформации. Как справедливо отмечает Е.В. Ступаченко, «органы прокуратуры Российской Федерации, как и иные государственные органы, также вовлечены в процессы цифровизации государственного управления» [1, с. 24]. В целях совершенствования информационного обеспечения органов и организаций прокуратуры Российской Федерации, определения основных приоритетов и принципов цифрового развития приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 11 сентября 2025 г. N 621 была утверждена Концепция цифровой трансформации

органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2030 года (далее — Концепция)****. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 11 сентября 2025 г. N 621 отменяет действие Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года, утвержденной приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 14 сентября 2017 г. N 627, что подчеркивает системность и непрерывность стратегического планирования в ведомстве.

Однако цифровая трансформация органов прокуратуры не может не влиять на основные начала — принципы организации и деятельности органов прокуратуры Российской Федерации. Внедрение цифровых технологий в деятельность органов прокуратуры не всегда коррелирует с традиционными принципами организации и деятельности прокуратуры, закрепленными в Федеральном законе от 17 января 1992 г. N 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»***** (далее — Федеральный закон «О прокуратуре»), а в ряде случаев противоречит им. Учитывая вышеизложенное, исследование указанных возможных противоречий, а также определение мер по их устранению приобретает особую значимость.

Основная часть

В последнее время актуальным вопросам цифровой трансформации органов прокуратуры в науке уделяется достаточно много внимания. Подобный интерес обусловлен прежде всего потребностью в комплексной оптимизации и совершен-

* См., например: О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы: указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. N 203 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. N 20. Ст. 2901; О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 28 февр. 2024 г. N 145 // Там же. 2024. N 10. Ст. 1373.

** См., например: Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления: распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 марта 2024 г. N 637-р // Там же. N 13. Ст. 1837.

*** Там же. N 20. Ст. 2584.

**** Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2030 года, а также о внесении изменений в отдельные организационно-распорядительные документы Генерального прокурора Российской Федерации: приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 11 сент. 2025 г. N 621 // Законность. 2025. N 11.

***** О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон от 17 янв. 1992 г. N 2202-1: ред. от 29 дек. 2025 г. // Ведомости Съезда народных депутатов Рос. Федерации и Верховного Совета Рос. Федерации. 1992. N 8. Ст. 366; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

ствовании деятельности органов прокуратуры на основе современных цифровых решений в свете всеобщей тенденции развития экономики данных и цифровой трансформации государства. Как справедливо отмечает Е.В. Демидова-Петрова, «данные процессы обуславливают основные векторы изменения государственной политики Российской Федерации, направленной на сохранение и укрепление суверенитета страны, реализацию экономических, политических и социальных прав граждан, повышение качества их жизни, обеспечение стабильного экономического роста и научно-технологического развития регионов» [2, с. 62].

Безусловно, цифровая трансформация деятельности органов прокуратуры неизбежна. Следует согласиться с позицией Е.В. Ступаченко: «...с учетом обозначенных тенденций органы прокуратуры Российской Федерации не могут оставаться на обочине цифровизации». Автор выделяет ряд положительных результатов цифровизации органов прокуратуры: «Созданная информационно-коммуникационная инфраструктура обеспечивает ведомственное и межведомственное взаимодействие, позволяет оперативно осуществлять надзор за исполнением законов» [3, с. 81].

Позитивным последствием цифровизации деятельности органов прокуратуры О.А. Степанов и Д.А. Басангов называют «...развитие высокотехнологичного надзора, который позволяет оперативно осуществлять надзорные функции, снизить количество допускаемых ошибок, усилить информационное взаимодействие с общественными институтами и органами государственной власти» [4, с. 25].

Выделяя положительные и отрицательные стороны использования достижений научно-технического прогресса в работе прокуратуры Российской Федерации, С.Г. Пишина и А.Н. Агеев указывают: «исключение влияния человеческого фактора диктует повышенную ответственность при разработке цифровых алгоритмов процессуальных действий во избежание наступления вредных последствий» [5, с. 43]. А.А. Ковалев освещает «отдельные проблемы использования информационного обеспечения прокурорскими работниками, вопросы обучения оперативных сотрудни-

ков прокуратуры навыкам работы с новыми информационными системами, практические недоработки информационных ресурсов» [6, с. 228]. Т.Я. Евлоев отмечает «необходимость дальнейшего развития не только цифровых систем органов прокуратуры, но и нормативного регулирования цифрового развития органов прокуратуры» [7, с. 452].

Выражая согласие с авторами вышеуказанных позиций, представляется целесообразным рассмотреть аспекты цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры через призму основных начал — принципов организации и деятельности прокуратуры. Учитывая точку зрения Е.Р. Ергашева, согласно которой «все принципы, как организационные, так и специфические прокурорские находятся в системной взаимосвязи» [8, с. 54], обозначенные вопросы следует изучать именно в контексте системности принципов организации и деятельности прокуратуры, понимая при этом неоднозначность подобного влияния цифровой трансформации. В частности, применение информационных технологий будет позитивно влиять на возможность практической реализации ряда принципов (например, принципа доступности, принципа информативности). На часть принципов цифровизация не окажет значительного влияния (принцип обязательности исполнения законных требований прокурора, принцип единоначалия, принцип уважения чести и достоинства личности).

Среди принципов, на содержание которых в наибольшей степени возможно негативное влияние в связи с цифровой трансформацией деятельности прокуратуры, следует выделить принципы законности, единства и централизации прокуратуры, независимости прокурора.

Одним из фундаментальных конституционно-правовых принципов деятельности прокуратуры Российской Федерации является принцип законности, закрепленный в ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре». Согласно этому принципу все действия прокурора должны основываться на четком и прямом нормативном предписании, исключая произвол и обеспечивая предсказуемость правоприменения. Законность предполагает не только

соблюдение закона самим прокурором, но и то, что его полномочия, формы и методы надзорной деятельности устанавливаются федеральным законом.

Однако в условиях ускоренной цифровой трансформации реализация этого принципа значительно осложнена. Концепция вводит ряд новых инструментов надзора, включая:

- дистанционные проверки без выезда на место;
- интеллектуальную обработку обращений граждан с использованием алгоритмов искусственного интеллекта;
- автоматизированный надзор за соблюдением законодательства на основе анализа больших массивов данных;
- прогнозирование правонарушений с применением аналитических моделей.

Несмотря на технологическую новизну и декларируемую эффективность данных инструментов, они не имеют прямого нормативного закрепления в федеральном законодательстве, в частности в Федеральном законе «О прокуратуре». Вместо этого их правовое основание ограничивается подзаконным актом, а именно приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации, который, согласно иерархии источников права, не может устанавливать новые формы и методы прокурорской деятельности, затрагивающие права и свободы граждан, а также полномочия и обязанности юридических лиц.

Введение цифровых надзорных инструментов на уровне приказа создает правовой вакуум, в котором:

- не определены гарантии защиты прав граждан при проведении дистанционных проверок;
- не установлены процедуры обжалования решений, принятых на основе автоматизированного анализа;
- отсутствуют четкие критерии применения алгоритмов искусственного интеллекта при анализе обращений;
- не регламентирована ответственность за ошибки, допущенные системами искусственного интеллекта.

Таким образом, реализация цифровых полномочий прокуратуры на основе подзаконного акта нарушает иерархию источников права, подрывает принцип законности и ставит под сомнение легитим-

ность новых форм надзора. Это создает риски не только для поднадзорных объектов и субъектов, но и для самой прокуратуры, действия которой могут быть оспорены в суде как не имеющие надлежащего правового основания.

В контексте реализации принципа законности вызывает интерес коллизия между дистанционным надзором и требованиями закона о личном участии прокурора. В литературе формат дистанционной проверки достаточно часто оценивается положительно, при этом обозначается необходимость законодательных и организационных решений [9, с. 232]; необходимость утверждения алгоритмов реализации надзорной деятельности посредством применения искусственного интеллекта на уровне организационно-распорядительных актов Генеральной прокуратуры Российской Федерации и продолжения научных изысканий внедрения искусственного интеллекта в основы тактики надзорной деятельности в теории прокурорского надзора [10, с. 198]. Выражая согласие с указанными позициями, следует отметить, что законодательство четко регламентирует процедуру прокурорской проверки (ст. 22 Федерального закона «О прокуратуре»), предполагающую личное участие должностного лица: получение объяснений, ознакомление с документами и при необходимости выезд на место происшествия. Данные процедуры являются гарантией соблюдения прав проверяемых лиц и установления объективной истины.

Концепция, напротив, закрепляет модель «дистанционного надзора» и «мгновенных проверок» на основе анализа данных из государственных информационных систем. Такой подход несет в себе угрозу нарушения права субъекта проверки на защиту в части лишения возможности представить свои доказательства или оспорить позицию, базирующуюся на неполных или ошибочных данных. Отсутствие личного контакта не позволяет прокурору оценить контекст и неформальные обстоятельства, что подрывает саму суть принципа законности в его процессуальном аспекте. На уровне нормативных правовых актов Генеральной прокуратуры Российской Федерации

следует закрепить определенные ограничения, разрешив проведение «цифровых проверок» в случаях, когда информация о нарушении получена из открытых или межведомственных источников; при массовых нарушениях (например, при задержке выплат); при наличии технической возможности удаленного доступа к документам (с электронной подписью и аудитом). Кроме того, необходимо установить правило, согласно которому дистанционная проверка не может заменить выездную при наличии спора о фактах.

Не свободен от влияния реализации положений Концепции и принцип единства и централизации прокуратуры. Указанный принцип является главным в группе специфических именно для органов прокуратуры основных начал, вытекающих из определения понятия прокуратуры, закрепленного в ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре». Значение данного принципа сложно переоценить, поскольку он обеспечивает единообразие правоприменительной практики на всей территории страны. Реализация Концепции в контексте возможного влияния на принцип единства и централизации прокуратуры воспринимается двояко. С одной стороны, следует позитивно оценивать положения Концепции, относящиеся к основным задачам создание и развитие устойчивой, надежной и безопасной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, в том числе единой цифровой платформы Российской Федерации «ГосТех». С другой стороны, реализация данных положений способствует увеличению риска технологической фрагментации.

Уровень цифрового развития прокуратур субъектов Российской Федерации различен. Кроме того, существуют объективные сложности, связанные с полным импортозамещением программного обеспечения. Указанные факторы могут привести к ситуации, в которой формируемая разрозненная цифровая среда будет способствовать нарушению единообразия в работе, фактически подрывая принцип единства и централизации и превращая систему в совокупность изолированных цифровых решений. В обозначенной ситуации де-юре сохраняется административное подчинение, но де-факто создаются

условия для технологической децентрализации, следствием которой можно обозначить возникновение ряда юридических, операционных и организационных рисков.

Юридические риски сводятся прежде всего к вопросу об ответственности. В настоящее время указанный вопрос является весьма болезненным для всех сфер применения систем искусственного интеллекта. Данная проблема актуальна и в отношении цифровой трансформации деятельности прокуратуры. В ситуации сбоя, утечки данных или ошибки, допущенной искусственным интеллектом, ответственность сложно возложить на конкретного прокурора, особенно при условии, что программное обеспечение разработано сторонней организацией. Не способствует разрешению ситуации и обеспечивающая «гибкость» цифровой трансформации возможность (в определенной части) свободы выбора региональными подразделениями используемых технологических решений.

Операционные риски вытекают также из межотраслевой на данный момент проблемы уязвимости для киберугроз, осложненной использованием отечественного программного обеспечения, разработанного в условиях ускоренного импортозамещения. В контексте цифровой трансформации органов прокуратуры следует обозначить риски атак на региональный центр обработки данных или сегмент защищенной сети ЕЗСПД (Единая защищенная сеть передачи данных органов прокуратуры Российской Федерации).

Риски организационного порядка связаны с увеличением круга субъектов, получающих доступ к сведениям, которые обладают признаком конфиденциальности и предназначены исключительно для служебного пользования. Речь идет о внешних подрядчиках, участвующих в разработке и сопровождении информационных систем и сервисов. Данное обстоятельство усложняет централизованный контроль за обработкой и защитой указанной конфиденциальной информации.

В качестве одного из принципов цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры раздел 5 анализируемой Концепции закрепляет стандартизацию — установление типовых норм

и требований к отдельным элементам, функциям, процессам и интерфейсам информационных систем для достижения оптимальной степени упорядоченности, а также технической и информационной совместимости компонентов информационных систем и, как следствие, снижения затрат на их внедрение и эксплуатацию. Вместе с тем следует отметить, что в настоящее время отсутствие единых технических стандартов для всех уровней прокуратуры создает ситуацию, в которой эффективность надзорной и ненадзорной деятельности прокуратуры напрямую зависит от уровня информационных ресурсов и компетенций конкретного субъекта Российской Федерации.

Еще один принцип, на возможность практической реализации которого следует обратить внимание в контексте цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры, — это принцип независимости прокурорского работника. Из системного толкования положений ст. 4 Федерального закона «О прокуратуре» следует, что прокурорская деятельность основывается лишь на нормах действующего законодательства и внутреннего убеждения прокурорского работника. Е.Р. Ергашев, раскрывая указанный принцип, помимо закона и внутреннего убеждения, в качестве основания реализации прокурором своих полномочий называет «материалы полных, всесторонних и объективных проверок» [8, с. 68].

Положения Концепции указывают на необходимость использования искусственного интеллекта для анализа данных, выявления признаков нарушений и подготовки проектов процессуальных решений. Например, во введении в качестве одной из основных целей реализации Концепции указано внедрение в деятельность органов прокуратуры технологий искусственного интеллекта и применение инструментов искусственного интеллекта для решения рабочих задач. В разделе 2 Концепции к основным целям цифровой трансформации органов прокуратуры отнесено применение технологий искусственного интеллекта для реализации надзорной функции, работы с обращениями граждан и т.д. С одной стороны, действительно, технические возможности систем искусственного интеллекта существенно превышают

когнитивные функции человека, поэтому их использование в практике надзорной деятельности прокуратуры будет напрямую способствовать полноте и объективности прокурорских проверок. Но, с другой стороны, реализация подобной практики вызывает серьезные опасения. Во-первых, в ситуации, когда прокурор полагается на рекомендации системы, фактически происходит подмена независимого суждения прокурора «машинным выводом». Во-вторых, непрозрачность алгоритмов делает невозможным полноценное обоснование прокурором своих решений. Изложенное фактически превращает прокурора в «оператора», зависимого от предустановленных программных решений.

Заключение

Таким образом, резюмируя результаты проведенного анализа, представляется возможным определить комплекс мер по устранению негативного влияния цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры на основные начала организации ее деятельности.

Во-первых, для устранения обозначенного влияния на реализацию принципа законности на уровне федерального законодательства необходимо:

- закрепить новые цифровые формы и методы надзорной деятельности, их цели, пределы, гарантии их применения;
- установить требования к прозрачности и объяснимости алгоритмов, используемых при автоматизированном анализе данных;
- определить процедуры участия поднадзорных субъектов в дистанционных проверках, включая право на ознакомление с результатами и возможность представления возражений;
- определить юридическую ответственность за последствия неправомерного или ошибочного применения цифровых инструментов.

С этой целью должны быть внесены соответствующие изменения в Федеральный закон «О прокуратуре».

Во-вторых, для устранения сложностей реализации принципа единства и централизации прокуратуры целесообразно принять следующие меры:

- закрепить на уровне федерального законодательства положение о том, что все

информационные системы прокуратуры образуют единый государственный информационный ресурс, находящийся под централизованным управлением Генеральной прокуратуры Российской Федерации;

— ввести запрет на использование внешних облачных сервисов вне доверенной инфраструктуры, разрешив размещение данных исключительно на платформе «ГосТех» и в защищенных центрах обработки данных, контролируемых центральным аппаратом Генеральной прокуратуры Российской Федерации;

— установить обязательную сертификацию всего программного обеспечения и подрядных организаций через единый реестр, находящийся под контролем Главного управления правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры Российской Федерации;

— разработать и утвердить единый регламент реагирования на киберинциденты, предусматривающий немедленное информирование центрального аппарата и временное приостановление полномочий регионального узла в случае угрозы компрометации данных.

В-третьих, правовые риски использования искусственного интеллекта и реализации принципа независимости прокурора в условиях «алгоритмической

зависимости» можно устранить, законодательно установив:

— запрет на полностью автономное принятие процессуальных решений искусственным интеллектом;

— обязательность контроля человека над всеми выводами искусственного интеллекта;

— обязанность прокурора мотивировать отказ от рекомендаций, полученных посредством искусственного интеллекта;

— обязанность уведомления заявителя об использовании искусственного интеллекта при рассмотрении его обращения;

— разрешение на использование искусственного интеллекта только на этапе предварительной обработки для классификации обращения; формирования проекта ответа;

— правило о том, что окончательное решение принимается уполномоченным должностным лицом.

Безусловно, необходима дальнейшая научная проработка влияния цифровой трансформации на основополагающие принципы организации деятельности прокуратуры, однако реализация изложенного в настоящей статье комплекса мер будет способствовать повышению качества и эффективности прокурорской деятельности в условиях цифровой трансформации.

Список источников

1. Ступаченко Е.В. Цифровая экономика и цифровизация как предпосылки трансформации прокурорской деятельности // Право и цифровая экономика. 2023. N 3. С. 20-32.
2. Демидова-Петрова Е.В. Цифровая трансформация органов прокуратуры Российской Федерации: формирование новых профессиональных компетенций // Юридическое образование и наука. 2025. N 8. С. 62-66.
3. Ступаченко Е.В. Цифровизация организации прокурорской деятельности как необходимое условие функционирования органов прокуратуры в условиях развития информационного общества // Административное право и процесс. 2024. N 9. С. 81-84.
4. Степанов О.А., Басангов Д.А. Актуальные аспекты использования информационных технологий в деятельности органов прокуратуры // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. N 1. С. 25-29.
5. Пишина С.Г., Агеев А.Н. Современные вопросы организации деятельности прокуратуры РФ: новые вызовы в условиях цифровой трансформации // Юридический мир. 2025. N 11. С. 43-46.
6. Ковалев А.А. Цифровизация деятельности прокуратуры Российской Федерации: проблемы и пути решения // Право и государство: теория и практика. 2024. N 9. С. 228-230.
7. Евлов Т.Я. Актуальные вопросы цифровизации органов прокуратуры // Евразийский юридический журнал. 2025. N 2. С. 452-453.
8. Ергашев Е.Р. Прокурорский надзор в Российской Федерации: учебник для вузов. Москва: Юрайт, 2025. 413 с.
9. Шмелев А.В. Цифровизация как вызов и точка роста в организации прокурорского надзора в Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2025. N 4. С. 230-234.
10. Махьянова Р.М. Использование технологий искусственного интеллекта при осуществлении надзорной деятельности прокуратуры // Юридическая наука. 2024. N 1. С. 195-199.

References

1. Stupachenko E.V. Digital Economy and Digitalization as Prerequisites for the Transformation of Prosecutorial Activity. *Law and Digital Economy*, 2023, no. 3, pp. 20-32. (In Russ.).
2. Demidova-Petrova E.V. Digital Transformation of the Prosecutor's Office of the Russian Federation: Formation of New Professional Competencies. *Legal Education and Science*, 2025, no. 8, pp. 62-66. (In Russ.).
3. Stupachenko E.V. Digitalization of the Organization of Prosecutorial Activity as a Necessary Condition for the Functioning of Prosecutor's Offices in the Context of the Development of the Information Society. *Administrative Law and Procedure*, 2024, no. 9, pp. 81-84. (In Russ.).
4. Stepanov O.A., Basangov D.A. Current Aspects of the Use of Information Technologies in the Activities of Prosecutor's Offices. *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*, 2024, no. 1, pp. 25-29. (In Russ.).
5. Pishina S.G., Ageev A.N. Modern Issues of the Prosecutor's Office of the Russian Federation: New Challenges in the Context of Digital Transformation. *Legal World*, 2025, no. 11, pp. 43-46. (In Russ.).
6. Kovalev A.A. Digitalization of the Activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation: Problems and Solutions. *Law and State: Theory and Practice*, 2024, no. 9, pp. 228-230. (In Russ.).
7. Evloev T.Ya. Actual Issues of Digitalization of Prosecutor's Office Bodies. *Eurasian Law Journal*, 2025, no. 2, pp. 452-453. (In Russ.).
8. Ergashev E.R. *Prosecutor's Supervision in the Russian Federation*. Moscow, Yurayt Publ., 2025. 413 p. (In Russ.).
9. Shmelev A.V. Digitalization as a Challenge and a Growth Point in the Organization of Prosecutorial Supervision in the Russian Federation. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2025, no. 4, pp. 230-234. (In Russ.).
10. Mah'yanova R.M. The Use of Artificial Intelligence Technologies in the Prosecutor's Supervisory Activities. *Legal Science*, 2024, no. 1, pp. 195-199. (In Russ.).

Научная специальность: 5.1.4

Актуальные направления противодействия незаконному хранению огнестрельного оружия в Российской Федерации

Константин Викторович Шаров,

кандидат юридических наук, Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, Омск, Россия, kostia_sharov55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8923-9250>

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы противодействия незаконному хранению огнестрельного оружия и боеприпасов к нему на территории Российской Федерации. Установлено, что в настоящее время и в ближайшем будущем незаконный оборот оружия – актуальная проблема борьбы с преступностью. Автором выделены и обоснованы наиболее действенные направления противодействия незаконному хранению огнестрельного оружия: развитие превентивных мер стимулирующего характера, основанных на сочетании информационно-разъяснительной работы с гражданами и материального поощрения добровольной сдачи незаконно хранящегося оружия; активизация служебной деятельности сотрудников подразделений лицензионно-разрешительной работы Росгвардии по проверке лиц, имеющих (имевших) лицензию на хранение огнестрельного оружия; оперативно-розыскное выявление и документирование фактов незаконного хранения огнестрельного оружия и боеприпасов к нему.

Ключевые слова: огнестрельное оружие, незаконный оборот оружия, добровольная сдача оружия, информационно-разъяснительная работа, оперативно-розыскная деятельность

Для цитирования: Шаров К.В. Актуальные направления противодействия незаконному хранению огнестрельного оружия в Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2026. N 2 (76). С. 67-73.

Current directions in countering the illegal possession of firearms in the Russian Federation

Konstantin V. Sharov,

Candidate of Legal Sciences, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Omsk, Russia, kostia_sharov55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8923-9250>

Abstract. The article discusses the issues of countering the illegal possession of firearms and ammunition in the Russian Federation. It is established that illegal arms trafficking is a pressing issue of fighting crime both currently and in the near future. The most effective directions of countering the illegal firearms possession are identified and substantiated. These include developing the incentive-based preventive measures combining the public information and outreach activities and financial incentives for the voluntary surrender of illegally possessed firearms; intensifying the activities of the licensing and permitting units of the Russian National Guard to verify individuals holding (or having held) a license to possess firearms; operational-search detecting and documenting the facts of illegal possession of firearms and ammunition.

Keywords: firearms, illegal arms trafficking, voluntary firearms surrender, information and outreach activities, operational investigative activities

For citation: Sharov K.V. Current directions in countering the illegal possession of firearms in the Russian Federation // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2026. No. 2 (76). P. 67-73.

Введение

Согласно официальным статистическим данным Главного информационно-аналитического центра МВД России (далее — ГИАЦ МВД России) в 2025 году на территории Российской Федерации выявлено 16,4 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия*. Несмотря на то, что количество обозначенных преступлений по сравнению с 2024 годом сократилось на 11,9 %, следует констатировать, что оно остается значительным.

В структуре преступности в сфере незаконного оборота оружия наибольший удельный вес составляют деяния, предусмотренные ст. 222 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), — незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, пересылка или ношение оружия, основных частей огнестрельного оружия, боеприпасов (основной состав) либо незаконный сбыт огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов к нему (квалифицированный состав по ч. 2), в том числе с особо квалифицирующими признаками (чч. 3-7) — совершенные группой лиц по предварительному сговору, с использованием виновным своего служебного положения либо сети «Интернет», организованной группой и др.

Обозначенная выше тенденция подтверждается статистическими данными ГИАЦ МВД России: в 2025 году деяния, квалифицируемые по ст. 222 УК РФ, составили 56 % от общего количества преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия (9202 из 16 363), в 2024 году — 55 % (10 281 из 18 567), в 2023 году — 55 % (10 745 из 19 371), в 2022 году — 57 % (12 751 из 22 206), в 2021 году — 56 % (13 087 из 23 507), в 2020 году — 58 % (14 443 из 24 792)**.

При этом необходимо учитывать, что в официальных статистических данных, опубликованных в сети «Интернет», не учтены преступления в сфере незаконного оборота оружия, зарегистрированные правоохрани-

тельными органами на территориях образованных 30 сентября 2022 г. в составе Российской Федерации новых субъектов — Луганской Народной Республики, Донецкой Народной Республики, Херсонской и Запорожской областей. Сложившуюся ситуацию можно объяснить рядом причин:

- переходным периодом правовой интеграции новых регионов в правовую систему Российской Федерации, в том числе в сфере статистической отчетности;

- организационно-техническими обстоятельствами, и в частности поэтапным включением правоохранительных органов на новых территориях в работу с централизованными информационными системами МВД России;

- действием режима военного положения, предполагающего ограничение доступа к информации в силу требований государственной тайны.

Представляется, что уровень преступности в сфере незаконного оборота оружия на указанных территориях является повышенным. Это обусловлено длительной милитаризацией новых территорий и, как следствие, наличием значительного количества неучтенного огнестрельного оружия, ослаблением механизмов государственного контроля в данной сфере, а также повышенным спросом на оружие со стороны граждан в условиях нестабильной военно-политической и социально-экономической обстановки.

Кроме того, после завершения специальной военной операции Российской Федерации потребуются годы на легализацию незаконного трафика огнестрельного оружия, вывозимого за пределы линии боевого соприкосновения в коммерческих, трофейных, коллекционных и иных личных целях. С.Д. Захарчук и Е.В. Матвеева справедливо подчеркивают, что преступления, связанные с незаконным оборотом оружия, становятся одним из значимых факторов, способствующих росту организованной преступности и ухудшению криминогенной обстановки в Российской Федерации, выступая реальной угрозой для государства и общества [1, с. 58].

С криминологической точки зрения хранение огнестрельного оружия как фактическое обладание им присутствует во всех составах преступлений, предусмо-

* Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2025 года // МВД России: официальный сайт. URL: <https://мвд.рф>

** Состояние преступности // Там же.

тренных ст. 222 УК РФ. Альтернативные действия, перечисленные в диспозиции ст. 222 УК РФ (приобретение, передача, сбыт, перевозка, пересылка, ношение), означают, что виновный фактически обладает оружием (хранит его), независимо от продолжительности, места и способа сокрытия. В связи с этим борьба с незаконным оборотом оружия осуществляется главным образом посредством выявления фактов его незаконного хранения.

В обозначенных условиях на современном этапе деятельности правоохранительных органов Российской Федерации по борьбе с преступностью противодействие незаконному хранению огнестрельного оружия и боеприпасов к нему является приоритетным. Приведенные выше доводы свидетельствуют о тенденции к увеличению количества незаконно хранящихся единиц огнестрельного оружия на территории России.

В рамках настоящей статьи задачей автора является определение наиболее актуальных и эффективных направлений противодействия незаконному хранению огнестрельного оружия на территории Российской Федерации.

Основная часть

Приоритетным направлением противодействия незаконному хранению огнестрельного оружия в Российской Федерации следует признать развитие превентивных мер стимулирующего характера, основанных на сочетании правового информирования граждан и материального поощрения их правомерного поведения.

Прежде всего, речь идет о необходимости системной официальной пропаганды добровольной сдачи незаконно хранящегося огнестрельного оружия и боеприпасов к нему. Нормативной основой данного направления деятельности выступает примечание 1 к ст. 222 УК РФ, согласно которому «лицо, добровольно сдавшее предметы, указанные в настоящей статье, освобождается от уголовной ответственности по данной статье». В пункте 19 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. N 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» разъяснено, что при добро-

вольной сдаче лицо выдает огнестрельное оружие и (или) боеприпасы к нему по своей воле либо сообщает об их местонахождении при реальной возможности дальнейшего хранения этих предметов*.

Выдача огнестрельного оружия и боеприпасов к нему при задержании лица, проведении обыска или выемки как следственных действий по уголовному делу, оперативно-розыскных мероприятий (например, обследования зданий, помещений, участков местности и транспортных средств) не может быть квалифицирована как добровольная. В перечисленных случаях лицо выдает незаконно хранящиеся предметы помимо собственной воли под угрозой наступления уголовной ответственности.

Прием добровольно сданного огнестрельного оружия и боеприпасов к нему осуществляется в соответствии с приказом МВД России от 17 декабря 2012 г. N 1107 «Об утверждении порядка осуществления приема изъятого, добровольно сданного, найденного оружия, боеприпасов, патронов к оружию, взрывных устройств, взрывчатых веществ»**.

Примечание 1 к ст. 222 УК РФ обладает значительным специально-криминологическим потенциалом профилактики преступности. Однако эффективность такой профилактики непосредственно коррелирует с уровнем осведомленности граждан Российской Федерации о данном вопросе. В связи с этим необходима активизация соответствующей информационно-разъяснительной работы со стороны территориальных органов Росгвардии и МВД России. Действенными способами коммуникации с гражданами являются: взаимодействие с представителями охотничьих сообществ и общественных объединений; профилактические беседы с гражданами в рамках работы по профилактике преступности, в том числе при проверке условий хранения огнестрельного оружия сотрудниками подразделений лицензионно-разрешительной работы Росгвардии и участковыми уполномоченными полиции; публикация на интернет-сайтах и в социальных сетях Росгвардии и МВД России на-

* Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://www.vsrfr.ru>

** Рос. газ. 2013. 1 марта.

глядных материалов относительно мер ответственности за незаконные приобретение, передачу, сбыт, хранение, перевозку, пересылку или ношение оружия, основных частей огнестрельного оружия, боеприпасов и т.д.; размещение информационных брошюр на стендах органов публичной власти и в общественных местах. Конечная цель информационно-разъяснительной работы — понимание гражданами Российской Федерации правовых последствий незаконного хранения оружия и получение ими знаний о возможности освобождения от уголовной ответственности при его добровольной сдаче.

Данное направление противодействия незаконному хранению огнестрельного оружия приобретает особое значение с учетом длящегося характера рассматриваемого преступления. Деяние характеризуется тем, что объективная сторона преступления выполняется непрерывно — с момента фактического установления незаконного владения (например, посредством приобретения, хищения либо находки оружия) и до момента его пресечения правоохранительными органами либо прекращения противоправного деяния самим лицом путем добровольной сдачи

оружия. Следовательно, стимулирование добровольного прекращения такого деяния представляет собой действенный инструмент снижения латентности и общего уровня преступности в данной сфере.

Информационно-разъяснительная работа Росгвардии и МВД России взаимосвязана с иным направлением профилактики преступности в данной сфере — применением материального стимулирования в отношении граждан, добровольно сдавших незаконно хранящиеся единицы огнестрельного оружия. Нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации предусмотрены фиксированные денежные выплаты за добровольную сдачу различных моделей огнестрельного оружия и (или) боеприпасов к ним. В частности, Постановлением Правительства Омской области от 19 декабря 2012 г. N 277-п (далее — Постановление) установлены размеры денежного вознаграждения граждан за добровольную сдачу незаконно хранящихся огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств*. В приведенной ниже таблице содержатся выдержки из приложения N 1 к Постановлению.

N п/п	Наименование огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств	Размеры денежного вознаграждения за единицу (руб.)
1	Пулемет	8000
2	Гранатомет РПГ-7, 7В, 27	8000
5	Автомат [без обозначения конкретной модели]	8000
8	Боевой карабин, винтовка	6000
14	Основная часть огнестрельного оружия (ствол, затвор, барабан, рамка, ствольная коробка)	500
15	Взрывчатое вещество (тротил, аммонит, граммонит, гексаген и другое) (100 г)	2000
19	Граната Ф-1, РГО, РГН, РКГ-ЗЕМ, РГ-42	2000
21	Патрон к боевому оружию	8

Аналогичные нормативные правовые акты, регламентирующие данную сферу общественных отношений, приняты в иных субъектах Российской Федерации. Несомненно, выплата денежного вознаграждения за добровольную сдачу незаконно хранящегося оружия, обнаружение

* О денежном вознаграждении гражданам за добровольную сдачу незаконно хранящихся огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: постановление Правительства Омской области от 19 дек. 2012 г. N 277-п // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

оружия и сообщение о его местонахождении имеет положительное значение, однако в условиях специальной военной операции требуется ее дальнейшее совершенствование. Возникает вопрос о том, в какой степени представленные в таблице суммы денежного вознаграждения могут стимулировать граждан к добровольной сдаче оружия. Очевидно, что при наличии альтернативы в виде незаконной продажи огнестрельного оружия в теневом сегменте рыночной экономики по более высоким ценам мотивация у граждан к добровольной сдаче оружия маловероятна.

Следовательно, несмотря на то, что государственные бюджеты субъектов Российской Федерации ограничены, рассматриваемые денежные выплаты необходимо проиндексировать.

Другим актуальным направлением противодействия незаконному хранению огнестрельного оружия на территории Российской Федерации является служебная деятельность сотрудников подразделений лицензионно-разрешительной работы Росгвардии по проверке лиц, имеющих (имевших) лицензию на хранение огнестрельного оружия. При этом следует согласиться с позицией Д.А. Корецкого и А.В. Гончарова, полагающих, что законодательное ужесточение оборота огнестрельного оружия не решает проблем преступности, необходима профилактическая и предупредительная деятельность [2, с. 57].

В практической деятельности повышенного внимания заслуживают следующие вопросы:

- срок действия лицензии на хранение огнестрельного оружия;
- реальное количество гражданского огнестрельного оружия, находящегося во владении лица (в ст. 13 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. N 150-ФЗ «Об оружии» определено количество гражданского оружия отдельных категорий, имеющегося в собственности гражданина, превышать которое не разрешается*);
- соблюдение законной процедуры купли-продажи огнестрельного оружия;

* Об оружии: федер. закон от 13 дек. 1996 г. N 150-ФЗ: ред. от 25 апр. 2026 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. N 51. Ст. 5681; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

— проверка мест хранения огнестрельного оружия в процессе поквартирного обхода лиц, имеющих соответствующую лицензию;

— контроль над своевременной регистрацией оружия при смене места жительства его владельца;

— соблюдение ограничений в данной сфере, установленных для отдельных категорий граждан (наличие судимости, срока, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию, медицинских противопоказаний);

— изъятие оружия для ответственного хранения в случае смерти его собственника (до решения вопроса о наследовании имущества и получения лицензии на его приобретение наследниками);

Перечисленные направления деятельности в полной мере отвечают организационно-правовым критериям обеспечения так называемой оружейной законности и дисциплины [3, с. 66].

Кроме того, оперативно-розыскное выявление незаконного хранения огнестрельного оружия и боеприпасов к нему выступает актуальным направлением гласной и негласной работы органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. В данном случае происходят установление и проверка признаков незаконного хранения огнестрельного оружия, в том числе в результате его утраты, хищения, продажи, передачи третьим лицам, ввоза с территории, на которой проводится специальная военная операция, а также проверка оперативных сведений о подготовке преступлений, совершение которых планируется с использованием огнестрельного оружия.

Значительное место занимают оперативные опросы лиц, располагающих сведениями о местах возможного незаконного хранения оружия. В рамках данного оперативно-розыскного мероприятия могут опрашиваться как лица из ближайшего окружения проверяемого (разрабатываемого), так и иные граждане, обладающие значимыми сведениями. Сведения, полученные в ходе оперативного опроса, применимы при планировании и проведении последующих оперативно-розыскных мероприятий, оперативно-профилактических операций, для возбуждения уголовных

дел, производства следственных действий, а также при доказывании в уголовном судопроизводстве. Другими словами, юридическим последствием проведения опроса является реализация материалов в формах, связанных и не связанных с уголовным процессом.

К числу наиболее эффективных оперативно-розыскных мероприятий в рассматриваемой сфере относится проверочная закупка, применяемая в целях документирования фактов незаконного сбыта огнестрельного оружия. Например, по приговору Валуйского районного суда Белгородской области обвиняемый был приговорен к 240 часам обязательных работ за сбыт метательного оружия — арбалета стоимостью 20 000 руб. Сбыт происходил при проведении оперативно-розыскного мероприятия «проверочная закупка»*.

Особенностью проверочной закупки является то, что в зависимости от роли проверяемого лица формируется уголовно-правовая оценка его действий: в деянии сбытчика усматриваются признаки незаконного сбыта оружия, тогда как в деянии приобретателя — признаки осуществленного им незаконного приобретения. При этом проверочная закупка позволяет не только зафиксировать факт противоправной сделки, но и установить канал поступления оружия, круг причастных лиц, проверить оперативные версии и т.п.

Кроме того, в рассматриваемом направлении деятельности эффективны и иные оперативно-розыскные мероприятия: наблюдение, оперативный эксперимент, снятие информации с технических каналов связи, наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования и др. Значимой является работа оперуполномоченного по взаимодействию с заранее сформированным кругом лиц, оказывающих конфиденциальное содействие.

Цифровизация общества обуславливает активное использование возможностей сети «Интернет», в частности проведение мониторинга социальных сетей и мессенджеров. М.И. Муркштис обращает

внимание на то, что «с развитием информационных технологий традиционные методы и способы незаконного оборота оружия, связанные с его сбытом, контрабандой, хранением, перевозкой и прочим, дополняются новыми. Даркнет стал катализатором изменений в сфере незаконного оборота оружия...» [4, с. 112].

Данное направление оперативной работы позволяет выявлять факты предложений продажи оружия, поиска каналов его приобретения (телеграм-каналы, маркетплейсы в даркнете), а также фиксировать признаки подготовки преступлений с использованием оружия. Анализ цифровых следов (публикаций и переписок) способствует установлению личности преступника и формированию доказательственной базы.

Благодаря комплексному использованию оперативно-розыскных методов работы не только выявляются факты незаконного хранения оружия, но и устанавливаются все обстоятельства преступной деятельности.

Заключение

Проведенное исследование позволило сформулировать несколько выводов. С учетом особенностей современного этапа военно-политического и социально-экономического развития Российской Федерации, а также на основе анализа официальных статистических данных установлено, что противодействие незаконному хранению оружия остается приоритетным в правоохранительной деятельности.

Важнейшими направлениями противодействия незаконному хранению огнестрельного оружия в Российской Федерации выступают:

- развитие превентивных мер стимулирующего характера, основанных на сочетании информационно-разъяснительной работы с гражданами и материального поощрения добровольной сдачи незаконно хранящегося оружия;

- активизация служебной деятельности сотрудников подразделений лицензионно-разрешительной работы Росгвардии по проверке лиц, имеющих (имевших) лицензию на хранение огнестрельного оружия;

- оперативно-розыскное выявление и документирование фактов незаконного хранения огнестрельного оружия и боеприпасов к нему.

* Приговор Валуйского районного суда Белгородской области от 28 апр. 2025 г. по делу N 1-49/2025 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <http://sudact.ru>

Список источников

1. Захарчук С.Д., Матвеева Е.В. К вопросу о нормативно-правовом регулировании оборота оружия в Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2024. N 4. С. 56-65.
2. Корецкий Д.А., Гончаров А.В. «Оружейное» законодательство: криминологические, терминологические и уголовно-правовые проблемы // Законность. 2024. N 2. С. 52-58.
3. Фаисханов Р.Р. О противодействии незаконному обороту гражданского оружия // Административное право и процесс. 2022. N 6. С. 65-69.
4. Муркштис М.Й. Киберпреступность и незаконный оборот оружия: анализ современных тенденций // Современное право. 2025. N 7. С. 110-115.

References

1. Zakharchuk S.D., Matveeva E.V. On the issue of legal regulation of arms trafficking in the Russian Federation. Legal Science and Law Enforcement Practice, 2024, no. 4, pp. 56-65. (In Russ.).
2. Koretskiy D.A., Goncharov A.V. "Weapons" legislation: criminological, terminological and criminal law problems. Legality, 2024, no. 2, pp. 52-58. (In Russ.).
3. Faiskhanov R.R. On countering the illegal trafficking of civilian weapons. Administrative law and process, 2022, no. 6, pp. 65-69. (In Russ.).
4. Murkshtis M.Y. Cybercrime and illegal arms trafficking: an analysis of current trends. Modern law, 2025, no. 7, pp. 110-115. (In Russ.).

Раздел 5. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

Научная специальность: 5.1.4

Иностранные граждане как объект криминологического исследования

Эдуард Вадимович Сон,

Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Ф. Шилова, Владивосток, Россия; Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, Омск, Россия, eduard_son@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются понятия «мигрант», «мигрант-иностранец» и «иностранец-гражданин» как ключевые категории криминологического исследования преступности иностранных граждан. В ходе анализа научных подходов к соотношению указанных понятий делается вывод об их различном правовом и смысловом содержании. Аргументируется значимость данного разграничения, поскольку отождествление рассматриваемых понятий ведет к необоснованной криминализации миграционных процессов и затрудняет выявление специфики преступности именно иностранных граждан. Опираясь на правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации, автор обосновывает правомерность отнесения к категории иностранных граждан натурализованных лиц, лишенных гражданства в связи с совершением преступления. В заключении предлагаются пути совершенствования статистического учета, осуществляемого органами внутренних дел, для формирования более объективной криминологической картины преступности иностранных граждан.

Ключевые слова: иностранный гражданин, преступность иностранных граждан, мигрант, мигрант-иностранец, миграционная преступность, натурализованный гражданин

Для цитирования: Сон Э.В. Иностранные граждане как объект криминологического исследования // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2026. N 2 (76). С. 74-81.

Foreign nationals as an object of criminological research

Eduard V. Son,

Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after I.F. Shilov, Vladivostok, Russia; Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Omsk, Russia, eduard_son@mail.ru

Abstract. The article analyzes the concepts of migrant, foreign migrant and foreign national as key categories in the criminological study of criminal activity of foreign nationals. Based on the analysis of the scientific approaches to the correlation between these concepts it is concluded that they have different legal and semantic content. The importance of this delineation is substantiated, since the equation of these concepts leads to the unjustified criminalization of migration processes and hinders the identification of the specifics of the foreign nationals' criminal activity. Relying on the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation, the author substantiates the legitimacy of classifying the naturalized individuals, deprived of their citizenship in connection with the commission of a crime, as foreign nationals. Some ways of improving statistical accounting carried out by the internal affairs bodies to form a more objective criminological picture of criminal activity of foreign nationals, are provided.

Keywords: foreign national, criminal activity of foreign nationals, migrant, foreign migrant, migration crime, naturalized citizen

For citation: Son E.V. Foreign nationals as an object of criminological research // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2026. No. 2 (76). P. 74-81.

© Сон Э.В., 2026

В эпоху глобализации и интенсивных миграционных процессов преступность иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации приобретает особую актуальность, выступая фактором риска для национальной безопасности государства.

По данным Главного информационно-аналитического центра МВД России (далее – ГИАЦ МВД России), в 2025 году на территории Российской Федерации зарегистрировано 41,1 тысячи преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства. Динамика данного вида преступности за предшествующий пятилетний период (2020-2024 годы) продемонстрировала рост на 19,5 % (с 34,4 тыс. преступлений в 2020 году)*.

Вышеизложенное свидетельствует об актуальности криминологического исследования феномена преступности иностранных граждан и лиц без гражданства, однако прежде всего необходимо определить круг субъектов, совершающих преступления, которые образуют данный вид преступности.

Следует отметить, что в криминологической науке проблема преступности иностранных граждан и лиц без гражданства не является новой. В различные периоды времени отдельными специалистами проводились исследования данного вида преступности. В работах Ч. Ломброзо обосновывается связь роста преступности с процессами миграции. Ключевым фактором названо отсутствие социальной интеграции, что отражено в тезисе: «...среди иммигрирующих наблюдается тем более преступлений, чем менее они оседают». Ч. Ломброзо определяет эмигранта как «особую человеческую разновидность с сильно выраженной склонностью к преступлениям, очень нуждающуюся, не знающую никакого стыда и легко ускользающую из рук правосудия» [1, с. 47-48].

Анализ современных научных трудов, посвященных вопросам преступности иностранных граждан, показывает, что авторы употребляют различную терминологию: «мигранты» [2, с. 214], «мигранты-иностранцы» [3, с. 88], «ми-

грационная преступность» [4, с. 163], «иностранный гражданин» [5, с. 145].

Необходимо проанализировать приведенные выше понятия с целью определения корректности их употребления в настоящей статье.

Согласно устоявшемуся определению мигрантом признается лицо, осуществляющее перемещения с одной территории на другую, независимо от причин такого перемещения и социально-демографических характеристик перемещающегося [6, с. 208].

Анализ законодательства, регламентирующего отношения в сфере миграции, позволяет констатировать, что понятие «мигрант» не закреплено ни в одном нормативном правовом акте. Вместе с тем в федеральном законодательстве содержатся определения понятий «миграционная карта» (документ, подтверждающий право иностранного гражданина и лица без гражданства на временное пребывание на территории Российской Федерации)**, «миграционный учет» (деятельность по фиксации и обобщению сведений об иностранных гражданах и лицах без гражданства, в том числе об их перемещениях)***.

Следует предположить, что толкование приведенных правовых норм предопределило формирование в криминологической науке термина «мигрант», под которым подразумевается исключительно иностранный гражданин либо лицо без гражданства. В свою очередь, понятие «миграция» определяется как переселение или перемещение [7, с. 425], соответственно, мигрант – переселившееся (перемещающееся) лицо.

** О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федер. закон от 25 июля 2002 г. N 115-ФЗ: ред. от 4 нояб. 2025 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. N 30. Ст. 3032; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

*** О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: федер. закон от 18 июля 2006 г. N 109-ФЗ: ред. от 31 июля 2025 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. N 30. Ст. 3285; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

* МВД России: официальный сайт. URL: <https://мвд.рф>

По мнению Л.Л. Рыбаковского, миграция проявляется различными видами движения населения: перемещение людей по территории, перемещение людей по образовательным группам, профессиям, отраслям, предприятиям и т.д. [8, с. 176]. Таким образом, данное толкование намного шире устоявшегося понимания миграции.

С целью установления соотношения рассматриваемых понятий автором настоящей статьи было проведено анкетирование 54 сотрудников органов внутренних дел. Респондентам задавался вопрос: «Тождественны ли, по Вашему мнению, понятия “мигрант” и “иностранец”?»». 76 % опрошенных (41 человек) указали, что данные понятия различаются по своему смысловому содержанию. В ходе дальнейшего интервью респонденты выделили такие дифференцирующие признаки, как цель въезда и продолжительность пребывания на территории страны. Например, иностранец, прибывший в Российскую Федерацию с краткосрочным туристическим визитом, не может быть отнесен к категории мигрантов.

Очевидно, что слово «миграция» давно перестало быть лишь демографическим термином, оно означает комплексный социально-политический феномен и неотъемлемый элемент государственной политики. В связи с этим следует поддерживать позицию правоведов, подчеркивающих необходимость правовой институционализации рассматриваемого понятийного аппарата в законодательстве [9, с. 11].

Между тем анализ законодательства Российской Федерации позволяет утверждать, что, несмотря на отсутствие легальных дефиниций «миграция» и «мигрант», его нормы последовательно разграничивают внутреннюю и внешнюю миграцию, формируя для них различные правовые режимы. Внешняя миграция, связанная с въездом, выездом и пребыванием иностранных граждан, регламентирована, в частности, Федеральным законом от 25 июля 2002 г. N 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и Федеральным законом от 18 июля 2006 г. N 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации».

Внутренняя миграция, то есть перемещение граждан Российской Федерации, регулируется в рамках паспортно-регистрационной системы. В частности, Федеральным законом от 28 апреля 2023 г. N 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (далее — Федеральный закон «О гражданстве») за гражданами Российской Федерации закреплена обязанность иметь паспорт гражданина Российской Федерации*, обязанность граждан вставать на регистрационный учет по месту жительства и по месту пребывания установлена Законом Российской Федерации от 25 июня 1993 г. N 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации»**. За несоблюдение указанных законоположений ст.ст. 19.15, 19.15.1, 19.15.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях предусмотрена административная ответственность.

Таким образом, миграция населения представляет собой комплексное явление, включающее как внешние (связанные с пересечением государственной границы), так и внутренние перемещения. Данные процессы не только не всегда связаны со сменой места жительства или работы, но и нередко служат способом реализации широкого спектра социальных и экономических потребностей. Исходя из этого, понятия «мигрант» и «иностранец» несут разную правовую и содержательную нагрузку. Данное разграничение имеет принципиальное значение, так как отождествление указанных понятий не позволяет выявить специфику преступного поведения именно иностранных граждан и лиц без гражданства.

* О гражданстве Российской Федерации: федер. закон от 28 апр. 2023 г. N 138-ФЗ: ред. от 27 окт. 2025 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. N 18. Ст. 3215; 2025. N 44. Ст. 6501.

** О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации: закон Российской Федерации от 25 июня 1993 г. N 5242-1: ред. от 3 февр. 2026 г. // Рос. газ. 1993. N 152; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

Формулировка «мигрант-иностранец» также не вполне верная, поскольку не каждый иностранный гражданин может являться мигрантом. Например, иностранного гражданина, прибывшего в Российскую Федерацию с кратковременным визитом (например, с туристической или деловой целью), вряд ли можно отнести к категории мигрантов. Вместе с тем для целей настоящей статьи представляет интерес именно преступное поведение и преступность иностранных граждан.

Следующим дискуссионным определением в контексте преступности иностранных граждан является дефиниция «миграционная преступность». Одни специалисты, исследуя преступность иностранных граждан, именуют данный феномен миграционной преступностью [10, с. 11; 11, с. 58]. Другие криминологи под миграционной преступностью понимают преступную деятельность иностранных граждан, а также преступления, совершаемые против них [12, с. 3].

Однако данные позиции нельзя признать верными. Во-первых, тезисы, касающиеся содержания категорий «мигрант» и «миграция», были изложены выше. Во-вторых, миграционная преступность представляет собой более широкую категорию по сравнению с преступностью иностранных граждан, поскольку включает в себя не только их противоправные деяния, но и преступления, непосредственно посягающие на установленный порядок в сфере миграционных отношений. К числу последних относятся, например, организация незаконной миграции (ст. 322.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства (ст. 322.2 УК РФ), а также фиктивная постановка на учет по месту пребывания (ст. 322.3 УК РФ). Принципиально важно, что данные преступления нередко совершаются гражданами Российской Федерации, в том числе должностными лицами. Следовательно, преступность иностранных граждан и лиц без гражданства является лишь одним из элементов феномена миграционной преступности.

Анализируя дефиницию «иностран- ный гражданин», следует отметить, что

данное понятие является исключительно правовой категорией, определяющей правовой статус лица, находящегося на территории Российской Федерации. Рассматриваемая дефиниция закреплена в ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 25 июля 2002 г. N 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», согласно которой иностранным гражданином признается физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и имеющее доказательства наличия гражданства (подданства) иностранного государства. Лицом без гражданства считается физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и не имеющее доказательств наличия гражданства (подданства) иностранного государства. В связи с этим в рамках исследования феномена преступности необходимо придерживаться законодательных дефиниций.

Однако возникает вопрос о целесообразности включения в исследование преступности иностранных граждан лиц с двойным гражданством. Для решения данного вопроса необходимо обратиться к сущности понятия гражданства Российской Федерации, которое определяется как устойчивая правовая связь лица с государством, выражающаяся в совокупности их взаимных прав и обязанностей*.

Понимание гражданства в качестве взаимных прав и обязанностей личности и государства является отражением принципа правового государства, составляющего основу современных демократических политических систем.

По мнению Ю.Н. Куриной и Е.В. Ушаковой, гражданство — это неотъемлемый элемент правового статуса личности и необходимое условие ее существования в государстве, поскольку именно через гражданство реализуются естественные права человека [13, с. 110]. Одним из основополагающих принципов при этом считается принцип равного гражданства, означающий, что статус гражданина Российской Федерации является единым и равным для всех независимо от оснований его приобретения [14, с. 40].

* Статья 4 Федерального закона «О гражданстве».

Вместе с тем предпочтительна несколько иная позиция, в соответствии с которой гражданство является ядром правового статуса человека и выражается в исполнении лицом обязательств в отношении определенного государства [15, с. 196].

Данная правовая позиция основывается на положениях Конституции Российской Федерации и Федерального закона «О гражданстве». Став гражданином российского государства, лицо должно выполнять предусмотренные Конституцией Российской Федерации обязанности, такие как соблюдение Конституции Российской Федерации и законов (ч. 2 ст. 15), уважение прав и свобод других лиц (ч. 3 ст. 17), уплата законно установленных налогов и сборов (ст. 57), а также защита Отечества (ч. 1 ст. 59). Приобретение российского гражданства сопровождается торжественной клятвой о выполнении этих обязательств. Таким образом, именно надлежащее исполнение перечисленных выше обязанностей обеспечивает функционирование государства и является основой и предпосылкой для реализации прав и свобод граждан. Данный подход распространяется на всех граждан Российской Федерации независимо от наличия у них гражданства (подданства) другого государства. Исходя из этого включение граждан с двойным гражданством в предмет настоящего исследования является излишним.

В ходе анкетирования респондентам также предлагалось ответить на вопрос о целесообразности лишения гражданства натурализованных лиц, совершивших преступления. 100 % опрошенных поддержали данную меру.

В связи с этим требует рассмотрения вопрос о включении в предмет исследования преступности иностранных граждан лиц, получивших гражданство (натурализованных граждан), но в отношении которых было принято решение об отмене гражданства по причине совершения ими преступления.

Согласно п. 2 ч. 1 ст. 22 Федерального закона «О гражданстве» несоблюдение гражданином своих обязанностей может повлечь прекращение гражданства, что еще раз подчеркивает первостепенную роль обязанностей в правовой связи лица

с Российской Федерацией. Конституционный Суд Российской Федерации, решая вопрос о конституционности рассматриваемой нормы, высказал следующие тезисы:

1) лишение законно приобретенного гражданства запрещено Конституцией Российской Федерации (ч. 3 ст. 6);

2) отмена решения о приеме в гражданство Российской Федерации допустима, если судом установлен факт получения гражданства на основании подложных документов или заведомо ложных сведений;

3) совершение лицом после получения гражданства тяжких преступлений (в том числе против личности, террористической и экстремистской направленности) приравнивается к сообщению заведомо ложных сведений. Ложность в данном случае заключается в демонстрации лицом своими действиями того, что оно изначально не намеревалось выполнять взятое при приеме в гражданство обязательство соблюдать Конституцию Российской Федерации и законодательство Российской Федерации;

4) отмена решения о приеме в гражданство не является мерой ответственности, а выступает конституционно-восстановительной мерой. Таким образом, это не наказание лица, совершившего преступление, а исправление правовой ошибки, основанной на обмане со стороны заявителя*.

Не вступая в дискуссию относительно обоснованности выводов Конституционного Суда Российской Федерации, можно резюмировать, что в настоящее время преобладает правовая позиция, согласно которой гражданство лица, совершившего преступление, признается нелегитимным, поскольку в ходе процедуры его получения лицо сообщило заведомо ложные сведения относительно готовности соблюдать законодательство Российской Федерации. Следовательно, в формально-правовом смысле данное лицо на протяжении со-

* См.: Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Верховного Суда Республики Карелия о проверке конституционности части второй статьи 22 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 февр. 2021 г. N 183-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ответствующего периода являлось иностранным гражданином либо лицом без гражданства. Вместе с тем в официальной статистике ГИАЦ МВД России данная категория не включена в отчет 795*, а отражается в общем массиве преступлений, совершенных гражданами Российской Федерации.

Как было подчеркнуто выше, гражданство является исключительно правовой категорией. Соответственно, приобретая гражданство Российской Федерации, иностранный гражданин или лицо без гражданства меняют лишь свой правовой статус. Однако интеграция в общество в статусе гражданина, предполагающая формирование устойчивой идентичности и чувства принадлежности к российскому государству, представляет собой сложный и многоэтапный процесс, который не всегда завершается успешно. Согласно официальной статистике ГИАЦ МВД России, несмотря на общее снижение преступности в Российской Федерации, натурализованными гражданами, получившими гражданство менее 10 лет назад, в 2022 году было совершено 3041 преступление, в 2023 году — 12 427 преступлений, в 2024 году — 15 962 преступления [16, с. 82].

В ходе проведенного автором настоящей статьи анкетирования респондентам было предложено ответить на вопрос: «В течение какого времени с момента получения гражданства происходит интеграция натурализованных граждан в общество?». Полученные результаты распределились следующим образом: 40 % опрошенных полагают, что данный процесс занимает первые 10 лет; 15 % респондентов отметили, что сроки интеграции индивидуальны и зависят от личностных особенностей (психологических установок, ценностных ориентаций) натурализованных граждан. Наиболее показательным представляется мнение 45 % респондентов, согласно которому натурализованные лица, получившие гражданство в сознательном возрасте и прошедшие первичную социализацию

в ином государстве, не способны к полной интеграции в принимающее общество.

В связи с этим с точки зрения криминологии натурализованный гражданин, совершивший преступление, может быть рассмотрен как иностранец (в социальном смысле), деяние которого является следствием незавершенной интеграции в общество в новом статусе. Таким образом, формальное разграничение между иностранными и натурализованными гражданами при проведении криминологического исследования этого вида преступности не позволяет установить его истинную криминологическую картину, выявить детерминанты преступности и разработать эффективные меры противодействия данной преступности.

На основании вышеизложенного целесообразно включение преступлений, совершенных натурализованными гражданами, лишенными гражданства, в официальную статистику ГИАЦ МВД России. Это позволит сформировать более целостное представление о феномене преступности иностранных граждан, установить его объективную криминологическую картину, детерминанты преступности и на этой основе выработать эффективные меры предупреждения.

Результаты проведенного исследования позволяют сформулировать следующие выводы:

1) в рамках исследования преступности иностранных граждан необходимо исходить из законодательной дефиниции «иностранец», под которым понимается физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и имеющее доказательства наличия гражданства (подданства) иностранного государства. Исследуя феномен преступности иностранных граждан, нецелесообразно использовать понятия «мигрант», «миграционная преступность», поскольку они охватывают более широкий круг явлений, в то время как преступность иностранных граждан выступает лишь одним из структурных элементов миграционной преступности;

2) лица, имеющие двойное гражданство, одно из которых является российским, не включаются в категорию иностранных граждан в рамках анализа рассматриваемых

* Форма 795 «Сводный отчет о преступлениях, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, а также в отношении них» // ГИАЦ МВД России. Доступ из Единой системы инф.-аналит. обеспечения деятельности МВД России.

мого вида преступности. Правовой статус данных лиц предполагает полный объем конституционных обязанностей и прав гражданина Российской Федерации, что принципиально отличает их от иностранных граждан и лиц без гражданства;

3) на основании выявленных правовых и криминологических предпосылок необходимо включение данных о преступлениях, совершенных натурализованными гражданами и впоследствии лишенными гражданства на основании отмены реше-

ния о приеме в гражданство, в официальную статистику ГИАЦ МВД России (форма 795 «Сводный отчет о преступлениях, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, а также в отношении них»). Такая инициатива позволит установить объективную криминологическую картину преступности иностранных граждан, выявить ее детерминанты и на этой основе выработать эффективные меры предупреждения преступлений, совершаемых данной категорией лиц.

Список источников

1. Ломброзо Ч. Преступление. Новейшие успехи науки о преступнике. Анархисты / [предисл. В.С. Овчинского]. Москва: Инфра-М, 2004. 320 с.
2. Рашитов Л.Р. Понятие, состояние и структура преступности мигрантов в современной России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. N 2. С. 214-219.
3. Султангалеева А.Б. Детерминация преступности мигрантов-иностранцев // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2024. N 2. С. 88-92.
4. Джансараева Р.Е. Понятие, сущность и виды миграционной преступности // Вестник Казахского национального университета. Серия юридическая. 2016. N 3. С. 163-168.
5. Капинус О.С. Преступность иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2022. N 1. С. 145-151.
6. Шимко С.Е. Понятие преступности мигрантов-иностранцев и ее причины // Закон и власть. 2025. N 3. С. 208-211.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. Москва: Азбуковник, 1997. 943 с.
8. Рыбаковский Л.Л. История и теория миграции населения: в 3 кн. Кн. 2: Миграция населения: явление, понятие, детерминанты. Москва: Экон-Информ, 2017. 234 с.
9. Хабриева Т.Я. Основные направления развития миграционного законодательства // Миграция, права человека и экономическая безопасность России: состояние, проблемы, эффективность защиты: сборник статей. Нижний Новгород, 2004. С. 7-18.
10. Шкилев А.Н. Миграция: уголовно-правовой и криминологический анализ: диссертация ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006. 237 с.
11. Абызов Р.М., Ботвин И.В. Миграционная преступность в России: проблемы детерминации и предупреждения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. N 3. С. 56-62.
12. Насуров П.А. Криминальные последствия незаконной миграции и меры их предупреждения: по материалам Республики Таджикистан: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008. 23 с.
13. Курина Ю.Н., Ушакова Е.В. Формирование и реализация института гражданства Российской Федерации // Теория права и межгосударственных отношений. 2021. Т. 1. N 7. С. 107-112.
14. Росенко М.И. Гражданство Российской Федерации: трансформации правовых механизмов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9. N 4. С. 38-46.
15. Брусницын Д.Д. Современные толкования гражданства России // Вестник науки. 2022. N 12. С. 194-199.
16. Небогатикова Е.И. Современное состояние преступности натурализованных граждан Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2025. N 2. С. 80-88.

References

1. Lombroso Ch. Crime: Its Causes and Remedies. Recent Advances in the Science of the Criminal. Anarchists. Moscow, Infra-M Publ., 2004. 320 p. (In Russ.).
2. Rashitov L.R. The concept, state and structure of migrant crime in modern Russia. Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021, no. 2, pp. 214-219. (In Russ.).
3. Sultangaleeva A.B. Determination of crime of foreign migrants. Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024, no. 2, pp. 88-92. (In Russ.).
4. Dzhan Saraeva R.E. Concept, essence and types of migration crime. Journal of the Kazakh National University. Law Series, 2016, no. 3, pp. 163-168. (In Russ.).

5. Kapinus O.S. Crime of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022, no. 1, pp. 145-151. (In Russ.).
6. Shimko S.E. The concept of crime of foreign migrants and its causes. Law and Power, 2025, no. 3, pp. 208-211. (In Russ.).
7. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 words and phraseological expressions. Moscow, Azbukovnik Publ., 1997. 943 p. (In Russ.).
8. Rybakovsky L.L. History and Theory of Population Migration. In 3 Books. Book 2: Population Migration: Phenomenon, Concept, and Determinants. Moscow, Econ-Inform Publ., 2017. 234 p. (In Russ.).
9. Khabrieva T.Ya. Main directions of development of migration legislation. Migration, human rights and economic security of Russia: state, problems, protection effectiveness. Nizhny Novgorod, 2004. Pp. 7-18. (In Russ.).
10. Shkilev A.N. Migration: criminal law and criminological analysis. Cand. Diss. Nizhny Novgorod, 2006. 237 p. (In Russ.).
11. Abyzov R.M., Botvin I.V. Migration crime in Russia: problems of determination and prevention. Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021, no. 3, pp. 56-62. (In Russ.).
12. Nasurov P.A. Criminal consequences of illegal migration and measures for their prevention: based on materials from the Republic of Tajikistan. Autoabstract Cand. Diss. Moscow, 2008. 23 p. (In Russ.).
13. Kurina Yu.N., Ushakova E.V. Formation and implementation of institutions of citizenship of the Russian Federation. Theory of Law and Interstate Relations, 2021, vol. 1, no. 7, pp. 107-112. (In Russ.).
14. Rosenko M.I. Citizenship of the Russian Federation: transformation of legal mechanisms. Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal Sciences, 2023, vol. 9, no. 4, pp. 38-46. (In Russ.).
15. Brusnitsyn D.D. Modern interpretations of Russian citizenship. Science Bulletin, 2022, no. 12, pp. 194-199. (In Russ.).
16. Nebogatikova E.I. The Current State of Crime among Naturalized Citizens of the Russian Federation. Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025, no. 2, pp. 80-88. (In Russ.).

Научная специальность: 5.1.4

**Институт представительства иностранных граждан
в досудебном уголовном судопроизводстве: постановка проблем
и определение путей их решения (на основе проводимого
диссертационного исследования)**

Александр Николаевич Тепленко,

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия; Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова, Казань, Россия, teplenkouly2014@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам уголовно-процессуального института представительства иностранных граждан в досудебном уголовном судопроизводстве Российской Федерации. В целях системного анализа данных проблем их классификация осуществлена в зависимости от того, в какой области (научной (доктринальной), правоприменительной, правотворческой) они возникли. Автор не только рассматривает каждый блок выделенных проблем, но и формулирует предложения по их решению, реализация которых будет способствовать дальнейшему развитию научного знания в области уголовно-процессуального права, правоприменения и совершенствования уголовно-процессуального законодательства в части регулирования правоотношений, связанных с представительством иностранных граждан в уголовном процессе Российской Федерации. Делается вывод о научно-теоретической и практической значимости исследования института представительства иностранных граждан в досудебном уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: представитель иностранного гражданина, представительство иностранных граждан, уголовно-процессуальное представительство, цифровизация представительства, уголовно-процессуальный институт

Для цитирования: Тепленко А.Н. Институт представительства иностранных граждан в досудебном уголовном судопроизводстве: постановка проблем и определение путей их решения (на основе проводимого диссертационного исследования) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2026. N 2 (76). С. 82-89.

**Institute of representation of foreign citizens in pre-trial criminal
proceedings: identifying the problems and its solutions
(based on the results of the dissertation research)**

Alexander N. Teplenko,

Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Tyumen, Russia; Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov, Kazan, Russia, teplenkouly2014@mail.ru

Abstract. The article focuses on the problems of the institute of representing foreign citizens in pre-trial criminal proceedings in the Russian Federation. With a view to conducting a systematic analysis of these issues, their classification is performed depending on their origin (scientific (doctrinal) area, law enforcement or lawmaking area). Each set of the identified problems is studied by the author. Some proposals for their solution are formulated, which will contribute to the further development of scientific knowledge in the field of criminal procedural law, law enforcement and improvement of criminal procedural legislation in terms of regulating legal relations associated with representation of foreign citizens in criminal proceedings in the Russian Federation. It is concluded that studying the institute of representation of foreign citizens in pre-trial criminal proceedings has both scientific-theoretical and practical significance.

Keywords: representative of a foreign citizen, representation of foreign citizens, criminal procedural representation, digitalization of representation, criminal procedural institute

For citation: Teplenko A.N. Institute of representation of foreign citizens in pre-trial criminal proceedings: identifying the problems and its solutions (based on the results of the dissertation research) // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2026. No. 2 (76). P. 82-89.

В условиях трансформации внутриполитического курса российского государства, масштабных геополитических процессов, затрагивающих интересы всего мирового сообщества, проблема миграционных потоков приобретает особую научную и практическую значимость. Массовое перемещение иностранных граждан на территорию Российской Федерации влечет за собой изменения в структуре российского общества и оказывает существенное влияние на криминогенную обстановку в стране*, выступая одним из ключевых индикаторов состояния безопасности государства (противодействие незаконной миграции, усиление контроля за миграционными потоками, социальная и культурная адаптация и интеграция мигрантов)**.

Необходимость усиления государственного регулирования участия иностранных граждан в общественной жизни страны подтверждается принятием в 2025 году новой Концепции государственной миграционной политики на 2026-2030 годы, основными направлениями которой являются:

- расширение перечня организационных форм привлечения иностранных граждан с учетом потребностей экономики и тенденций ее изменения;
- совершенствование механизмов международного взаимодействия;
- формирование и развитие необходимой инфраструктуры, обеспечивающей содействие в адаптации иностранных граждан, их интеграции, правовой информированности и защищенности;
- совершенствование правовых основ и механизмов регулирования право-

отношений, связанных с участием иностранных граждан, и др.***

Появление новых вызовов в экономической, социальной и международной деятельности государства требует совершенствования правовой системы, разработки эффективных правовых механизмов, реализация которых зависит от качества применения законодательства, что подтверждается мнениями исследующих данные вопросы ученых, например И.М. Зраевой и М.Г. Зениной [1, с. 27-28], А.В. Майорова и А.М. Асадова [2, с. 8], М.Ф. Костюка и Е.В. Кунц [3, с. 27].

Увеличение количества иностранных граждан, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, предполагает необходимость усиления гарантий, обеспечивающих соблюдение прав участников уголовного процесса. Данную позицию разделяют ученые-процессуалисты, исследовавшие особенности участия иностранных граждан в уголовном судопроизводстве. В их числе Т.Д. Иванова, уделяющая внимание вопросам гарантий прав иностранных граждан в уголовном процессе [4, с. 47-48], Т.Ю. Филиппова, исследовавшая особенности применения российского законодательства в отношении иностранных граждан [5, с. 126], Н.А. Жукова, работы которой посвящены участию иностранных граждан в досудебном производстве [6, с. 12].

Одной из действенных форм обеспечения защиты и реализации имеющихся прав и законных интересов в рамках уголовного судопроизводства выступает институт представительства. Применение возможностей данного института в отношении иностранных граждан, являющихся участниками уголовного судопроизводства, способно выступить дополнительной уголовно-процессуальной гарантией обеспечения прав, обязанно-

* См.: Состояние преступности // Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://мвд.рф>

** См.: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. N 400 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

*** Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026-2030 годы: утв. указом Президента Российской Федерации от 15 окт. 2025 г. N 738 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2025. N 42. Ст. 6143.

стей и законных интересов указанной категории лиц*.

Исходя из этого исследование особенностей применения института представительства иностранных граждан в уголовном процессе как позитивного правового явления требует комплексного теоретико-правового осмысления. Как верно отмечает А.В. Майоров, «...реализация института представительства в уголовном судопроизводстве в отношении иностранных граждан требует дополнительных исследований, что обусловлено недостаточной теоретической разработанностью данной темы, а также дефицитом ее практической реализации» [7, с. 427].

Целью настоящей статьи является постановка проблем, связанных с отсутствием в уголовно-процессуальной науке комплексного исследования института представительства иностранных граждан в уголовном судопроизводстве Российской Федерации в качестве отдельного уголовно-процессуального института, а также определение путей их решения, включая предложения по формированию теоретико-правовых основ данного института и разработке уголовно-процессуального механизма осуществления представительства иностранных граждан на досудебной стадии уголовного процесса, фундаментом которых стали выводы диссертационного исследования, проводимого автором, и ранее опубликованных им по данной теме научных работ.

Для более детального понимания и системного изучения имеющихся в области представительства иностранных граждан в уголовном судопроизводстве Российской Федерации проблем их целесообразно классифицировать следующим образом: научные (доктринальные), правотворческие, правоприменительные.

1. Проблемы, возникающие в научной (доктринальной) сфере уголовно-процессуального права, в системе научных взглядов, в толковании законодательства, влияющие на правотворчество и правоприменение:

* О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 г. N 17 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2010. N 9.

— отсутствие точно сформулированного и нормативно закрепленного понятийно-категориального аппарата, присущего институту представительства иностранных граждан в уголовном судопроизводстве, не позволяет сформировать единообразное понимание сущности данного правового явления, его природы, предназначения, ключевых идей, свойств и качеств, способствующих систематизации имеющихся знаний, а также разработать на их основе новые понятия и термины либо уточнить и скорректировать уже имеющуюся терминологию;

— отсутствие комплексного исследования феномена института представительства иностранных граждан в досудебном уголовном судопроизводстве Российской Федерации как самостоятельного уголовно-процессуального института, не позволяющее определить его признаки, элементы, внутреннее содержание, структуру, закономерности, генезис, особенности, которые отличают его от иных уголовно-процессуальных институтов; выявить междисциплинарные связи, области взаимодействия, применения, а также место данного института в структуре уголовно-процессуального права;

— отсутствие исследований зарубежного опыта уголовно-процессуального представительства иностранных граждан, учитывающих национальные особенности, международные стандарты и современные вызовы, включая разработку правовых основ и механизмов регулирования правоотношений в сфере представительства иностранных граждан в уголовном судопроизводстве, а также интеграцию разработанных правовых норм в существующее отечественное законодательство.

Решение указанных проблем видится в следующем:

1) закрепить в ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) сформулированные автором настоящей статьи дефиниции:

— «представитель иностранного гражданина — самостоятельный участник уголовного судопроизводства, уполномоченный нормами настоящего Кодекса, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации посредством реализации предоставленных

ему процессуальных прав и обязанностей оказывать юридическую и (или) иную необходимую помощь в обеспечении прав, свобод и законных интересов участника уголовного процесса, являющегося иностранным гражданином в уголовном судопроизводстве»;

— «представительство иностранных граждан — уголовно-процессуальная деятельность представителя (доверенного лица), осуществляемая в рамках уголовно-процессуальных правоотношений, которая возникает, совершается и прекращается на основании уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации, регулирующих участие иностранных граждан в уголовном судопроизводстве, направлена на обеспечение прав и законных интересов представляемого лица (доверителя — иностранного гражданина) посредством реализации имеющихся уголовно-процессуальных прав, обязанностей и ответственности в интересах представляемого лица (иностранного гражданина), являющегося участником уголовного судопроизводства» [8, с. 61-62];

2) исследовать институт представительства иностранных граждан в уголовном процессе Российской Федерации в качестве самостоятельного уголовно-процессуального института, наделенного необходимыми признаками, присущими институту права, что обусловлено его целями, задачами, внутренним содержанием, структурой как отдельного элемента системы уголовно-процессуального права, регулирующего правоотношения участников уголовного процесса в области представительства иностранных граждан с учетом особенностей правового положения иностранных граждан, а также специфики участия последних в уголовном судопроизводстве.

По нашему мнению, институт представительства иностранных граждан в досудебном уголовном судопроизводстве нуждается в разработке отдельных норм права, регулирующих соответствующие правоотношения, что требует закрепления определенных положений в уголовно-процессуальном законодательстве по правилам юридической техники [9, с. 446-447];

3) исследовать институт представительства иностранных граждан в уголовном судопроизводстве стран — участниц Содружества Независимых Государств. Подобное исследование позволит рассмотреть указанный институт в виде различных правовых моделей, сформированных под воздействием особенностей содержания и развития национального уголовно-процессуального законодательства, что может быть выражено:

— в более развитом категориальном аппарате института представительства;

— системном обособлении норм права, регулирующих вопросы представительства;

— консолидации положений закона, определяющих порядок международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, а также порядок действий в отношении лиц, пользующихся дипломатическими и иными видами иммунитетов и привилегий [10, с. 145-146].

Исследование зарубежного опыта феномена представительства иностранных граждан в досудебном уголовном судопроизводстве будет способствовать изучению правовых и процессуальных основ данного института, определению его уголовно-процессуального предназначения, а также выработке путей развития и способов модернизации отечественного законодательства в данной области.

2. Проблемы, возникающие в правотворчестве, определяются необходимостью совершенствования нормативно-правовой базы в сфере уголовно-процессуального представительства иностранных граждан в отечественном уголовном процессе путем устранения существующих пробелов:

— представительство иностранных граждан в досудебном уголовном судопроизводстве как правовое явление не находит должного нормативного закрепления в положениях УПК РФ, что является серьезной проблемой данного уголовно-процессуального института. На это, в частности, указывает М.А. Карпушев [11, с. 35];

— нормы права, составляющие основу исследуемого института, не консолидированы в положениях УПК РФ. Как верно отмечает О.А. Зеленина, этот факт вызывает системные неопределенности в осозна-

нии природы данного правового явления и затрудняет разработку эффективных механизмов его применения [12, с. 8];

— имеется существенная несогласованность норм отечественного законодательства с международными нормами, регулирующими участие иностранных граждан в уголовном судопроизводстве, в том числе в области уголовно-процессуального представительства иностранных граждан;

— в положениях УПК РФ отсутствуют нормы, устанавливающие субъектный состав лиц, имеющих право выступать в качестве представителя иностранного гражданина в уголовном процессе; определяющие процессуальный статус представителя; регламентирующие уголовно-процессуальный механизм участия представителя иностранного гражданина в досудебном уголовном судопроизводстве, что существенно ограничивает права участников уголовного процесса, порождает неопределенность в правоприменении и требует устранения путем разработки соответствующих норм*.

С целью решения вышеизложенных проблем предлагаем:

1) установить точный субъектный состав лиц, имеющих право участвовать в досудебном уголовном судопроизводстве Российской Федерации в качестве представителя иностранного гражданина, с учетом общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров Российской Федерации. К таким субъектам могут быть отнесены: адвокат, близкий родственник, родственник, близкое лицо, законный представитель, посол, консул, лицо, исполняющее консульские функции, иное консульское должностное лицо, глава дипломатической миссии, члены дипломатической миссии, иностранный адвокат и иное лицо, о допуске которого ходатай-

ствует иностранный гражданин. Данный перечень следует закрепить в основных терминах и определениях УПК РФ (ст. 5 УПК РФ — «представитель иностранного гражданина») [13, с. 87-88];

2) определить процессуальный статус представителя иностранного гражданина как участника досудебного уголовного судопроизводства Российской Федерации. В целях гармонизации положений отечественного уголовно-процессуального законодательства с общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации, исходя из особенностей участия иностранного гражданина в уголовном процессе, в положениях УПК РФ необходимо закрепить: право иностранного гражданина иметь представителя (ст. 3); понятия «представитель» и «представитель иностранного гражданина» (ст. 5), а также разработать нормы, определяющие процессуальный статус представителя, предусматривающие его основные права, обязанности и ответственность как самостоятельного участника уголовного процесса (ст. 60.1 «Представитель») [14, с. 154-155];

3) разработать уголовно-процессуальный механизм участия представителя иностранного гражданина в досудебном уголовном судопроизводстве Российской Федерации.

Сформулировать определение понятия «уголовно-процессуальный механизм представительства иностранных граждан». Разработать нормы, определяющие уголовно-процессуальный механизм участия представителя, устанавливающие порядок допуска, привлечения, вызова, участия, замены, отвода и отстранения от участия представителя иностранного гражданина как самостоятельного участника уголовного процесса, которые предлагается закрепить в ст. 169.1 «Участие представителя» УПК РФ [15, с. 180-181].

3. Проблемы, возникающие в правоприменительной сфере, обусловлены следующим:

— в нормах УПК РФ не учитываются особенности участия иностранных граждан в досудебной стадии уголовного судопроизводства, на что указывает Р.В. Беспятовых [16, с. 210];

* См., например: По жалобе гражданки Ивкиной Валентины Оноприевны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 45 и статьей 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февр. 2004 г. N 25-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2004. N 6.

— в УПК РФ отсутствуют нормы, определяющие процессуальный статус участников данного этапа, вследствие чего последние не имеют возможности пользоваться предоставленными им правами в полной мере. Это приводит к нарушению права на доступ к правосудию, вынуждает правоприменителей использовать аналогию закона, порождает процессуальные пробелы, на что обращает внимание О.А. Зеленина [12, с. 13];

— нормами УПК РФ не закреплено право иметь представителя на первоначальной стадии уголовного судопроизводства;

— в УПК РФ отсутствуют нормы, регламентирующие применение цифровых технологий, таких как видео-конференц-связь, электронный документооборот, искусственный интеллект, и других в области представительства иностранных граждан в досудебном уголовном судопроизводстве. Наличие подобных проблем отмечают И.Р. Бегишев и А.В. Майоров [17, с. 68-69].

Вместе с тем, согласно нормам международного права* и международным договорам Российской Федерации**, регулирующим участие иностранных граждан в уголовном процессе, иностранный гражданин вне зависимости от процессуального статуса и стадии процесса имеет право на помощь и представительство со стороны государства, гражданином (подданным) которого он является, в связи с чем должностные лица, осуществляющие уголовное судопроизводство, обязаны обеспечить возможность реализации указанных прав в соответствии с основополагающими принципами, закрепленными в УПК РФ (ч. 1 ст. 11 УПК РФ).

Данные особенности нормами УПК РФ не предусмотрены, что требует гармонизации отечественного законодательства с нормами международного права в условиях возрастающего меж-

дународного сотрудничества*** и указывает на необходимость своевременной модернизации, в том числе путем цифровой трансформации института представительства иностранных граждан в уголовном судопроизводстве. Как справедливо отмечают С.В. Зуев и Н.А. Моругина, цифровая трансформация уголовного процесса должна проходить поэтапно, основываясь на глубоких научных исследованиях [18, с. 91-92].

Решение выявленных проблем видится в следующем:

1) для обеспечения надлежащей защиты прав и законных интересов иностранного гражданина, выступающего в качестве заявителя о преступлении в досудебном уголовном судопроизводстве, а также для предоставления полноценного доступа к правосудию следует закрепить в ст. 3 УПК РФ право иностранного гражданина пользоваться помощью представителя на всех этапах уголовного судопроизводства, в том числе при подаче заявления о преступлении;

2) в целях обеспечения в полной мере возможности реализации прав, обязанностей и ответственности иностранного гражданина, являющегося участником уголовного процесса на этапе приема и регистрации сообщений о преступлениях, целесообразно предусмотреть в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ право пользоваться помощью представителя, что будет способствовать укреплению принципов справедливости, равноправия, повышению уровня доверия к правоохранительной системе государства и созданию эффективного механизма защиты участников на досудебной стадии уголовного процесса [19, с. 212-213];

3) необходимо исследовать основные направления цифровой трансформации института представительства иностранных граждан в досудебном уголовном судопроизводстве Российской Федерации, такие как:

* Венская конвенция о консульских сношениях (Вена, 24 апр. 1963 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** См., например: Консульский договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (Москва, 25 апр. 2002 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. N 4. Ст. 244.

*** О применении судами общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 окт. 2003 г. N 5: ред. от 9 дек. 2025 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. N 12; 2026. N 1.

— обеспечение полноценного доступа к правосудию посредством правового информирования;

— устранение языкового барьера между участниками уголовного судопроизводства;

— предоставление юридической консультации и сопровождения; цифровизация функций представителя (дистанционного назначения, участия и отстранения);

— применение видео-конференц-связи, электронного документооборота, выполнение представительских функций посредством использования возможностей

искусственного интеллекта (юридические консультации, подготовка и перевод документов, а также иные возможности) [20, с. 110-111].

Таким образом, исследование института представительства иностранных граждан в досудебном уголовном судопроизводстве Российской Федерации обладает высокой актуальностью в теоретическом, практическом, научном и социально-экономическом аспектах, научной новизной, теоретической и практической значимостью, что обуславливает необходимость комплексного подхода к данной деятельности.

Список источников

1. Зраева И.М., Зенина М.Г. Миграционная политика России в контексте национальной безопасности страны // Вестник образовательного консорциума «Среднерусский университет». Сер.: Юриспруденция. 2024. N 24. С. 25-28.
2. Майоров А.В., Асадов А.М. Миграционная политика Российской Федерации (Концепция 2030) // Вестник экономики, управления и права. 2026. Т. 19. N 1. С. 6-11.
3. Костюк М.Ф., Кунц Е.В. Миграционная преступность как криминологическая проблема // Миграционное право. 2024. N 4. С. 25-28.
4. Иванова Т.Д. Гарантии прав и законных интересов иностранных граждан в уголовном процессе России: диссертация ... канд. юрид. наук. Самара, 2015. 267 с.
5. Филиппова Т.Ю. Особенности применения российского уголовно-процессуального законодательства в отношении иностранных граждан: монография / под ред. Б.Б. Булатова. Москва: Юрлитинформ, 2016. 192 с.
6. Жукова Н.А. Производство по уголовным делам с участием иностранных граждан в досудебных стадиях в Российской Федерации: диссертация ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2004. 223 с.
7. Майоров А.В. Представительство иностранных граждан в уголовном судопроизводстве России // Социальное управление. 2025. Т. 7. N 6. С. 425-432.
8. Тепленко А.Н. Особенности участия представителя иностранного гражданина при подаче заявления о преступлении, сделанного в письменном виде // Вестник экономики, управления и права. 2025. Т. 18. N 3. С. 56-63.
9. Тепленко А.Н. Представительство иностранных граждан в уголовном процессе России как правовой институт: понятие, признаки, структура // Право и управление. 2024. N 5. С. 439-447.
10. Тепленко А.Н. Институт представительства иностранных граждан в уголовном судопроизводстве государств – участников Содружества Независимых Государств (сравнительно-правовой анализ). Часть 1 // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2026. Т. 37. N 1. С. 136-146.
11. Карпушев М.А. Правовое обеспечение представительства в досудебном уголовном судопроизводстве: диссертация ... канд. юрид. наук. Москва, 2018. 306 с.
12. Зеленина О.А. Процессуальный статус участника уголовного судопроизводства и его изменение в досудебном производстве: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2004. 28 с.
13. Тепленко А.Н. Особенности содержания института представительства иностранных граждан в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2025. N 2. С. 80-88.
14. Тепленко А.Н. Уголовно-процессуальный статус представителя иностранного гражданина в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Проблемы права. 2026. N 1. С. 150-155.
15. Тепленко А.Н. Уголовно-процессуальный механизм участия представителя иностранного гражданина в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. N 4. С. 175-181.
16. Беспамятнов Р.В. Особенности приема и регистрации сообщения о преступлении, совершенном иностранным гражданином и в отношении него // Государственная служба и кадры. 2023. N 4. С. 198-211.
17. Бегишев И.Р., Майоров А.В. Цифровая трансформация уголовного судопроизводства: теоретические основы и проблемы правового регулирования // Правопорядок: история, теория, практика. 2026. N 1. С. 67-72.

18. Зуев С.В., Моругина Н.А. Электронное уголовное дело: теоретическая модель // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. N 3. С. 83-94.

19. Тепленко А.Н. Особенности представительства иностранных граждан на этапе приема и регистрации заявления о преступлении // Юрист-Правовед. 2025. N 3. С. 208-214.

20. Тепленко А.Н. Цифровая трансформация института представительства иностранных граждан в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2026. N 1. С. 104-111.

References

1. Zraeva I.M., Zenina M.G. Russia's Migration Policy in the Context of the Country's National Security. Bulletin of the educational consortium "Central Russian University". Series: Law, 2024, no. 24, pp. 25-28. (In Russ.).

2. Mayorov A.V., Asadov A.M. Migration Policy of the Russian Federation (Concept 2030). Bulletin of Economics, Management and Law, 2026, vol. 19, no. 1, pp. 6-11. (In Russ.).

3. Kostyuk M.F., Kuntz E.V. Migration Crime as a Criminological Problem. Migration Law, 2024, no. 4, pp. 25-28. (In Russ.).

4. Ivanova T.D. Guarantees of the Rights and Legitimate Interests of Foreign Citizens in the Russian Criminal Procedure. Cand. Diss. Samara, 2015. 267 p. (In Russ.).

5. Filippova T.Yu. Features of Application of the Russian Criminal Procedure Legislation in Relation to Foreign Citizens. Moscow, Yurlitinform Publ., 2016. 192 p. (In Russ.).

6. Zhukova N.A. Proceedings on criminal cases involving foreign citizens in the pre-trial stages in the Russian Federation. Cand. Diss. St. Petersburg, 2004. 223 p. (In Russ.).

7. Mayorov A.V. Representation of foreign citizens in the criminal proceedings in Russia. Social management, 2025, vol. 7, no. 6, pp. 425-432. (In Russ.).

8. Teplenko A.N. Features of the Participation of a Representative of a Foreign Citizen in the Submission of a Written Statement of a Crime. Bulletin of Economics, Management, and Law, 2025, vol. 18, no. 3, pp. 56-63. (In Russ.).

9. Teplenko A.N. Representation of Foreign Citizens in the Criminal Procedure of Russia as a Legal Institution: Concept, Features, and Structure. Law and Management, 2024, no. 5, pp. 439-447. (In Russ.).

10. Teplenko A.N. The Institution of Representation of Foreign Citizens in the Criminal Proceedings of the Member States of the Commonwealth of Independent States (Comparative Legal Analysis). Part 1. Criminalistics: Yesterday, Today, and Tomorrow, 2026, vol. 37, no. 1, pp. 136-146. (In Russ.).

11. Karpushev M.A. Legal support of representation in pre-trial criminal proceedings. Cand. Diss. Moscow, 2018. 306 p. (In Russ.).

12. Zelenina O.A. The procedural status of a participant in criminal proceedings and its changes in pre-trial proceedings. Autoabstract Cand. Diss. Moscow, 2004. 28 p. (In Russ.).

13. Teplenko A.N. Features of the content of the institution of representation of foreign citizens in the criminal proceedings of the Russian Federation. Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025, no. 2, pp. 80-88. (In Russ.).

14. Teplenko A.N. Criminal procedural status of a representative of a foreign citizen in the criminal proceedings of the Russian Federation. Problems of Law, 2026, no. 1, pp. 150-155. (In Russ.).

15. Teplenko A.N. Criminal Procedure Mechanism of Participation of a Representative of a Foreign Citizen in Criminal Proceedings of the Russian Federation. Law and Order: History, Theory, Practice, 2025, no. 4, pp. 175-181. (In Russ.).

16. Bepamyatnov R.V. Features of Receiving and Registering a Report of a Crime Committed by a Foreign Citizen and Against Them. State Service and Personnel, 2023, no. 4, pp. 198-211. (In Russ.).

17. Begishev I.R., Mayorov A.V. Digital Transformation of Criminal Proceedings: Theoretical Foundations and Problems of Legal Regulation. Law and Order: History, Theory, and Practice, 2026, no. 1, pp. 67-72. (In Russ.).

18. Zuev S.V., Morugina N.A. Electronic Criminal Case: A Theoretical Model. Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024, vol. 15, no. 3, pp. 83-94. (In Russ.).

19. Teplenko A.N. Features of the Representation of Foreign Citizens at the Stage of Receiving and Registering a Report of a Crime. Yurist-Pravoved, 2025, no. 3, pp. 208-214. (In Russ.).

20. Teplenko A.N. Digital Transformation of the Institution of Representation of Foreign Citizens in Criminal Proceedings. Legal Science and Law Enforcement Practice, 2026, no. 1, pp. 104-111. (In Russ.).

Научная специальность: 5.1.4

Зарубежный опыт правового регулирования обратной силы уголовного закона

Олеся Валерьевна Обернихина,

Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Новокузнецк, Россия;
Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова, Казань, Россия, Olesia.obernihina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4122-9966>

Аннотация. В статье на основе сравнительно-правового анализа законодательства и правоприменительной практики стран романо-германской (ФРГ, Франция) и англосаксонской (Великобритания, США) правовых семей выделены две основные модели правовой регламентации обратной силы уголовного закона: континентальная, базирующаяся на формализованном законодательном закреплении правила *lex mitior*, и англо-американская, опирающаяся на прецедентное толкование запрета *ex post facto laws*. Определены возможные направления имплементации положительного зарубежного опыта в российское уголовное законодательство. Аргументировано, что механическое заимствование исключений из запрета обратной силы более строгого закона (например, «формулы Радбруха») недопустимо без создания эффективных процессуальных гарантий.

Ключевые слова: обратная сила уголовного закона, сравнительно-правовой анализ, континентальная правовая система, англосаксонская правовая система, имплементация

Для цитирования: Обернихина О.В. Зарубежный опыт правового регулирования обратной силы уголовного закона // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2026. N 2 (76). С. 90-96.

Foreign experience in legal regulation of the retroactive effect of criminal law

Olesya V. Obernihina,

Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service, Novokuznetsk, Russia; Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov, Kazan, Russia, Olesia.obernihina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4122-9966>

Abstract. Based on the comparative legal analysis of the legislation and law enforcement practice of the countries with the Romano-Germanic (Germany, France) and Anglo-Saxon (the United Kingdom, the United States of America) legal systems, two main models of legal regulation of the retroactive effect of criminal law are distinguished: the continental model, based on the formalized legislative enshrinement of the *lex mitior* rule, and the Anglo-American model, based on the precedential interpretation of the prohibition of *ex post facto* laws. Some possible directions for implementing the positive foreign experience in the Russian criminal law are identified. It is argued that mechanical borrowing of the exceptions to the prohibition of retroactive effect of a stricter law (e.g. the "Radbruch formula") is unacceptable without creating the effective procedural guarantees.

Keywords: retroactive effect of criminal law, comparative legal analysis, continental legal system, Anglo-Saxon legal system, implementation

For citation: Obernihina O.V. Foreign experience in legal regulation of the retroactive effect of criminal law // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2026. No. 2 (76). P. 90-96.

Введение

В теории уголовного права проблема действия уголовного закона во времени относится к числу фундаментальных. Ее центральным вопросом является вопрос об обратной силе закона, то есть о возможности распространения действия нового уголовно-правового акта на деяния, совершенные до его вступления в силу.

Как справедливо отмечает А.М. Ерасов, уголовный закон способен стать эффективным средством достижения целей уголовной политики государства только в том случае, если он социально обусловлен, однако вновь принятый уголовно-правовой акт может по-разному повлиять на оценку и правовые последствия деяний, совершенных до его введения в действие, что с неизбежностью порождает темпоральную коллизию между нормами старого и нового уголовного законодательства [1, с. 3].

В международно-правовой сфере соответствующие базовые принципы закреплены в ст. 7 Конвенции о защите прав человека и основных свобод* (далее — Конвенция о защите прав) и в ст. 15 Международного пакта о гражданских и политических правах**. Принцип *nullum crimen, nulla poena sine lege* предписывает запрет обратной силы закона, устанавливающего или отягчающего наказание, и одновременно императивно требует придания обратной силы закону, смягчающему или отменяющему наказание (принцип *lex mitior*). Однако способы нормативного закрепления и практической реализации данного правила в различных правовых системах существенно отличаются.

В связи с изменением международно-правового статуса Российской Федерации необходимо пояснить, почему обращение к опыту Совета Европы и Конвенции о защите прав сохраняет свою актуальность. С 16 марта 2022 г. Россий-

ская Федерация прекратила свое членство в Совете Европы, а Федеральным законом от 28 февраля 2023 г. N 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы»*** было оформлено окончание действия соответствующих договоров, включая Конвенцию о защите прав, в отношениях с участием России. Тем не менее анализ правовых стандартов Совета Европы и практики Европейского суда по правам человека сохраняет научную и практическую значимость для целей совершенствования российского уголовного законодательства по ряду причин.

Во-первых, длительный период членства Российской Федерации в Совете Европы (с 1996 по 2022 год) обусловил существенное влияние европейских правовых стандартов на формирование отечественного законодательства и правоприменительной практики; многие правовые институты и подходы, выработанные в этот период, продолжают оказывать воздействие на российскую правовую систему. Во-вторых, изучение иностранного опыта (включая механизмы имплементации европейских стандартов в правовые системы государств — членов Совета Европы) позволяет выявить универсальные закономерности правового регулирования, применимые вне зависимости от участия страны в той или иной международной организации. В-третьих, сравнительно-правовой анализ моделей реализации принципа *lex mitior* в государствах, ориентированных на европейские правовые стандарты, сохраняет научную ценность для совершенствования национального уголовного законодательства, в том числе с учетом опыта постсоветской гармонизации правовых систем.

На основании вышеизложенного в настоящей статье дальнейшее обращение к положениям Конвенции о защите прав и практике ее применения осуществляется в сравнительно-правовом плане, без признания их обязательности для Российской Федерации на современном этапе. В связи с этим необходимо выявить модели правового регулирования обратной силы уголовного закона в странах, отно-

* Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS N 005 (Рим, 4 нояб. 1950 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. N 2. Ст. 163.

** Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16 дек. 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1994. N 12.

*** Рос. газ. 2023. 2 марта.

сящихся к романо-германской и англосаксонской правовым семьям, и определить возможные направления имплементации положительного зарубежного опыта в российское уголовное законодательство.

Основная часть

1. Континентальная модель: формализованное закрепление правила *lex mitior*. Континентальная модель правовой регламентации обратной силы уголовного закона характеризуется формализованным законодательным закреплением правила о применении закона, улучшающего положение лица. основополагающим принципом выступает императив: новый уголовный закон, отменяющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, подлежит обязательному ретроактивному применению.

В ФРГ принцип законности уголовного наказания закреплен на конституционном уровне — в абз. 2 ст. 103 Основного закона Федеративной Республики Германия: «Деяние может быть наказано только в том случае, если наказуемость деяния была установлена законом до его совершения»*. Федеральный конституционный суд Германии неоднократно подчеркивал, что запрет обратной силы уголовного закона, установленный указанной выше нормой, является абсолютным и выполняет свою правовую и правозащитную функцию посредством строгого ограничения законодателя**.

Вместе с тем германское уголовное законодательство предусматривает конкретизацию исключения из данного конституционного запрета. Согласно § 2 абз. 3 Уголовного кодекса Федеративной Республики Германия, если после совершения деяния вступает в силу новый закон, улучшающий положение лица, то именно этот закон подлежит применению и распространяется на ранее совершенное деяние

(даже с обратной силой). При этом норма действует только в пользу осужденного***. Согласно Основному закону Федеративной Республики Германия (абз. 2 ст. 103) принцип законности действует в пользу правонарушителя, запрещая придание обратной силы закону, устанавливающему или усиливающему наказание. Особенностью германского подхода является законодательное закрепление критериев оценки «мягкости» закона: суд обязан сопоставить старый и новый закон и применить тот из них, который в целом является более благоприятным для подсудимого [2, с. 629].

Французская правовая система также формализованно закрепляет принцип обратной силы более мягкого уголовного закона. Статья 112-1 Уголовного кодекса Франции прямо устанавливает: «Наказуемы только те деяния, признаки которых определены законом. Наказанию подлежат лишь преступления, которые предусмотрены законом на дату совершения деяния. Однако новые положения применяются к деяниям, совершенным до их вступления в силу и не ставшим предметом окончательного судебного решения, если они являются менее строгими, чем старые положения»****. Конституционный совет Франции в своем решении, вынесенном в 1981 году, придал данному правилу конституционное значение, указав, что если новая уголовно-правовая норма устанавливает менее строгое наказание по сравнению со старой, то новая уголовно-правовая норма имеет обратную силу*****. Это правило является правилом конституционного характера. Отличительная особенность французской правовой системы — расширение круга лиц, подпадающих под действие закона, улучшающего их положение: обратная сила действует вплоть до момента окончательного вступления приговора в законную силу.

* Основной закон Федеративной Республики Германия от 23 мая 1949 г. URL: <https://www.wipo.int>

** См., например: Решение Второго сената Федерального конституционного суда Германии от 24 окт. 1996 г. N 2 BvR 1851/94 // Библиотека конституций Пашкова Романа: сайт. URL: <https://worldconstitutions.ru>

*** Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия: в ред. от 13 нояб. 1998 г. URL: <https://www.wipo.int>

**** Уголовный кодекс Франции: принят 22 июля 1992 г., вступил в силу с 1 марта 1994 г. URL: <https://www.wipo.int>

***** См.: Journal officiel de la République française. 1981. 22 janvier. P. 308.

Таким образом, континентальная модель имеет следующие отличительные черты: а) закрепление правила *lex mitior* на высшем нормативном уровне — в конституции или законе; б) детальная законодательная регламентация механизма применения обратной силы закона, улучшающего положение лица; в) законодательное закрепление критериев оценки «мягкости» закона либо расширение круга лиц, подпадающих под действие закона, улучшающего положение лица.

2. Англо-американская модель: прецедентное толкование запрета *ex post facto laws*. Англо-американская модель существенно отличается от континентальной. Она характеризуется отсутствием формализованного законодательного закрепления принципа *lex mitior* и опирается на прецедентное толкование конституционного запрета законов *ex post facto laws*.

В США запрету обратной силы уголовного закона придается конституционное значение. Пункт 3 раздела 9 статьи I Конституции США устанавливает: «Ни один закон *ex post facto* не должен приниматься». Аналогичный запрет в отношении штатов содержится в разделе 10 статьи I*. Верховный суд США в своей прецедентной практике определил, что запрет *ex post facto laws* распространяется на любые законы, которые: 1) объявляют преступлением деяние, не являвшееся таковым на момент его совершения; 2) увеличивают меру наказания; 3) изменяют правила доказывания в сторону ухудшения положения обвиняемого (дело Калдер против Булла, 1798 год)**. В официальном комментарии к Конституции США отмечается, что «суд истолковал оба положения как запрещающие законодательным органам принимать законы, которые возлагают уголовную ответственность или увеличивают уголовное наказание ретроактивно»***.

* Конституция Соединенных Штатов Америки 1787 года. URL: <https://www.hist.msu.ru>

** URL: <https://constitution.org>

*** Библиотека Конгресса. Исследовательская служба Конгресса. Конституция Соединенных Штатов Америки: анализ и толкование = Constitution Annotated. URL: <https://constitution.congress.gov>

Существенной особенностью американской модели является то, что Верховный суд США неоднократно отказывал в признании законов *ex post facto laws* в отношении изменений в судебных процедурах и санкциях, которые не ухудшают положение подсудимых. Например, относительно дела Добберт против Флориды (1977 год) Верховный суд США указал, что изменение порядка назначения наказания не является *ex post facto laws*, если оно не ухудшает положение осужденного****. Что касается правила *lex mitior*, то в США оно не имеет конституционного закрепления. Как отмечается в доктрине американского уголовного права, «*Lex mitior* обычно применяется только до того, как приговор становится окончательным, то есть лица, чьи приговоры уже вступили в законную силу, как правило, не могут ссылаться на эту доктрину для отмены или пересмотра своих приговоров»*****. В деле Эллинбург против Соединенных Штатов Америки (2026 год) Верховный суд США единогласно постановил, что реституция в соответствии с Законом «О принудительной (или обязательной) реституции (возмещении ущерба) потерпевшим» от 1996 года является уголовным наказанием для целей Положения об *ex post facto laws******.

Правовая система Великобритании, основанная на сочетании статутного права и судебного прецедента, не предусматривает формализованного конституционного запрета обратной силы уголовного закона. Вместе с тем данная правовая система в значительной степени гармонизирована с европейскими стандартами в силу членства в Совете Европы и действия Конвенции о защите прав. Статья 7 Конвенции о защите прав, имплементированная в британское право Законом о правах человека 1998 года, устанавливает базовые стандарты в этой области. Как разъясняет *Liberty* (независимая правозащитная организация Великобритании), «...никто не может быть признан виновным в совершении преступления, которое не являлось преступлением в соответствии с законом на момент его со-

**** URL: <https://supreme.justia.com>

***** *Lex mitior* // Legal Information Institute. URL: <https://www.law.cornell.edu>

***** URL: <https://www.supremecourt.gov>

вершения, и любые благоприятные изменения уголовного закона, имевшие место после совершения преступления и до вынесения окончательного приговора, должны быть применены»*. Вместе с тем общее право исходит из презумпции о том, что статуты не предназначены для придания обратной силы, если только намерение парламента действовать ретроспективно не выражено в самом законе с достаточной степенью определенности**. Принцип законности в британском уголовном праве является фундаментальным. При этом его нормативное содержание и обеспечение в значительной степени формируются судебным прецедентным правом, которое исторически является основным источником отрасли [3, с. 10].

Таким образом, британская модель, не имея формализованного закрепления правила *lex mitior*, в значительной степени следует международно-правовым стандартам через имплементацию Конвенции о защите прав и прецедентное толкование. Отсутствие формализованных критериев *lex mitior* в Великобритании приводит к большей гибкости правоприменения, но создает риски для единообразия судебной практики.

Проведенный сравнительно-правовой анализ позволяет выделить достоинства и недостатки обеих рассмотренных моделей и определить возможные направления имплементации зарубежного опыта в российское уголовное законодательство.

Наибольшую ценность для российской правовой системы представляет германский опыт законодательного закрепления критериев оценки «мягкости» уголовного закона. В статье 10 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) закреплён общий принцип обратной силы закона: закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, имеет обратную силу. Одна-

ко ни уголовный закон, ни постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации не содержат развернутых критериев, позволяющих суду определить, какой именно закон является улучшающим положение лица в случаях, когда сравнение отдельных элементов санкции не дает однозначного ответа.

Как справедливо отмечают А.В. Смирнов и М.Л. Поздняков, отсутствие четких критериев приводит к противоречивой судебной практике и нарушению принципа правовой определенности [4, с. 64]. В связи с этим представляется обоснованным заимствование германского подхода, при котором законодательно закрепляются правила: а) сравнение законов должно производиться в полном объеме, а не по отдельным элементам; б) следует применять тот закон, который в целом является более благоприятным для виновного; в) при невозможности определить более мягкий закон применяется закон, действовавший на момент совершения преступления.

Французский опыт расширения круга лиц, подпадающих под действие закона, улучшающего их положение, также представляет интерес. Статья 10 УК РФ предусматривает, что закон, смягчающий наказание, имеет обратную силу и распространяется на лиц, отбывающих наказание. Однако при применении данной нормы возникают проблемы: не всегда ясно, распространяется ли закон, улучшающий положение, на лиц, отбывающих дополнительные виды наказаний; на лиц, освобожденных условно-досрочно; на лиц, в отношении которых наказание исполнено, но судимость не погашена.

Французское законодательство решает эти вопросы более последовательно: закон, улучшающий положение лица, распространяется на деяния, совершенные до его вступления в силу, даже если в отношении этих деяний уже вынесен обвинительный приговор, но при условии, что он не вступил в законную силу (ст. 112-1 Уголовного кодекса Франции). Данный опыт может быть полезен для совершенствования российского законодательства в части уточнения момента, до которого возможно применение закона, улучшающего положение («до вступления приговора в за-

* Liberty. No punishment without law: Article 7 of the European Convention on Human Rights. London: Liberty, 2020. 15 p. URL: <https://www.e-lawresources.co.uk>

** R. (on the application of F.) v Secretary of State for the Home Department [2010] UKSC 17. URL: <https://www.supremecourt.uk>

конную силу»), и расширения круга лиц, имеющих право на пересмотр наказания.

Особого внимания заслуживает американский опыт разработки детализированных рекомендаций для судов по пересчету срока наказания при смягчении уголовного закона. Хотя правило *lex mitior* прямо не закреплено в Конституции США, федеральные руководства по назначению наказания содержат детализированные процедуры пересчета наказания при изменении закона в сторону смягчения [5, с. 45-48]. В Российской Федерации в настоящее время отсутствуют детализированные методические рекомендации для судов по пересчету срока наказания при применении обратной силы закона, улучшающего положение. Очевидно то, что судебная практика применения ст. 10 УК РФ, особенно в части приведения приговоров в соответствие с новым уголовным законом, нуждается в унификации. В связи с этим целесообразно разработать и утвердить постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации детализированные рекомендации, включая единый алгоритм действий суда и правила пересчета срока отбытой и неотбытой частей наказания.

Кроме того, следует рассмотреть вопрос о возможности имплементации в российское уголовное законодательство так называемой формулы Радбруха, которая в исключительных случаях допускает ретроактивное применение более строгого закона для преодоления «невыносимых» правовых ситуаций. Густав Радбрух предложил двучленную формулу: законы, которые в такой степени противоречат основным принципам справедливости, что они должны считаться недействительными, не могут рассматриваться в качестве права [6, с. 107-108]. Немецкие суды применяли эту формулу после Второй мировой войны в качестве основания для уголовного преследования лиц, обвиняемых в совершении преступлений во времена нацизма и в период коммунистического правления в ГДР (например, дела о «стрелках у Берлинской стены») [7, с. 139-141].

Вместе с тем механическое заимствование исключений из запрета обратной силы более строгого закона недопустимо без создания эффективных процессуальных гарантий, препятству-

ющих ретроактивному применению репрессивных норм.

Как указывает Р. Алекси, применение «формулы Радбруха» возможно только при наличии эффективных процессуальных гарантий, исключающих возможность произвольного ретроактивного применения репрессивных норм [7, с. 146]. К таким гарантиям относятся: конституционное закрепление принципа *nullum crimen sine lege* (в России – ст. 54 Конституции Российской Федерации); постановка применения ретроактивной нормы в зависимость от решения высших судебных инстанций (например, Конституционного Суда Российской Федерации); исчерпывающий перечень оснований ретроактивного применения (только для преступлений против мира и безопасности человечества). Кроме того, «формула Радбруха» была разработана и применялась в особых исторических условиях, связанных с преодолением наследия тоталитарных режимов. Правовая система современного российского государства является стабильной, поэтому необходимости в подобном исключении нет. В Российской Федерации отсутствует формализованное определение критериев несовместимости законов с принципом правовой определенности для целей ретроактивного применения, а введение такого механизма без предварительной разработки процессуальных механизмов его ограничения создаст серьезные риски судебного усмотрения и отступления от принципа правовой определенности.

Заключение

Проведенный сравнительно-правовой анализ законодательства и правоприменительной практики стран романо-германской (ФРГ, Франция) и англосаксонской (Великобритания, США) правовых систем позволяет выделить две основные модели правовой регламентации обратной силы уголовного закона: континентальную, базирующуюся на формализованном законодательном закреплении правила *lex mitior*, и англо-американскую, опирающуюся на прецедентное толкование запрета *ex post facto laws*.

С учетом положительного опыта зарубежных стран представляется обоснованным предложить следующие на-

правления имплементации в российское уголовное законодательство:

а) законодательное закрепление критериев оценки «мягкости» закона (опыт ФРГ): в ст. 10 УК РФ целесообразно внести дополнения, устанавливающие, что сравнение уголовных законов должно производиться в полном объеме, а не по отдельным элементам, с применением того закона, который в целом является более благоприятным для подсудимого; при невозможности определить закон, улучшающий положение лица, применяется закон, действовавший на момент совершения преступления;

б) расширение круга лиц, подпадающих под действие правила *lex mitior* (опыт Франции): в ст. 10 УК РФ следует уточнить, что действие закона, улучшающего положение лица, охватывает деяния, совершенные до вступления данного закона в силу, вплоть до момента вступления приговора в законную силу, а также распространить действие такого закона на дополнительные виды наказаний, условно-досрочно освобожденных и лиц с неснятой судимостью.

Кроме того, используя положительный опыт США, необходимо разработать и утвердить постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации детализированные методические рекомендации по пересчету срока наказания при применении обратной силы закона, включая единый алгоритм действий суда и правила пересчета срока отбытой и неотбытой частей наказания.

Вместе с тем механическое заимствование исключений из запрета обратной силы более строгого закона (например, «формулы Радбруха») недопустимо без создания эффективных процессуальных гарантий, препятствующих ретроактивному применению репрессивных норм. Такая имплементация возможна лишь при наличии конституционного закрепления принципа *nullum crimen sine lege*, постановки применения ретроактивной нормы в зависимость от решения высших судебных инстанций и разработанных формализованных критериев «невыносимости» закона, что в современных условиях российской правовой системы представляется преждевременным.

Список источников

1. Ерасов А.М. Обратная сила уголовного закона: диссертация ... канд. юрид. наук. Москва, 2004. 217 с.
2. Bohlander M. Retrospective reductions in the severity of substantive criminal law – The *lex mitior* principle and the impact of *Scoppola v Italy* No. 2 // *Criminal Law Review*. 2011. Vol. 7. Pp. 627-641.
3. Lamond G. Basic Principles of English Criminal Law // *The Limits of Criminal Law: Anglo-German Concepts and Principles* / Cambridge: Intersentia, 2018. Pp. 9-38.
4. Смирнов А.В., Поздняков М.Л. Сокращение наказания при смягчении уголовного закона: принцип пропорциональности // *Уголовный процесс*. 2014. N 2. С. 62-71.
5. Federal Sentencing Guidelines Manual. Washington, D.C.: United States Sentencing Commission, 2023. 680 p.
6. Radbruch G. Gesetzliches Unrecht und übergesetzliches Recht // *Süddeutsche Juristenzeitung*. 1946. N 1. S. 105-108.
7. Алекси Р. Дуальная природа права // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2010. N 2. С. 138-152.

References

1. Erasov A.M. Retroactive Force of Criminal Law. Cand. Diss. Moscow, 2004. 217 p. (In Russ.).
2. Bohlander M. Retrospective reductions in the severity of substantive criminal law – The *lex mitior* principle and the impact of *Scoppola v Italy* No. 2. *Criminal Law Review*, 2011, vol. 7, pp. 627-641.
3. Lamond G. Basic Principles of English Criminal Law. Dyson M., Vogel B. (eds.). *The Limits of Criminal Law: Anglo-German Concepts and Principles*. Cambridge, Intersentia Publ., 2018. Pp. 9-38.
4. Smirnov A.V., Pozdnyakov M.L. Reduction of punishment upon mitigation of criminal law: the principle of proportionality. *Criminal Procedure*, 2014, no. 2, pp. 62-71. (In Russ.).
5. Federal Sentencing Guidelines Manual. Washington, D.C.: United States Sentencing Commission, 2023. 680 p.
6. Radbruch G. Gesetzliches Unrecht und übergesetzliches Recht. *Süddeutsche Juristenzeitung*, 1946, no. 1, pp. 105-108.
7. Alexy R. The dual nature of law. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Jurisprudence*, 2010, no. 2, pp. 138-152. (In Russ.).

Раздел 6. Обзоры, рецензии, критика

Научная специальность: 5.1.4

Отзыв на диссертацию О.А. Фарафоновой «Производство вербальных следственных действий посредством видео-конференц-связи»*

Любовь Александровна Шестакова,

кандидат юридических наук, доцент, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия, lyuboshestakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6374-1880>

Аннотация. В отзыве на диссертационное исследование раскрываются основные положения работы соискателя, посвященной актуальной проблеме производства вербальных следственных действий (допроса, очной ставки, предъявления для опознания) посредством видео-конференц-связи. Подчеркиваются обоснованность выбора темы в условиях цифровой трансформации уголовного судопроизводства и новизна полученных результатов, выражающаяся в выявлении процессуальных особенностей дистанционного формата, разработке организационно-технологического алгоритма и тактических рекомендаций. Отмечаются положительные стороны диссертации: глубокая теоретическая проработка, репрезентативная эмпирическая база, масштабная апробация результатов, а также сформулированные автором предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства. Приводятся критические замечания относительно недостаточного использования межотраслевого и зарубежного опыта, дискуссионности некоторых законодательных предложений и необходимости дополнительной интерпретации эмпирических данных, послужившие поводом для научной дискуссии в ходе публичной защиты.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, вербальные следственные действия, видео-конференц-связь, дистанционное производство следственных действий, допрос, очная ставка, предъявление для опознания

Для цитирования: Шестакова Л.А. Отзыв на диссертацию О.А. Фарафоновой «Производство вербальных следственных действий посредством видео-конференц-связи» // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2026. N 2 (76). С. 97-104.

Review of the dissertation by O.A. Farafonova "Conduction of verbal investigative actions via video-conferencing"

Lyubov' A. Shestakova,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Samara National Research University named after academician S.P. Korolev, Samara, Russia, lyuboshestakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6374-1880>

Abstract. The review analyzes the main provisions of the dissertation research devoted to the actual problem of conducting verbal investigative actions (interrogation, confrontation, presentation for identification) via video-conferencing. The validity of the choice of the research topic in the context of the digital transformation of criminal proceedings, as well as the novelty of the obtained results, which is reflected in identifying some procedural features of the remote format, in developing the organizational and technological algorithm and tactical recommendations, are emphasized. The positive aspects of the dissertation research, such as: in-depth theoretical study, representative empirical base, large-scale validation of the results, as well as the author's proposals for improving the criminal procedural legislation, are noted. Some critical comments regarding the insufficient use of interdisciplinary and international experience, the controversial nature of some legislative proposals and the need for additional interpretation of empirical data, which gave rise to scientific discussion during the public defense, are provided.

* Фарафонов О.А. Производство вербальных следственных действий посредством видео-конференц-связи: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. М., 2025. 240 с.

Keywords: criminal proceedings, verbal investigative actions, video-conferencing, remote investigative actions, interrogation, confrontation, presentation for identification

For citation: Shestakova L.A. Review of the dissertation by O.A. Farafonova "Conduction of verbal investigative actions via video-conferencing" // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2026. No. 2 (76). P. 97-104.

Актуальность темы диссертационного исследования не вызывает сомнений и убедительно обоснована соискателем. Автор справедливо связывает необходимость внедрения в деятельность органов расследования современных информационных технологий с такими тенденциями, как активное внедрение в общественную жизнь достижений научно-технического прогресса, появление изоциренных форм преступности и, как следствие, потребность в адекватном совершенствовании инструментов уголовного судопроизводства.

Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. N 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» к национальным целям развития Российской Федерации отнесена цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы*. В Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. N 490, подчеркивается общий («сквозной») характер применения прикладных технологических решений, разработанных на основе искусственного интеллекта. Технологии позволяют преодолевать ограничения, связанные с территориальной удаленностью, и оперативно получать доказательственную информацию, несмотря на обширность территории Российской Федерации, глобализацию и миграцию населения**. Использование видео-конференц-связи (далее также — ВКС) способствует повышению эффективности борьбы с преступностью, что является одним из приоритетов в сфере обеспечения национальной безопасности, как это определено в Стратегии нацио-

нальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. N 400***. В условиях эпидемиологических ограничений ВКС также подтвердила свою эффективность как инструмент обеспечения непрерывности предварительного расследования.

Реализуемый государством курс на цифровизацию общественных отношений не только неизбежно влечет изменения в регламентации процессуальных правоотношений в самой уголовно-процессуальной деятельности, но и требует от юридической науки исследования и обоснования возможностей использования информационных (электронных, цифровых) технологий в доказывании, и прежде всего в производстве следственных действий, которые являются основным способом собирания доказательств.

Таким образом, внедрение ВКС представляет собой системную меру модернизации уголовного судопроизводства, соответствующую стратегическим ориентирам цифровой трансформации и направленную на оптимизацию процессуальной деятельности при безусловном соблюдении прав участников процесса.

Состояние научной разработанности темы охарактеризовано полно и объективно. Автор указывает на фундаментальный вклад классиков процессуальной науки и криминалистики (Р.С. Белкина, Н.В. Жогина, Ф.Н. Фаткуллина, С.А. Шейфера, Н.И. Порубова и др.), а также называет современных исследователей, в работах которых затрагиваются вопросы использования ВКС. При этом верно отмечается, что многие изыскания либо проводились до законодательного закрепления дистанционного формата, либо не ставили своей целью выявление глубинной взаимосвязи между продуктивностью таких следственных действий и закономерностями

* Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

** Там же.

*** Там же.

вербального способа процессуального познания. Данный тезис логично подводит к формулировке цели исследования.

Цель исследования сформулирована четко и емко, соискатель на монографическом уровне комплексно изучил теоретико-прикладные проблемы производства допроса, очной ставки и предъявления для опознания посредством ВКС.

Для достижения цели автором поставлен комплекс взаимосвязанных задач: проанализировать причины внедрения технологий ВКС в уголовное судопроизводство Российской Федерации; выявить причины несвоевременного внедрения ВКС в досудебное производство относительно судебных стадий процесса; исследовать влияние вербальной природы следственных действий на эффективность их проведения в формате ВКС; определить процессуальные особенности производства вербальных следственных действий с использованием ВКС; разработать организационно-технологический алгоритм проведения допроса, очной ставки и опознания посредством ВКС; сформулировать тактические рекомендации для производства следственных действий в дистанционном формате; подготовить предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики.

Результатом проведенного исследования стала система предложений, направленных на совершенствование уголовно-процессуального законодательства и оптимизацию правоприменительной деятельности органов предварительного расследования. Необходимо констатировать, что перечень задач является полным и обеспечивает последовательное раскрытие темы.

Объект и предмет исследования определены корректно. В качестве объекта выступают правоотношения, складывающиеся в процессе подготовки, осуществления и фиксации дистанционных следственных действий. Предмет исследования включает широкий круг элементов: теоретические положения, научные позиции, нормы права, методические рекомендации и правоприменительную практику. Границы объекта и предмета очерчены четко.

Структура диссертации (введение, две главы, включающие шесть параграфов, заключение, список источников, приложения) является логичной и полностью соответствует цели и задачам исследования.

Методологическая основа диссертации представляет собой системную совокупность методов познания. В качестве основного заявлен диалектический метод, что является методологически верным. Применение общенаучных (системного анализа, сравнения) и специальных (сравнительно-правового, историко-правового, социологического) методов, используемых в различных комбинациях, следует признать адекватным для решения поставленных задач.

Эмпирическая база исследования является солидной и репрезентативной. Она включает результаты анкетирования 283 респондентов (следователей, дознавателей, прокуроров, адвокатов) из 7 субъектов Российской Федерации, а также материалы 73 уголовных дел, по которым следственные действия осуществлялись дистанционно. Такой объем и география эмпирического материала позволяют считать выводы и рекомендации автора обоснованными.

Анализ текста диссертации показывает, что О.А. Фарафонова изучила, обобщила и использовала в качестве аргументов для собственных выводов достаточный объем литературных источников, относящихся к объекту и предмету исследования. В целом положительной оценки заслуживают теоретическая основа и нормативно-правовая база работы. Теоретическая база включает в себя основополагающие труды по уголовно-процессуальному и уголовному праву. В нормативно-правовую базу вошли международные правовые акты, Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные и федеральные законы, в том числе уголовно-процессуальное и уголовное законодательство, ведомственные нормативные правовые акты.

Научная новизна исследования обусловлена комплексным подходом и заключается в раскрытии процессуальных особенностей производства следственных действий с использованием ВКС и разработке системы организационно-технологических рекомендаций, охватывающих все этапы их про-

изводства: от подготовки и рабочего этапа до фиксации хода и результатов. Высказаны соответствующие предложения по внесению изменений и дополнений в уголовно-процессуальное законодательство.

Наиболее существенные результаты диссертационного исследования, определяющие его научную значимость:

- выявлен комплекс факторов организационного, технического и гарантирующего характера, обуславливающих несвоевременное внедрение данных технологий в практику дознания и предварительного следствия по сравнению с судебными стадиями (с. 47-50);

- выявлена и теоретически обоснована взаимосвязь между вербальной природой таких следственных действий, как допрос, очная ставка и предъявление для опознания, и их повышенным гносеологическим потенциалом при производстве посредством ВКС. Данный вывод служит фундаментом для определения допустимых пределов и оптимальных условий использования дистанционного формата в следственных действиях (с. 62);

- раскрыты специальные правовые условия и процедурные особенности производства следственных действий с использованием ВКС, что имеет важное значение для обеспечения их законности и получения допустимых доказательств (с. 83-107);

- разработан комплекс оригинальных тактических приемов, направленных на повышение эффективности допроса, очной ставки и предъявления для опознания, проводимых в дистанционном формате (с. 123-173).

В работе содержится ряд других ценных предложений по совершенствованию действующего законодательства. В частности, в первой главе диссертации — «Вербальные следственные действия, производимые посредством видео-конференц-связи, в общей системе способов уголовно-процессуального познания» — внедрение ВКС в уголовное судопроизводство представлено как закономерный и объективный процесс, детерминированный научно-техническим прогрессом и цифровизацией общественных отношений, что отвечает стратегическим целям развития государства, закрепленным в программных документах.

Автор последовательно показывает, что внедрение технологии началось с судебных стадий (с 1999 года), и лишь после принятия Федерального закона от 30 декабря 2021 г. N 501-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» было распространено на досудебное производство (ст. 189.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ)). Отмечается, что инициатива и практика применения ВКС длительное время опережали законодательное регулирование. Ключевую роль в легитимации и расширении сферы использования ВКС сыграли правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, которые последовательно конкретизировали дистанционную форму участия как альтернативу личному присутствию (с. 31-38).

В главе формулируется важный вывод о доказательственной природе результатов, полученных посредством ВКС. Несмотря на наличие промежуточного звена (цифровой канал связи), позволяющего считать такие доказательства производными, автор констатирует, что их познавательная ценность практически не уступает результатам, полученным при очном производстве следственных действий (с. 73).

Диссертант также систематизирует и детально анализирует большинство процессуальных проблем, возникающих на практике: неопределенность в распределении обязанностей по обеспечению участия защитника, переводчика, педагога; отсутствие четкого законодательного регулирования защищенной платформы для ВКС, что создает риски нарушения тайны следствия (ст. 161 УПК РФ); сложность и громоздкость процедуры ознакомления с протоколом и его подписания участниками, находящимися в разных локациях. На основе выявленных проблем автор формулирует конкретные предложения по совершенствованию ст. 189.1 УПК РФ, в частности, детализирует процедуру ознакомления с протоколом, используя защищенные каналы ведомственной связи (СЭП ИСОД МВД России), и исключение из текста статьи дублирующих и неясных положений (с. 106-108).

Во второй главе — «Особенности производства отдельных следственных

действий посредством видео-конференц-связи» — допрос определяется как центральное вербальное следственное действие, на которое приходится значительный объем времени следователя. Подчеркивается, что он требует комплексной подготовки с учетом процессуальных, криминалистических, организационных, психологических и этических аспектов. Обоснована невозможность производства в дистанционном формате первоначального допроса обвиняемого (из-за тесной связи с предъявлением обвинения по ч. 1 ст. 173 УПК РФ) и высказана осторожная позиция относительно допроса задержанного подозреваемого.

Подчеркнута необходимость эффективного взаимодействия между следователем-«инициатором» (ведущим дело) и следователем-«ассистентом» (исполняющим поручение). Роль «ассистента» не сводится к техническому обеспечению; он выполняет обязанности по разъяснению порядка допроса, установлению психологического контакта и созданию комфортной обстановки для допрашиваемого. На подготовительном этапе критически важны детальное планирование, включая оценку целесообразности использования ВКС, и составление развернутого поручения для «ассистента». Удостоверение личности и разъяснение прав возложено на «ассистента», находящегося рядом с допрашиваемым. Особое внимание уделяется установлению психологического контакта и преодолению барьеров, вызванных дистанционным форматом. Заключительный этап (фиксация, ознакомление с протоколом) требует адаптации процедуры с использованием систем электронного документооборота (СЭП ИСОД МВД России).

Констатируется, что дистанционный формат не препятствует применению мер безопасности, в частности допросу под псевдонимом (ч. 9 ст. 166 УПК РФ), с соответствующим порядком фиксации и хранения материалов (с. 134). Сделан категоричный вывод о невозможности производства очной ставки с визуальным контактом, если в отношении одного из участников применяются меры безопасности, исключающие его визуальное наблюдение, так как это противоречит требованию ч. 2 ст. 192 УПК РФ о выяснении

того, знают ли друг друга лица, между которыми проводится данное следственное действие (с. 148). Дистанционный формат признан условно пригодным для предъявления для опознания, в первую очередь только для опознания живых лиц. Опознание предметов, трупов, животных, участков местности и иных объектов посредством ВКС названо нежелательным или невозможным из-за искажения признаков, отсутствия тактильного восприятия и трудностей с обеспечением условий, адекватных первоначальному восприятию (с. 161).

Сформулированные положения, выносимые на защиту, являются логическим завершением проведенного исследования, отражают его концептуальную основу и в совокупности представляют собой целостную систему взглядов на проблему. Они охватывают закономерности внедрения ВКС, ее пригодность для вербальных следственных действий, доказательственную природу полученных результатов, условия и тактические особенности их производства.

Апробация результатов диссертационного исследования проведена на высоком уровне и соответствует предъявляемым требованиям. Соискатель демонстрирует активную научно-исследовательскую позицию и широкий охват научного сообщества для обсуждения полученных результатов. По теме диссертации опубликовано 13 научных работ, общий объем которых составляет 5,1 печатных листа. Важным показателем является наличие 3-х статей в изданиях, включенных ВАК при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук. Это подтверждает соответствие полученных диссертантом результатов критериям научности и новизны.

Результаты исследования неоднократно докладывались и получили положительную оценку на 8-ми международных научно-практических конференциях и конкурсах, проведенных в период с 2022 по 2025 год в ведущих научных и образовательных центрах в городах Москва, Воронеж, Омск, Пенза, Калининград. Ши-

рокий географический и тематический спектр мероприятий указывает на межрегиональное и международное признание актуальности работы. Важным аргументом в пользу практической ценности исследования является внедрение его результатов: в учебный процесс 3-х ведомственных образовательных организаций высшего образования (Омская академия МВД России, Карагандинская академия МВД Республики Казахстан, Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России); в деятельность органов внутренних дел (ООД УМВД России по Вологодской области и Отдела полиции «Правобережный» УМВД России по г. Магнитогорску), что подтверждает востребованность подготовленных автором рекомендаций и их прикладной характер, способствующий оптимизации следственной работы. Таким образом, апробация результатов является всесторонней и подтверждает достоверность, научную новизну и практическую значимость проведенного исследования.

Основные положения, предложения, выводы, рекомендации, разработанные О.А. Фарафоновой и нашедшие свое отражение в диссертации, способствуют не только развитию теории уголовно-процессуальной науки, являясь основой для конструктивной научной дискуссии и дальнейшего исследования данной проблемы, но и совершенствованию законодательной и правоприменительной деятельности. Представляется, что основные положения данного диссертационного исследования будут содействовать повышению эффективности научных исследований и преподавания курсов «Уголовный процесс» и специальных курсов, а также уточнению и дополнению имеющихся в этих сферах знаний.

Вместе с тем, положительно оценивая работу О.А. Фарафоновой, необходимо в порядке научной дискуссии и развития некоторых положений диссертации обратить внимание на следующее:

1. Раскрывая процессуальные особенности производства следственных действий с использованием ВКС в соответствии с УПК РФ, диссертант, к сожалению, не в полной мере учитывает, что цифровизация представляет собой системную,

межотраслевую тенденцию современного права. Не отрицая специфику уголовного процесса, представляется методологически важным обратиться к апробированному опыту применения аналогичных технологий в смежных процессуальных отраслях. Речь идет о ст. 153.1 «Участие в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи» Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, ст. 155.1 «Участие в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи» Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, а также главе 14 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, детально регламентирующей удаленное участие в судопроизводстве, и п. 7 ст. 29.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, допускающего возможность участия в рассмотрении дела путем использования систем видео-конференц-связи. Арбитражный процесс, в частности, накопил значительный и во многом новаторский опыт цифровизации, который мог бы быть полезен в уголовном процессе. Учет данного межотраслевого контекста позволил бы избежать дублирования ошибок и избрать уже проверенные правоприменительной практикой решения. В связи с этим представляется, что использование подхода межотраслевой конвергенции помогло бы обогатить исследование и способствовать выработке более обоснованных и системных предложений по модернизации уголовно-процессуальных институтов.

2. В диссертации предпринята попытка обращения к зарубежному опыту, о чем свидетельствует упоминание таких государств, как США, Канада, Австралия, Украина, Казахстан, Беларусь, и др. (с. 43, 45, 116-119). Однако анализ зарубежных моделей регулирования и практики применения ВКС в уголовном процессе носит фрагментарный характер и не систематизирован. Между тем объем диссертации позволяет провести более обстоятельное сравнительно-правовое исследование. Например, в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Республики Германия (§ 58a) ВКС применяется для допросов свидетелей и экспертов, однако личное присутствие обви-

няемого, как правило, считается необходимым для обеспечения его права на защиту. Уголовно-процессуальный кодекс Франции (ст. 706-71) предусматривает использование ВКС не только для допросов, но и для очных ставок и опознания, в том числе в рамках международной правовой помощи. Опыт Нидерландов демонстрирует активное использование ВКС полицией и прокуратурой, включая допросы несовершеннолетних. Особо внимания заслуживает Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь, в ст. 224-1 которого содержится исчерпывающий перечень оснований для использования ВКС. В законодательном процессе Российской Федерации аналогичный перечень оснований активно обсуждался, однако не был законодательно закреплён. Более глубокий анализ указанных и иных зарубежных моделей позволил бы выявить универсальные и национально-специфические подходы к регулированию дистанционных следственных действий.

3. На странице 71 диссертации автор поддерживает отказ от закрепления в УПК РФ исчерпывающего перечня оснований для производства следственного действия посредством ВКС, аргументируя это необходимостью предоставления следователю свободы усмотрения. С данной позицией диссертанта нельзя согласиться безоговорочно. Опыт таких государств, как Республика Беларусь и Республика Казахстан, наглядно демонстрирует целесообразность законодательного определения указанных оснований. Это способствует не только единообразию правоприменительной практики, но и расширению использования дистанционных форматов. В российской научной литературе неоднократно предлагалось закрепить в качестве таких оснований, в частности, необходимость обеспечения безопасности участников, состояние их здоровья, сокращение сроков расследования, а также чрезвычайные обстоятельства (эпидемии, стихийные бедствия). Подобный законодательный подход видится более предпочтительным, поскольку он создает четкие и прозрачные правовые ориентиры, минимизируя риски произвольного принятия процессуальных решений.

4. Вызывают сомнения некоторые предложения автора по совершенствованию законодательства, изложенные

на с. 218 диссертации. В частности, детальное описание процедуры сканирования и пересылки протокола посредством сервисов электронной почты, а также последующей распечатки и подшивки документов к материалам уголовного дела является избыточным для текста УПК РФ. Представляется верным подход, согласно которому уголовно-процессуальный кодекс должен закреплять фундаментальные процессуальные гарантии и основы процедуры, в то время как детальные технические и организационные требования, в силу их изменчивости, должны регламентироваться подзаконными ведомственными актами. Это обеспечивает гибкость регулирования и позволяет оперативно адаптировать его к развитию технологий. В связи с этим более обоснованным является высказывавшееся в научной литературе предложение о разработке ведомственного Регламента о порядке использования ВКС в уголовном процессе (по аналогии с Регламентом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации), в котором можно детально учесть все технические аспекты, включая используемые средства связи, порядок подключения и требования к протоколированию.

Предложение автора дублировать в протоколе данные о месте и времени производства следственного действия по месту нахождения как следователя, так и допрашиваемого лица представляется излишним, поскольку общий порядок ведения протокола, установленный ст.ст. 164, 166 и 167 УПК РФ, уже обеспечивает необходимую процессуальную фиксацию.

5. Требуют дополнительного пояснения результаты анкетирования практических работников, изложенные на с. 220-232 диссертации. В частности, вызывает вопросы п. 5 анкеты, в котором респондентам предлагалось указать, использовали ли они ВКС для производства невербальных следственных действий, таких как обыск, следственный эксперимент или освидетельствование. При этом из 186 респондентов один указал на проведение посредством ВКС проверки показаний на месте, а двое отметили использование технологии для удовлетворения ходатайств. Подобные ответы свидетельствуют о наличии на практике неочевидных, а в некоторых случаях и

не регламентированных законом способов использования ВКС. Целесообразна авторская интерпретация этих данных: являются ли они следствием пробелов в правовом регулировании, результатом ошибочного понимания вопросов респондентами или же указывают на потенциальные, но пока не регламентированные законодательно направления применения дистанционных технологий. Этот аспект остался нераскрытым, что не позволяет в полной мере оценить перспективы внедрения ВКС в производство невербальных следственных действий с точки зрения диссертанта.

Высказанные замечания носят частный характер и не влияют на общее положительное впечатление от диссертационного исследования О.А. Фарафоновой, которое имеет теоретическую и практическую значимость, представляет собой оригинальное самостоятельное творческое исследование.

Диссертационное исследование О.А. Фарафоновой — законченная научно-квалификационная работа, в которой содержится решение задачи, имеющей существенное значение для развития науки уголовного процесса и совершенствования правоохранительной практики. Диссертация носит самостоятельный характер, обладает внутренним единством, научной обоснованностью, содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, которые свидетельствуют о личном вкладе соискателя в науку уголовного процесса.

Предложенные диссертантом решения аргументированы и оценены по сравнению с другими известными решениями. Достоверность и обоснованность выводов, полученных в результате исследования, подтверждается использованием соответствующих методологических приемов,

научной литературы, нормативной базы и эмпирических данных. Диссертация написана хорошим литературным языком и оформлена в соответствии с Положением о присуждении ученых степеней, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. N 842*. Перечисленные параметры диссертационного исследования подтверждают методологическую, теоретическую и фактическую основательность проведенного исследования, убеждают в достоверности выводов, сделанных диссертантом.

Диссертация в полной мере соответствует паспорту специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Автореферат диссертации в достаточной степени отражает ее содержание. В автореферате диссертации содержатся основные идеи и выводы диссертационного исследования, показаны вклад соискателя в разработку избранной темы, степень новизны и значимости результатов исследований, а также обоснована структура диссертации.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что диссертация О.А. Фарафоновой на тему «Производство вербальных следственных действий посредством видео-конференц-связи» по содержанию и форме отвечает требованиям пп. 9-11, 13 и 14 Положения о присуждении ученых степеней, является комплексным и завершенным исследованием, отличающимся актуальностью и новизной, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

* О порядке присуждения ученых степеней: постановление Правительства Российской Федерации от 24 сент. 2013 г. N 842: ред. от 16 окт. 2024 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>